

SOCI@M

2019

ISSN 2658-5855

12+

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ
Том 4 № 3

SOCIAL COMPETENCE

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

педагогические науки

социологические науки

юридические науки

Редакционная коллегия

Главный редактор – Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии ИРННТУ

Заместитель главного редактора – Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРННТУ

Ответственный за выпуск – Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРННТУ

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления ИГУ

Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРННТУ

Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заместитель директора Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области

Мушинский Михаил Адеилович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции ИРННТУ

Дементьева Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, и.о. директора Института лингвистики и межкультурных коммуникаций ИРННТУ

Татарников Владимир Германович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции ИРННТУ

Редакционный совет

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета

Казakov Алексей Аширович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, доцент филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета, Президент Международной Академии психологических наук

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия»

Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Поздеев Вячеслав Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Туяя Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университета науки и технологий

Хагуров Темыр Айтчевич, доктор социологических наук, профессор Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук

Эрдэнэмаам Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета

EDITORIAL COLLEGIUM

Editor-in-Chief – Struk Elena Nikolayevna, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Sociology and Psychology Department in INRTU

Deputy Editor-in-Chief – Sidorova Natalya Vasilyevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Responsible to sign off the issue – Kopalkina Evgeniya Gennadyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Karmadonov Oleg Anatolyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of State and Municipal Management Department in ISU

Pulyaevskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Criminal Law Department, Deputy Director of East-Siberian Branch of the Russian Academy of Justice, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region

Mushinskiy Mikhail Adeilovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Jurisprudence Department in INRTU

Dementyeva Olga Vyacheslavovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Director of Linguistics and Cross-Cultural Communication Institute in INRTU

Tatarnikov Vladimir Germanovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Jurisprudence Department in INRTU

EDITORIAL BOARD

Baikov Nikolay Mikhailovich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

Vorotilkina Elena Mikhailovna, PhD in Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department in Priamursky State University

Kazakov Alexey Ashirovitch, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian and Foreign Literature Department, Associate Professor of Faculty of Philology at National Research Tomsk State University

Kozlov Vladimir Vasilyevich, PhD in Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology in Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences

Lipatova Lyudmila Nikolayevna, PhD in Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution “Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic”

Podlinyaev Oleg Leonidovich, PhD in Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department in Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Pozdeev Vyacheslav Alexeevitch, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods Department at Vyatka State University

Romashov Roman Anatolyevich, PhD in Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Department in St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honoured Scholar of the Russian Federation

Tuya Gotovyn, PhD, Head of European Studies Department in Mongolian State University of Science and Technology

Hagurov Temyr Aitechevich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Kuban State University, Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Federation. Full Member of the Russian Academy of Social Sciences

Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department in Mongolian State University

Содержание

Содержание.....	198
Струк Е.Н. Слово главного редактора.....	199

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бондарева Е.В. Основные формы таможенного контроля как способа регулирования и развития отношений в рамках Таможенного союза.....	200
Мушинский М.А., Шаламова А.Н. Проблемы эффективности антикоррупционного законодательства (по материалам России и Казахстана).....	209
Пахаруков А.А. Понятие и виды арбитражного управления в российском праве.....	221
Шамурзаев Т.Т., Архипова А.Н., Туркова В.Н. Международно-правовое регулирование в прокуратурах новых государственных образований.....	231

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гомбоева И.С. Контекстное образование как условие развития транспрофессиональных характеристик личности.....	239
Ларионова Л.А. Педагогический потенциал образовательного пространства вуза в формировании личностно-профессиональных ценностей студентов, будущих психологов.....	246

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Большов В.Б. Доверительные практики в молодежной среде.....	255
Гамурак А.В. К вопросу о трансформации городской среды методами тактического урбанизма и соучаствующего проектирования.....	266
Карушева Ю.М. Политический символ в формировании национальной идентичности школьников (на примере символа «Родина»).....	272
Копалкина Е. Г. Эвальвация содействия трудоустройству безработных женщин в современных условиях (на примере города Иркутска).....	279
Маякова А.В. Современный этап развития постиндустриального общества: социокультурный аспект.....	286
Петрова Е.В., Жалсанова В.Г., Бильтрикова А.В. Мигранты в Бурятии: оценки принимающего сообщества.....	292
Хакназаров С.Х. Государственная поддержка как форма улучшения качества жизни представителей коренных народов Севера – Югры: социологический аспект.....	299

Contents

Contents.....	198
Struk E.N. A letter from the editor-in-chief.....	199

JURIDICAL SCIENCES

Bondareva E.V. The main types of customs control as ways to regulate and develop relations in the Customs Union.....	200
Mushinskiy M.A., Shalamova A.N. Problems of efficiency of anti-corruption legislation (based on the materials of Russia and Kazakhstan).....	209
Pakharukov A.A. The concept and types of arbitration management in Russian law.....	221
Shamurzaev T.T., Arkhipova A.N., Turkova V.N. International legal regulation in Prosecutor's offices of new state entities.....	231

PEDAGOGICAL SCIENCES

Gomboyeva I.S. Contextual education as a condition for development of trans-professional personality characteristics.....	239
Larionova L.A. The pedagogical potential of the educational space of the university in the formation of personal and professional values of future psychologists.....	246

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Bolshov V.B. Trust-based practice among young people.....	255
Gamurak A.V. On transformation of urban environment by methods of tactical urbanism and participatory design.....	266
Karusheva Yu.M. Political symbol in formation of schoolchildren's national identity (through the example of the symbol "Motherland").....	272
Kopalkina E.G. Evaluation of employment promotion for unemployed women in the current context (the case of Irkutsk).....	279
Mayakova A.V. The current stage of development of postindustrial society: sociocultural aspect.....	286
Petrova E.V., Zhalsanova V.G., Biltrikova A.V. Migrants in Buryatia: the host community assessments.....	292
Khaknazarov S.Kh. State support as a form of quality of life improvement of representatives of indigenous peoples of the North of Ugra: sociological aspect.....	299

Уважаемые коллеги и читатели!

Представляю вам юбилейный выпуск электронного научного журнала «Социальная компетентность», нам исполнилось ровно три года! Первый номер журнала вышел в сентябре 2016 года. В процессе становления журнала растет его авторитет, расширяется читательская аудитория, а также сотрудничество с авторами из разных регионов нашей страны. Продолжая лучшие традиции, воплощенные в изданиях ИРННТУ, на страницах нашего журнала мы стараемся освещать наиболее значимые события и явления в сфере социологии, педагогики и юриспруденции. Редакция электронного научного журнала «Социальная компетентность» полна планов на ближайшее будущее в деле серьезного повышения своего научного статуса.

Раздел «Юридические науки» представляет статьи наших коллег из ИРННТУ – Е.В. Бондаревой («Основные формы таможенного контроля как способа регулирования и развития отношений в рамках Таможенного союза»), М.А. Мушинского в соавторстве с А.Н. Шаламовой, коллеги из ВСИ МВД России («Проблемы эффективности

антикоррупционного законодательства (по материалам России и Казахстана)», А.Н. Архиповой и В.Н. Турковой совместно с профессором, заведующим кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета (Бишкек, Киргизия) Т.Т. Шамурзаевым («Международно-правовое регулирование в прокуратурах новых государственных образований»), а также коллеги из ИРГУПС – А.А. Пахарукова («Понятие и виды арбитражного управления в российском праве»).

В разделе «Педагогические науки» содержатся серьезные исследования, посвященные контекстному образованию как условию развития транспрофессиональных характеристик личности (И.С. Гомбоева, Забайкальский край), роли педагогического потенциала образовательного пространства вуза в формировании личностно-профессиональных ценностей студентов, будущих психологов (Л.А. Ларионова, ИРННТУ).

В разделе «Социологические науки» дан анализ доверительных практик в молодежной среде (В.Б. Большов, Краснодар), вопросов трансформации городской среды методами тактического урбанизма и соучаствующего проектирования (А.В. Гамурак, Белгород), роли политического символа в формировании национальной идентичности школьников (на примере символа «Родина») (Ю.М. Карушева, Иваново-Санкт-Петербург), эвальвации содействия трудоустройству безработных женщин в современных условиях (на примере города Иркутска) (Е.Г. Копалкина, ИРННТУ), социокультурного аспекта современного этапа развития постиндустриального общества (А.В. Маякова, г. Курск), оценок принимающего сообщества мигрантов в Бурятии (Е.В. Петрова, В.Г. Жалсанова, А.В. Бильтрикова, Улан-Удэ), социологического аспекта государственной поддержки как формы улучшения качества жизни представителей коренных народов Севера – Югры (С.Х. Хакназаров, г. Ханты-Мансийск).

Пользуясь возможностью, поздравляю замечательный коллектив журнала, авторов статей и его читателей с юбилеем! Желаю всем сибирского здоровья, семейного благополучия и дальнейших творческих успехов на поприще отечественной науки. Выражаю вам благодарность за труд, высокий профессионализм, преданность своему делу!

А также хотелось бы поздравить с днем знаний. Пусть новый учебный год станет для каждого из нас временем новых полезных и интересных открытий. Желаю процветания, реализации творческих замыслов, вдохновения в работе, неиссякаемой энергии, оптимизма и личного счастья!

Редакционная коллегия благодарит редакторов и рецензентов за сентябрьский выпуск нашего журнала!

Приятного чтения! До новых встреч!

*Елена Струк, главный редактор,
доктор философских наук*

Основные формы таможенного контроля как способа регулирования и развития отношений в рамках Таможенного союза

© Е.В. Бондарева

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В данной статье дан анализ правовых норм и понятий, сформированных в Таможенном кодексе Таможенного союза. Рассмотрены основные значения, применяемые в таможенном деле. Основанием реализации правовых норм является участие государств в составе единого экономического пространства. Развитие внешнеэкономических отношений позволяет им проводить политику единого направления по стабилизации и дальнейшему развитию собственной экономики. Таким образом совершенствуется внутригосударственный рынок. Идут процессы вложения инвестиций, снижения или отмены тарифов на ввоз и вывоз товаров, стабилизация цен и т. д. Это позволяет увеличивать объемы товарооборота и услуг. Таможенные процедуры как раз и направлены на повышение эффективности такого взаимодействия. Одним из регуляторов является таможенный контроль. Различные его формы и способы наглядно показывают необходимость реформирования правовой базы данного вопроса. Применение некоторых форм диктует необходимость использования технических средств. Современные технологии активно работают в области таможенного осмотра, таможенного досмотра, проверки документов и т. д. Но, к сожалению, правовое обеспечение применения технических средств не доработано, а по некоторым показателям и вообще отсутствует.

Ключевые слова: Таможенный контроль, таможенный осмотр, таможенный досмотр, внешнеэкономическая деятельность, таможенная процедура

Информация о статье: Дата поступления 2 июля 2019 г.; дата принятия к печати 3 сентября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Бондарева Е.В. Основные формы таможенного контроля как способа регулирования и развития отношений в рамках Таможенного союза // *Социальная компетентность*. 2019. Том 4. № 3. С. 200–208.

The main types of customs control as ways to regulate and develop relations in the Customs Union

© Elena V. Bondareva

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article provides an analysis of the legal norms and concepts defined in the Customs Code of the Customs Union. It considers the main notions applied in the customs legislation. The basis for the implementation of legal norms is the participation of states in the common economic space. The development of external economic relations allows them to pursue a common policy on stabilization and further development of their own economy. The intrastate market is being improved in this way. Investing, reduction or abolition of tariffs on the import and export of goods, prices stabilization and so on are under way causing increase of goods turnover and services volume. Customs procedures are aimed at improving the efficiency of such interaction. One of the regulators is customs control. Its various forms and methods clearly demonstrate the need to reform the legal background of this issue. Some forms require the use of technology. Application of modern technologies makes customs inspection, customs search, documents check more effective. Unfortunately, legal support of use of technical means has not been finalized, and on some indicators is absent.

Keywords: customs control, customs inspection, customs search, international economic activity, customs procedure

Article info: Received July 2, 2019; accepted for publication September 3, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Bondareva E.V. (2019) The main types of customs control as ways to regulate and develop relations in the Customs Union. *Social Competence*. Vol. 4. No. 3. P. 200–208. (In Russ.)

Конституция Российской Федерации объединяет единые правила внешнеэкономической деятельности и таможенных процедур. Таможенное регулирование регламентируется Таможенным кодексом Та-

моженного союза (далее – ТК ТС). Сложившиеся правовые отношения между Россией, Беларуссией и Казахстаном в рамках этого направления предполагают решение ряда вопросов, направленных на защиту

экономической безопасности этих государств. В ходе реализации таможенных правил возникла необходимость привлечения и других стран, которые выступили в роли наблюдателей. Сложившаяся положительная тенденция развития экономики этих стран позволила другим присоединиться и войти в состав уже сложившегося Таможенного союза. Сегодня он состоит из следующих членов: Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Кыргызстан. Защита экономических интересов, обеспечение государственной безопасности и общественного порядка способствуют достижению поставленных ими целей путем проведения таможенной экспертизы, которая является эффективным способом разрешения разного рода конфликтов. Различные отрасли права, такие как административное, налоговое, гражданское, уголовно-процессуальное, экологическое и т. д. регулируют возникшие правоотношения. В их числе и таможенное законодательство. Важно отметить, что в этой сфере экспертиза может назначаться не только в связи с выявлением и расследованием правонарушений (например, в рамках дознания или производства по делам об административных правонарушениях – нарушениях таможенных правил), но и в процессе осуществления таможенных процедур, а именно таможенного контроля. Производство таможенных экспертиз и исследование товаров является контрольной функцией. Она проявляет себя постоянно вне зависимости от категорий и количества перемещаемых товаров, а также лиц, их перемещающих, и разновидностей транспортных средств. Таможенная экспертиза товаров, документов и транспортных средств имеет большое значение и в целях государственной безопасности, и в целях международной торговли. Подчас именно таможенная экспертиза позволяет вовремя остановить поступление некачественных товаров на потребительский рынок.

В договоре от 6 октября 2007 года «О создании Единой таможенной территории и формировании Таможенного союза» заложены основы образования Таможенного союза трех государств: России, Республики Беларусь и Казахстана. В соответствии с данным документом решением Межгосу-

дарственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 года № 17 принят Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза, устанавливающий правила таможенного регулирования договаривающихся государств. При создании единого таможенного пространства принят с 1 января 2010 года ряд важнейших документов по таможенному регулированию на территории договаривающихся государств: единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Таможенного союза, Единый таможенный тариф, перечни стран – пользователей системы тарифных преференций Таможенного союза и др.¹ В связи с этим институт таможенного дела претерпел определенные изменения. Самые значительные произошли в части процедуры принятия решений в области таможенного дела по результатам таможенных проверок. Сегодня большое внимание уделяется проведению различных видов таможенного контроля. И здесь налицо проблема его эффективности, качества и приведения норм таможенного законодательства. На Федеральную Таможенную Службу России (далее ФТС) возложена ответственность применения форм, средств и методов таможенного контроля. В связи с этим, между участниками-партнерами во внешнеэкономической деятельности могут возникнуть некоторое непонимание. В таком случае необходимо учитывать интересы государств

¹ О новой редакции единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза и Единого таможенного тарифа Таможенного союза (вместе с «Единым таможенным тарифом Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации (ЕП ТС)») (с изм. и доп., вступающими в силу с 22.04.2012): Решение Комиссии Таможенного союза от 18.11.2011 № 850 (ред. от 19.03.2012) // Документ опубликован не был. Справочная правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 28.08.2019). On the new edition of the unified commodity nomenclature for international economic activity of the Customs Union and the common customs tariff of the Customs Union (together with the "Unified Customs Tariff of the Customs Union of the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation (CCT of EAEU) ") (as amended and added, will enter into force on 22.04.2012): Decision of the Customs Union Commission dated November 18, 2011 No. 850 (ed. on March 19, 2012) // The document has not been published. "Consultant-Plus" law reference system. (access date: 28.08.2019).

– членов Таможенного союза и членов внешнеэкономической деятельности. Киотская конвенция наглядно показала, что таможенный контроль должен осуществляться на минимальном уровне. Это позволит работникам таможенных органов обеспечить эффективное использование уже имеющихся ресурсов, а также выявить недобросовестных участников ВЭД, способствовать увеличению международных товарных потоков и т. д. Практика наглядно показывает необходимость дальнейших разработок соответствующих правовых документов. При подаче декларации и ввозе товаров на территорию Таможенного союза и России чаще стали применять электронное оформление документов. Статистика показывает, что досмотру в России подлежат 60 % от всего потока товарных партий. В европейских странах подобные показатели значительно ниже. Это связано в какой-то мере с упрощением некоторых процедурных вопросов, что весьма положительно, но, к сожалению, приводит к снижению коммерческих потоков. Практически 90 % импорта в России попадает под действие профилей рисков. В этот объем входят: медикаменты, продовольствие, одежда и другие товары, вплоть до технологического оборудования. К сожалению, рисков меньше не стало! И главной проблемой является «серый» импорт. Основной риск составляет контрафактный товар, а его, по оценке специалистов, более 50 %. Кроме этого, риски не отражают рыночных цен. Поэтому для совершенствования таможенного контроля определено несколько направлений.

Вступление в силу нового Таможенного законодательства ЕАЭС (Евразийский Экономический союз) с января 2018 года привнесло некоторые изменения в отношении таможенного контроля и таможенных процедур. Таможенное законодательство предусматривало семнадцать процедур, что дало положительный результат. Это коснулось сроков и форм проведения таможенных процедур.

Следующим документом является решение Комиссии Таможенного союза. Она обладает статусом единого постоянно действующего регулирующего органа, созданного для обеспечения условий его функционирования и развития с полномо-

чиями по принятию решений, имеющих обязательный для сторон характер. Данная комиссия учреждена участниками Таможенного союза Договором трех договаривающихся государств-участников Таможенного союза «О Комиссии Таможенного союза».² И обладает статусом единого постоянно действующего регулирующего органа, созданного для обеспечения условий функционирования и развития Таможенного союза с полномочиями по принятию решений, имеющих обязательный для сторон характер.

Таможенные органы по действующему таможенному законодательству ЕАЭС выделяют разные формы контроля:

1. Получение объяснений;
2. Проверка таможенных документов и их сведений;
3. Таможенный осмотр;
4. Таможенный досмотр;
5. Личный таможенный досмотр;
6. Таможенный осмотр помещений и территорий;
7. Таможенная проверка.

К некоторым формам контроля могут применяться технические средства:

- при проверке документов и сведений, необходимых для таможенных целей;
- при таможенном досмотре товаров и транспортных средств, личном досмотре;
- при учете товаров и транспортных средств;
- при устном опросе физических и должностных лиц;
- при проверке учета и отчетности;
- при осмотре территорий и помещений складов, свободных таможенных зон и магазинов беспошлинной торговли и других мест, где могут находиться товары и транспортные средства, подлежащие таможенному контролю;
- при иных формах таможенного контроля, предусмотренных иными актами законодательства РФ по таможенному делу (Кабанов, 2016).

² Договор о Евразийской экономической комиссии (подписан в г. Москве 18.11.2011) // Собрание законодательства РФ. 12.03.2012. № 11. Ст. 1275. Agreement on the Eurasian Economic Commission (signed in Moscow on November 18, 2011) // Collected Acts of the Russian Federation. 12.03.2012. No. 11. Art. 1275.

По мнению практиков, формы таможенного контроля постоянно совершенствуются. При решении некоторых задач могут быть использованы различные методы оптимизации. Это связано с выбором параметров самого контроля. Условно формы классифицируют на основные и дополнительные. К основным можно отнести проверку документов и сведений, таможенный осмотр помещений и территорий, сам таможенный осмотр товаров и транспортных средств. А устный опрос, процедура наблюдений, проверка марок, нанесенных на товары, учет самих товаров и их чётности, можно отнести к дополнительным. С момента пересечения границы товары и транспортные средства сразу попадают под таможенный контроль. Особое внимание уделяется личному досмотру. И здесь, как считают специалисты, присутствует некая исключительность этой процедуры. Именно Таможенный кодекс Таможенного союза и определяет ее исключительное положение. Выяснение обстоятельств, проверка документов, сбор информации – все это проводится устно, в процессе объяснений и выяснений. Личному досмотру подвергаются все категории физических лиц: граждане Российской Федерации, иностранные лица, лица без гражданства, лица, имеющие двойное гражданство. Также таможенным законодательством предусмотрены лица, в отношении которых данная процедура не проводится. К ним относятся: президенты, депутаты, судьи, прокуроры, следователи органов прокуратуры и иные лица, которые освобождены от прохождения подобной процедуры в соответствии с международными договорами стран, которые являются участниками таможенных правоотношений.

Отмечен тот факт, что личный досмотр, как меру процессуального обеспечения производства по делу о нарушении таможенных правил, необходимо отличать от форм таможенного контроля, а также от принудительных мер, не связанных с административным правонарушением, поскольку первый обусловлен фактом неправомерного поведения, а последние являются контрольно-предупредительными или применяются в целях защиты интересов общества и государства (Паулов, 2015).

Возникает спор, а можно ли вещь, находящуюся в кармане, считать сознательно скрытой? Ведь законодательство не содержит четких и строгих критериев относительно некоторых вещей. Тем более, что был внесен интересный термин «при себе». Но тут все же можно предположить многое. Исходя из этого и можно сделать вывод, что то, что перевозится при «себе» не влечёт за собой понятия нарушения или проведения дополнительных процедур. А вещи, проводимые не в багаже, могут быть досмотрены визуально, без соблюдения определенных процедур. И все же хотелось бы по этому вопросу получить более расширенную информацию на законодательном уровне. Пока же можно считать данный вопрос открытым и не до конца определенным. Что наглядно говорит о возможной проблеме.

По данному вопросу в практике европейских стран обусловлен иной подход. И не все государства – партнеры обязаны прислушиваться или отрицать данное положение вещей. При этом многие принимают такое направление все-таки как гуманистический подход. Ведь личному досмотру могут быть подвергнуты и несовершеннолетние, инвалиды, не имеющие физической возможности совершать определенные действия. А также лица недееспособные, которых обязаны сопровождать опекуны или попечители. Но все же данная процедура вызывает стресс. Такое состояние иногда выливается в конфликт «на пустом месте». Работники таможенных органов не учитывают психологическое состояние физического лица на момент прохождения указанной процедуры. Вот здесь возникает озабоченность состоянием здоровья не только лица, проходившего процедуру личного досмотра, но и здоровьем самого работника таможенных органов. Нормы национальных правовых систем не всегда отражают данное положение вещей. Иногда они устремлены на сглаживание острых углов. Рассмотренные варианты направлены на снижение воздействия негативных факторов на физическое лицо. В данном случае просто необходим и профессиональный уровень подготовки самих работников, их психологическая защищенность и т. д. Одним из теоретиков подведён некий итог того, что это все вызывает или за-

рождает проблему, на которую сразу не обращают внимания. А это может стать важным вопросом в реферировании правовых аспектов (Григорянн, 2014).

Далее возможно рассмотреть две формы таможенного контроля: это таможенный осмотр и таможенный досмотр. Они, безусловно, разграничены между собой, но при этом имеют тесное соприкосновение. Их правовое регулирование осуществляется не только таможенным законодательством Таможенного союза, решением комиссии, но и нормами национальных систем тех государств, которые являются активными участниками внешне-экономических отношений. Таможенному осмотру подвергаются документы, личные вещи физического лица, транспортные средства, товар, перевозимый через таможенную территорию. Вещи, не подлежащие вскрытию, надлому, распечатки товара или надрыва его упаковки. Иными словами, это визуальный осмотр. Под таможенным досмотром принято понимать более тщательный и углубленный осмотр. Например, вскрытие, надрыв целостности. Положительный эффект достигается при применении или использовании специальных технических приспособлений и устройств. А также необходимо учитывать высокий профессионализм работников таможенных органов, накопленный ими опыт и навыки. Конечно же, объектами данных форм принято считать товары и транспортные средства. Так как про таможенный личный осмотр было сказано выше, то здесь остановимся на таможенном досмотре. Условия, при которых данная таможенная процедура может проводиться, возникают как следствие уже совершенных определенных действий: выпуск товаров, въезд транспортных средств, оборот товаров и т. д. Данный вид контроля направлен на обеспечение экономической безопасности государства. Большую роль в этом играет его политика, направленная на сохранение целостности экономики, защиту потребителя от проникновения некачественного товара или транспортных средств (Нощенко, 2012).

Развитие технического прогресса заставляет совершенствовать и развивать способы и методы применения таможен-

ного контроля. Интересен анализ проведения подобных мероприятий в авиационных пунктах. Воздушный транспорт имеет ряд преимуществ. Перевозка пассажиров этим видом лидирует среди других способов передвижения. Именно большой поток пассажиров диктует правила применения технологии таможенного контроля в отношении воздушных судов. Наиболее распространенными его формами являются таможенный осмотр, досмотр и таможенное наблюдение. Строительство современных аэропортов с применением технических новшеств создает необходимые условия для формирования правовых аспектов. При таких специфических условиях объектом являются: багаж, ручная кладь пассажиров. А это влечет за собой наличие разных тайников и т. д. И при осмотре данной категории вещей просто необходимо наличие специальной техники, различных средств и приспособлений. Они ускоряют процесс проверок. Но тут необходимо учитывать специфику воздушного судна, его строение, конфигурацию и т. д. Процедура такого осмотра начинается с кабины экипажа, затем проверке подлежит пассажирский салон, багажный отдел, механизмы заправки, служебные отсеки. Одним из основных технических возможностей является рентген. Сегодня просмотр вещей таким способом кажется нам обычным делом. Но и это техническое средство, как инновационный метод диагностики и контроля, присутствует не везде. Положительный пример внедрения современных способов присутствует в аэропорту г. Ростова-Дону «Платов». Здесь используется самый передовой способ таможенного контроля. Один из них – сканирование человека. Он позволяет предотвратить многие негативные моменты. Это бесконтактный способ осмотра. Но при этом весьма эффективный. Пассажир, проходя подобную процедуру, не испытывает стресса и возможных неудобств, которые могут привести к нежелательным последствиям. Информация о проведении таких осмотров сразу поступает в специальные отделы, обеспечивающие безопасность полетов воздушных судов, прохождения пассажиров и провоза багажа. Технические средства позволяют специалистам быстро ана-

лизировать поступившие сведения и своевременно на них реагировать. Благодаря этому удалось предотвратить множество негативных явлений. Это поиск и обнаружение взрывчатых веществ, легко воспламеняющихся жидкостей, которые запрещены к провозу и использованию. Выемка у пассажиров наркотических и психотропных препаратов. Незаконный провоз животных, оружия всех видов и боеприпасов. Этот вопрос более подробно рассматривается в ряде статей, где специалистами указаны технические средства и их характеристики, с помощью которых проводятся указанные процедуры таможенного контроля. (Шевчук, 2016). Инновационный подход прослеживается и при выполнении многих нормативных актов в области таможенного дела. Письма, инструкции, распоряжения Федеральной Таможенной службы Российской Федерации направлены на совершенствование применения и проведения таможенных процедур различного характера.

Схожей с формой таможенного досмотра рассматривают таможенное наблюдение. Определение ст.110 Таможенного Кодекса Таможенного союза указывает на то, что таможенное наблюдение является формой таможенного контроля. Так, таможенное наблюдение является гласным, целенаправленным, систематическим или разовым, непосредственным или опосредованным визуальным наблюдением, в том числе с применением технических средств должностными лицами за перевозкой товаров, в том числе транспортных средств, находящихся под таможенным контролем, совершением с ними грузовых и иных операций³. Данная форма имеет сложное и объемное определение. Действующий порядок указывает на то, что таможенное наблюдение является гласным, то есть с ведома и разрешения лица, которое осуществляет провоз товаров и транспортных средств. Статьей 108 ТК ТС довольно четко установлен и ограничен перечень грузовых и иных операций, который включает в себя транспортировку, взвешивание

или иное определение количества товаров, погрузку, разгрузку, перегрузку, исправление поврежденной упаковки, вскрытие, упаковку либо переупаковку товаров, подлежащих таможенному контролю, а также вскрытие помещений, емкостей и других мест, где находятся или могут находиться такие товары.⁴ Данная форма таможенного контроля намного упрощает процедуру таможенного осмотра и досмотра. Это, безусловно, является положительным моментом. Визуальное наблюдение работников таможенной службы позволяет им самостоятельно решать вопросы, связанные с необходимостью проведения или назначения других форм контроля. Но есть и отрицательные моменты. Например, несвоевременное выявление правонарушений. Это может коснуться административных или уголовных преступлений в сфере таможенного дела. Проявляется это чаще всего в том, что визуальный осмотр не показал всей полноты соответствия или несоответствия заявленным качествам товара. Случаются ситуации, когда специальное сокрытие запрещенных к провозу товаров приходится дополнительно подвергать таможенному осмотру или досмотру. Работники таможенной службы идут на нарушение непосредственно своих должностных обязанностей. Это вызывает скопление очередей на таможенном посту, трату времени и привлечение дополнительных работников таможенной службы. С целью анализа применения данных форм таможенного контроля обратимся к исследованию, проводимому в регионе деятельности Северо-Западного таможенного управления, а именно в Санкт-Петербургской и Балтийской таможнях. Так, в статье «Бизнес потерял на таможенных «наблюдениях» 130 миллионов рублей» описываются такие показатели: согласно статистическим данным, таможенному наблюдению было подвергнуто около 2 % от оформленных товарных партий, в то время как доля товаров, подвергнутая таможенному досмотру, составила порядка 6,9 %⁵. По мнению некото-

³ Таможенный кодекс Таможенного союза от 01.07.2010 // Бюллетень международных договоров. 2010. № 50. Ст. 6615. Customs Code of the Customs Union dated 01.07.2010//Bulletin of International Treaties. 2010. No. 50. Art. 6615.

⁴ См. там же. See *ibid.*

⁵ Бизнес потерял на таможенных «наблюдениях» 130 миллионов рублей / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruslankiss.livejournal.com>. The business lost 130 million rubles on customs "observations" / [Elec-

рых аналитиков, таможенное наблюдение можно применять в совокупности с другими формами контроля, так как здесь прослеживается тесная связь и некое соотношение разных его форм. Безусловно, что все они дополняют друг друга (Кисюк, 2017). Статистика показывает, что все-таки форма таможенного досмотра является самой распространенной. Возникший вопрос о замене или альтернативе таможенного наблюдения к таможенному осмотру или досмотру отпадает сам собой. В рамках этого наблюдения напрашивается решение об улучшении администрирования и внедрения новых технологий. Потребности участников внешнеэкономических отношений ежегодно растут. Это вызывает множество правонарушений различного характера в таможенном деле. В основном, это бывает в результате подачи недостоверной информации. Нехватка специальных средств и технологии тормозят выявление, предотвращение подобного рода правонарушений. Государственными органами Российской Федерации ФТС и ФНС была разработана информационно-техническая система контроля за объектами с помощью специальных меток на товарах.⁶ «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия из натурального меха» (норка, нутрия, писец, лиса, кролик, заяц, енот, овчина), что не позволяет обеспечить определенность в отношении иных товаров. При этом расширение спектра контролируемых товаров (и транспортных средств) связано с рядом технических и организационных проблем, требующих своего решения (Афонин, 2017). Таможенные технологии таможенного контроля можно классифицировать следующие образом:

tronic resource]. Access mode: <http://ruslankiss.livejournal.com>.

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2016 № 235 «О проведении эксперимента по маркировке товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха» // СПС «Гарант». Decree of the Government of the Russian Federation dated March 24, 2016 No. 235 "On the performance of the experiment on marking goods by control (identification) tags for the heading "Articles of clothing, clothing accessories and other products, made of natural fur" // GARANT System

технологии делятся на продуктовые (технология единого окна) и процессные ИДК, Homo-scan, которые являются техническими средствами таможенного контроля; и RFID-технологии Radio Frequency Identification, выступающая средством идентификации) (Афонин, 2017). Использование контрольных идентификационных знаков (КИЗов) – проблема в настоящее время. Эта система основана на чипировании товаров. Существуют сотни позиций, но используется одна. Так же существует широкий выбор стандартов, которые касаются RFID технологий. Но их оптимизация в таможенных органах – проблемный вопрос. Рассмотрим пример разных меток на мехах. Государство, на территории которого товар произведен, само выбирает цвет (произведенных в Союзе – зеленого цвета, для товаров, ввезенных на территорию Союза – красного цвета). Для применения RFID технологии недостаточно той правовой базы, которая существует. Более того, инновационные технологии развиваются и требуют своего технического внедрения, но, к сожалению, правовая база в этом плане очень слабая.

Одним из способов достижения эффективности таможенного контроля считается таможенная экспертиза. Она – одна из составляющих таможенного права. Важным моментом является установление и сохранение баланса между импортом и экспортом. Правовое положение таможенная экспертиза закрепила еще и исторически. На разных этапах развития государства таможенные отношения развивались и крепились. Таможенная экспертиза стала неотъемлемой частью таможенного контроля. Решением Комиссии Таможенного Кодекса Таможенного союза (ст.139) "О порядке проведения таможенной экспертизы при проведении таможенного контроля" от 20 мая 2010 г. № 258 определили порядок проведения таможенной экспертизы⁷. Таможенный кодекс четко выделяет виды таможенной экспертизы:

- идентификационная;
- товароведческая;

Решение Комиссии Таможенного союза от 20.05.2010. № 258. [Электронный ресурс]. Консультант Плюс The decision of the Customs Union Commission dated 05.20 .2010. No. 258. [Electronic resource]. Consultant Plus

- материаловедческая;
- технологическая;
- криминалистическая;
- иные экспертизы, в производстве которых возникает необходимость.

При проведении таможенной экспертизы возникают некоторые коллизии. Как считают некоторые ученые-юристы, такие как С.Н. Метельков, А.В. Нестеров необходимо принятие Федерального закона "Об экспертизе", который смог бы на законодательном уровне урегулировать всю существующую систему противоречий в области экспертизы (Паулов, 2015). Основные задачи ее проведения – назначения объекта таможенного контроля, установление правового статуса, таможенной стоимости товаров и предметов, которые перемещаются через границу Таможенного союза. Но при этом возникают некоторые специфические моменты, дать грамотную и качественную оценку выявленных коллизии, правильное применение выбранных методов таможенного контроля, соответствия тарифного и нетарифного регулирования, установление и идентификация ярлыков товара, соответствие его документам, оценка объектов таможенного контроля. Вывод таможенной экспертизы – важный документ для судебных разбирательств. Лица, осуществляющие таможенную экспертизу, должны обладать определёнными профессиональными качествами. Для них установлены требования: опыт работы, компетенция, непредвзятость и личные качества. Заключение таможенного эксперта должно быть ясным, точным и конкретизированным. Отражать все детали проверки, указывать все способы и приемы, использованные во время экспертизы. Это сложная процедура, отражающая качество таможенной системы в целом.

За несколько последних лет таможенное законодательство претерпело значительные изменения. Формы таможенного контроля видоизменяются. Государство выполняет роль регулятора таможенных пра-

воотношений. Развитие внешнеэкономической деятельности, возникновение международных организации в рамках этого направления диктуют свои правила торговли, обмена и выпуска товаров. Товарооборот значительно вырос, вырос и спрос. Ввоз и вывоз его на территорию и с территории определенного государства подлежит строгому учету и контролю. Таможенное регулирование позволяет сформировать единый подход в этом направлении. Проведя небольшой анализ форм таможенного контроля, можно сделать вывод о том, что не все они являются эффективными. Сформированы они из заключения практиков, которые наглядно показывают, что теоретическое обоснование не совпадает с их выводами. Этот вопрос не является однозначным. Реформирование таможенного законодательства вносит больше ясности по некоторым позициям. Почти в неизменном виде осталась такая форма таможенного контроля как таможенный досмотр. Исключительность состоит в том, что его могут применять при любых формах проверок и экспертиз. А.А. Тюкавкин – Плотников провёл полный анализ правовых норм таможенного дела, которые претерпели значительные изменения или утратили силу (Тюкавкин-Плотников, 2018). Государства – члены ЕАЭС – приняли единую позицию по исполнению форм таможенного контроля. Разработка единых правил и их соблюдение значительно повысили правосознание и меры ответственности. Как у таможенных работников единого таможенного пространства, так и у физических лиц, осуществляющих провоз товаров и транспортных средств. В целом, это привело к поднятию экономики, значительно расширило внутригосударственный рынок за счет увеличения импорта. На примере Таможенного союза создаются и другие международные организации, способствующие развитию и укреплению внешнеэкономических отношений.

Библиографический список

Афонин П.Н., Хрунова А.А. Применение RFID-меток при таможенном контроле товаров, классифицируемых в товарной позиции 4303 // Таможенные чтения 2017. Современная наука и образование на страже

экономических интересов Российской Федерации. В 2-х тт. том I. СПб.: Санкт-Петербургский им. В. Бобкова филиал РТА, 2017. С. 29–35.

Афонин П.Н., Хрунова А.А. RFID как инновационная

технология таможенного контроля в контуре таможенных услуг // Бюллетень инновационных технологий. 2017. Т. 1. № 4 (4). С. 60–63.

Григорян Т.В. Реализация принципа гуманизма в исключительной форме таможенного контроля // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 7 (110). С. 137–147.

Кабанов В.И. Технические средства таможенного контроля: понятие и роль в таможенном контроле // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 4. С. 80.

Кисюк М.Ю., Таскаева С.В. Таможенное наблюдение – альтернатива таможенному досмотру? // Синергия Наук. 2017. № 8. С. 573–579.

Нощенко В.А. Правовое регулирование таможенного контроля: таможенный осмотр и таможенный досмотр // Академический вестник Ростовского филиала

Российской таможенной академии. 2012. № 1 (12). С. 65–68.

Паулов П.А. К вопросу о личном досмотре как исключительной форме таможенного контроля // Вопросы экономики и права. 2015. № 1. С. 17–20.

Паулов П.А. Таможенная экспертиза в рамках таможенного кодекса Таможенного союза // Вопросы экономики и права. 2015. № 83. С. 44–48.

Тюкавкин-Плотников А.А., Шаманова М.А. Формы таможенного контроля в свете изменений таможенного законодательства // Мир культуры, науки, образования. 2018. № 4 (49). С. 86–111.

Шевчук П.С., Щерба М.Ю. Совершенствование технологии таможенного контроля воздушных судов с применением технических средств таможенного контроля // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 3 (24). С. 29–35.

References

Afonin P.N., Khrunova A.L. (2017) Application of RFID tags in customs control of goods classified in heading 4303. Customs readings 2017. Modern science and education on guard of the economic interests of the Russian Federation. In 2 vols. Volume I]. SPb.: Sankt-Peterburgskii im. V. Bobkova filial RTA. P. 29–35. (In Russ.)

Afonin P.N., Khrunova A.L. (2017) RFID-TEG - innovation technology of customs control in circuit of customs service. *The Bulletin of Innovative Technologies*. Vol. 1. No. 4 (4). P. 60–63. (In Russ.)

Grigoryan T.V. (2014) The implementation of the principle of humanism in an exceptional form of customs control]. *Bulletin of ZabGU*. No. 7 (110). P. 137–147. (In Russ.)

Kabanov V.I. (2016) Technical means of customs control: concept and role in customs control. *International scientific journal "Symbol of science"*. No. 4. P. 80. (In Russ.)

Kisyuk M.Yu., Taskaeva S.V. (2017) Is customs surveillance an alternative to customs inspection? *Synergy of Science*. No. 8. P. 573–579.

Noshchenko V.A. (2012) Legal regulation of customs

control: customs inspection and customs search. *Scientific-practical journal "Academic bulletin of the russian customs academy, Rostov branch"*. No. 1 (12). P. 65–68. (In Russ.)

Paulov P.A. (2015) On the personal search as an exceptional form of customs control. *Economic and Law Issues*. No. 1. P. 17–20. (In Russ.)

Paulov P.A. (2015) Customs examination in the customs code of the Customs Union. *Economic and Law Issues*. No. 83. P. 44–48. (In Russ.)

Tyukavkin-Plotnikov A.A., Shamanova M.A. (2018) Forms of customs control in the light of changes in customs legislation. *The world of science, culture and education*. No. 4 (49). P. 86–111. (In Russ.)

Shevchuk P.S., Shcherba M.Yu. (2016) Improving the technology of customs control of aircraft using technical means of customs control. *Scientific-practical journal "Academic bulletin of the russian customs academy, Rostov branch"*. No. 3 (24). P. 29–35. (In Russ.)

Сведения об авторе

Бондарева Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры юриспруденции ИРНИТУ, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
✉ e-mail: elenabondareva.shar@mail.ru

Критерии авторства

Бондарева Е.В. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Elena V. Bondareva, Senior Lecturer of Jurisprudence Department of INRTU, 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation,
✉ e-mail: elenabondareva.shar@mail.ru

Criteria for Authorship

Bondareva E.V. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Проблемы эффективности антикоррупционного законодательства (по материалам России и Казахстана)

© М.А. Мушинский

Национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

© А.Н. Шаламова

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассмотрены актуальные проблемы противодействия коррупции путем реализации юридических средств, являющихся элементами механизмов, зафиксированных в антикоррупционном законодательстве. Осуществлено сравнение некоторых из таких средств, реализуемых в России и в Казахстане. Авторы аргументируют вывод о том, что Россия и Казахстан как государства, имеющие сходные правовые системы, обладают значительным потенциалом для сотрудничества в вопросах противодействия коррупции. Однако этот потенциал используется на сегодня не достаточно активно. Ситуацию следует изменить в следующих направлениях: 1). Совместные научные исследования проблем противодействия коррупции. 2). Взаимное использование положительного и отрицательного опыта при совершенствовании антикоррупционного законодательства и институциональных элементов механизмов противодействия коррупции. 3). Межгосударственное сотрудничество, практическая реализация выработанных мер противодействия во взаимодействии друг с другом, в том числе взаимодействие между собой правоохранительных органов двух стран, вырабатывающих и осуществляющих антикоррупционную политику, реализующих антикоррупционное законодательство. В статье намечены отдельные перспективные направления такого сотрудничества.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционное законодательство, эффективность законодательства, ценностный подход, сравнительно-правовое исследование

Информация о статье: Дата поступления 6 июня 2019 г.; дата принятия к печати 15 июня 2019 г.; дата онлайн размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Мушинский М.А., Шаламова А.Н. Проблемы эффективности антикоррупционного законодательства (по материалам России и Казахстана) // *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 3. С. 209–220.

Problems of Efficiency of Anti-Corruption Legislation (based on the materials of Russia and Kazakhstan)

© Mikhail A. Mushinskiy

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

© Alisa N. Shalamova

East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article considers the current issues of combating corruption through the implementation of legal means that are elements of the mechanisms established by the anti-corruption law. Some of these means implemented in Russia and Kazakhstan are compared. The authors prove that Russia and Kazakhstan as states with similar legal systems have significant potential for cooperation in combating corruption. However, this potential is not actively used today. In order to make a difference, the following should be done: 1). joint research on anti-corruption issues; 2). mutual use of positive and negative experience in improving anti-corruption legislation and institutional elements of anti-corruption mechanisms; 3). interstate cooperation, practical implementation of the developed countermeasures in interaction with each other, including interaction between law enforcement bodies of the two countries developing and implementing anti-corruption policy, enforcing anti-corruption legislation. The article outlines some promising areas of such cooperation.

Keywords: anticorruption, anticorruption legislation, efficiency of legislation, value-based approach, comparative legal research

Article info: Received 6 June 2019; accepted for publication 15 June 2019; available online 30 September 2019.

For citation: Mushinskiy M.A., Shalamova A.N. (2019) Problems of efficiency of anti-corruption legislation (based on the materials of Russia and Kazakhstan). *Social Competence*. Vol. 4. No. 3. P. 209–220. (In Russ.)

На сегодня аксиомой стало утверждение о том, что коррупция является одной

из самых опасных угроз национальной безопасности как для Российской Федерации,

так и для Республики Казахстан. Это утверждение не раз было зафиксировано в документах политико-правового характера. Неоднократно оно звучало и в выступлениях политических лидеров. Так, например, в Стратегии национальной безопасности РФ указывается: «Особое внимание уделяется искоренению причин и условий, порождающих коррупцию, которая является препятствием устойчивому развитию Российской Федерации и реализации стратегических национальных приоритетов»¹. Недавно ушедший в отставку Президент Казахстана – Лидер Нации Н.А. Назарбаев в период пребывания на посту главы государства давал следующую оценку коррупционным преступлениям, совершенным высокопоставленными чиновниками страны: «Предательство государственных интересов и народного доверия». В Послании народу Казахстана, оглашенном в январе 2018 г., Н.А. Назарбаев отметил, что «Только за 3 последних года осуждено за коррупцию более 2,5 тысячи лиц, включая топ-чиновников и руководителей госкомпаний. За этот период возмещено порядка 17 миллиардов тенге нанесенного ими ущерба» (Назарбаев, 2018). Таким образом, коррупция наносит колоссальный вред коренным интересам личности, обществу и государству. С учетом сказанного, по убеждению авторов настоящей статьи, система противодействия коррупции должна иметь не административно-правовые или уголовно-правовые, а конституционные начала.

В имеющихся научных исследованиях проблем коррупции незаслуженно мало внимания уделено аксиологическим аспектам, ценностным основаниям противодействия. Соответствующие основы должны, как нам кажется, использоваться в фундаменте антикоррупционного законодательства. Необходимо иметь в виду, что в идеале законодатель, конструируя при создании

закона механизмы правового регулирования конкретных общественных отношений, моделирует поведенческие нормативы и выбирает правовые средства, исходя из сложившейся в данный момент в обществе иерархии ценностей. Общеизвестные социально-правовые ценности конституционализированы (выражены в тексте конституции и иных источников конституционного права). В конечном итоге именно они формируют цели правового регулирования, лежат в основе критериев оценки социальной эффективности законов и иных нормативных правовых актов.

Среди главных охраняемых законом ценностей важное место занимает безопасность – государственная, личная, общественная, экологическая, информационная, промышленная, технологическая, продовольственная и др. Противодействие коррупции, как уже указывалось, представляет собой приоритетное направление обеспечения национальной безопасности. Данный вид юридической деятельности имеет конституционную основу, поэтому оно может и должно быть описано и аргументировано конституционно-правовой доктриной.

Для характеристики общественной опасности коррупции по вполне понятным причинам чаще всего обращаются к уголовному законодательству. Основная часть составов преступлений, относящихся к категории коррупционных, в структуре УК РФ включена в главу «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Как представляется, данное технико-юридическое решение вряд ли можно признать в полной мере отражающим объект посягательства и реальную общественную опасность коррупции. Это явление не охватывается полностью взятками и другими преступлениями коррупционного характера, хотя они и являются ее наиболее очевидной и четко выраженной составной частью. Коррупция, будучи явлением массовым, циничным, разнообразным в своих проявлениях, сугубо безнравственным, зачастую тщательно замаскированным («под») легальными отношениями, причиняет обществу гораздо более разнообразный и масштабный вред, чем

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212. National Security Strategy of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation dated December 31, 2015 № 683 // Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 2016. No. 1 (part II). Art. 212.

это можно выразить с помощью традиционной уголовно-правовой конструкции «состав преступления». Объект, которому причиняется вред коррупцией, – это не только государственная власть, интересы государственной и муниципальной службы. И уж тем более, это не интересы субъектов экономических отношений. Как представляется, в самом широком смысле, коррупция причиняет вред системе зафиксированных в Конституции РФ и иных источниках конституционного права основных социально-правовых ценностей.

Таким образом, те ценностные ориентиры, выработанные социальным опытом, базовые идеологические принципы правового регулирования и общественного устройства, на которых нужно выстраивать нормативно-правовую и институциональные элементы механизма противодействия коррупции, зафиксированы в Конституции РФ и развивающих ее положениях актах конституционного законодательства. Это взаимосвязанные между собой ценности, такие как: права, свободы и обязанности личности; реальность и эффективность удовлетворения личных, экономических и культурных интересов граждан, социальная справедливость, социальная защищенность, здоровье и благополучие граждан, достойный уровень их жизни, свободный труд, творчество и отдых, демократия, ограниченность публичной власти правом, взаимное доверие, партнерство и диалог общества и государства, развитое гражданское общество, равенство всех перед законом, справедливое и независимое правосудие, равенство социальных, экономических и политических возможностей граждан, благоприятная и безопасная окружающая среда, личная и общественная безопасность и др.

Именно перечисленным ценностям причиняет в конечном итоге вред коррупция. Поэтому из них следует исходить, создавая антикоррупционное законодательство и институты.

Фундамент противодействия коррупции, как одного из приоритетных направлений правовой политики Казахстана и России, заложен в конституциях двух стран, а свое развитие соответствующий элемент правовой политики получает в до-

кументах политико-правового характера, имеющих значение идеологических источников права². На этой основе далее создаются уже формально-юридические источники права – законы и подзаконные нормативные правовые акты разных отраслей законодательства, в которых фиксируются антикоррупционные правовые механизмы. Они содержат юридические средства противодействия коррупции, а также регламентируют деятельность различных органов публичной власти, создают условия для антикоррупционной активности институтов гражданского общества. Таким образом, антикоррупционная правовая политика свое развитие получает в правовых механизмах, включающих юридические средства, зафиксированные в нормативных правовых актах разных отраслей законодательства и в деятельности различных органов публичной власти и институтов гражданского общества.

Собственно законодательную основу противодействия коррупции в России и в Казахстане образуют законы, имеющие одинаковое наименование – «О противодействии коррупции»³. Помимо них, в

² Национальная стратегия противодействия коррупции. Утверждена Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 (ред. от 13.03.2012) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1875; Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015–2025 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 г. № 986 // Казахстанская правда от 30 декабря 2014 г., № 254; Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы. Утвержден Указом Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 27. Ст. 4038. National Anti-Corruption Strategy. Approved by Decree of the President of the Russian Federation of April 13, 2010. No. 460 (as amended on March 13, 2012) // Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 2010. No.16. Art. 1875; Anti-corruption strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015–2025. Approved by Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated December 26, 2014. No. 986 // Kazakhstanskaya Pravda of December 30, 2014, № 254; National Anti-Corruption Plan 2018–2020. Approved by Decree of the President of the Russian Federation of June 29, 2018 № 378 // Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 2018. No. 27. Art. 4038.

³ О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228; О противодействии коррупции : закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 г. № 410-V (ред. от 28.12.2018 г.) // Казахстанская правда от 20 ноября

наших государствах принято (издано) по нескольким десяткам законов и подзаконных нормативных правовых актов, образующих в своей совокупности вполне уже сложившуюся отрасль законодательства, которую можно назвать «законодательство о противодействии коррупции» или «антикоррупционное законодательство». Помимо «собственно» антикоррупционных актов, важное место здесь занимают отдельные нормы служебного, административного, уголовного, гражданского, трудового, финансового, муниципального и иных отраслей законодательства.

Россия и Казахстан обладают, в силу известных исторических причин, достаточно похожими правовыми системами. Тем не менее, антикоррупционное законодательство и антикоррупционные механизмы, схожие в отдельных элементах, имеют и существенные отличительные черты, которые необходимо тщательно изучить на предмет возможного заимствования положительного опыта и организации сотрудничества.

В частности, весьма интересен субъектный состав антикоррупционных правоотношений в Казахстане. Представляется правильным выделить в данном случае три основных аспекта:

1). В отдельную категорию в Республике Казахстан выделены «специальные органы», которым посвящено специальное правовое регулирование. Закон РК «О специальных государственных органах Республики Казахстан» регулирует не вопросы компетенции, функции и задачи, а общие для всех спецслужб правила поступления на службу, ее прохождения, социальные гарантии. В частности, в ч. 2 ст. 7 установлены запреты по зачислению на службу, большая часть из которых имеет антикоррупционную направленность⁴. В России для

каждого «специального» ведомства устанавливаются собственные правила, что, на наш взгляд, негативно сказывается на эффективности противодействия коррупции. Особенно это стало заметно после ликвидации института правоохранительной службы. Как видится, российской системе государственной службы необходима определенная унификация кадровых требований и порядка прохождения службы в «силовых» ведомствах, особенно там, где она связана с секретами, конфиденциальной информацией, оперативно-розыскной деятельностью. Для этого полезно использовать опыт Казахстана.

2). Подлежит тщательному исследованию опыт деятельности Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции, прежде всего действующего в его составе Национального бюро по противодействию коррупции (Антикоррупционной службы)⁵. Как представляется, в России на данном

ская правда от 14 февраля 2012 г. № 46. On special state bodies of the Republic of Kazakhstan: Law of the Republic of Kazakhstan dated February 13, 2012. No. 552-IV (as amended on July 2, 2018) // *Kazakhstanskaya Pravda* dated February 14, 2012. No. 46.

⁵ О некоторых вопросах Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции и внесении изменений и дополнений в некоторые акты Президента Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 5 октября 2016 г. № 349 (в ред. 24.01.2019 г.) // САПП Республики Казахстан. 2016. № 49. Ст. 310; Об утверждении Положения о Национальном бюро по противодействию коррупции (Антикоррупционной службе) Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции: приказ Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции от 13 октября 2016 года № 6 // Информационно-правовая система "Әділет" от 27.10.2016 года. On some issues of the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs and Anti-Corruption and making amendments and additions to some acts of the President of the Republic of Kazakhstan: Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated October 5, 2016. No. 349 (as amended on January 24, 2019) // SAPP Republic of Kazakhstan. 2016. No. 49. Article 310; On approval of the Regulation on the National Bureau for Combating Corruption (Anti-Corruption Service) of the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs and Anti-Corruption: Order of the Chairman of the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service and Anti-Corruption dated October 13, 2016. No. 6 // Information and Legal System "Әділет" dated 10.27.2016.

2015 г., № 223. On Combating Corruption: Federal Law of December 25, 2008 № 273-FL (as amended on October 30, 2018) // *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2008. No. 52 (part 1). Art. 6228; On Combating Corruption: Law of the Republic of Kazakhstan dated November 18, 2015. No. 410-V (as amended on December 28, 2018) // *Kazakhstanskaya Pravda* dated November 20, 2015, No. 223.

⁴ О специальных государственных органах Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 13 февраля 2012 г. № 552-IV (ред. от 02.07.2018) // Казахстан-

государственно-властном уровне существует некоторый разрыв, поскольку отсутствует единый центр реализации антикоррупционной политики в системе государственной службы, который координировал бы данную деятельность во всех государственно-властных структурах. Отметим, что председатель Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции А. Шпекбаев убежден, что «В выявлении, пресечении и раскрытии коррупционных преступлений, отличающихся высоким уровнем латентности, ведущая роль принадлежит Национальному бюро по противодействию коррупции» (Шпекбаев, 2019).

3). Значительный интерес представляет действующий в РК институт «субъектов квазигосударственного сектора» – организаций, должностные лица которых включены в число субъектов антикоррупционных правоотношений наряду с должностными лицами государственных органов (п. 2 ст. 1 Закона РК «О противодействии коррупции»). Их понятие дано в п. 31 ст. 3 Бюджетного кодекса РК: «субъекты квазигосударственного сектора – государственные предприятия, товарищества с ограниченной ответственностью, акционерные общества, в том числе национальные управляющие холдинги, национальные холдинги, национальные компании, учредителем, участником или акционером которых является государство, а также дочерние, зависимые и иные юридические лица, являющиеся аффилированными с ними в соответствии с законодательными актами Республики Казахстан»⁶. В России в последние годы приходит понимание необходимости выделения этой категории в числе субъектов антикоррупционных отношений. К сожалению, распространены проявления коррупции в системе публичных корпораций, внебюджетных фондов, Центрального банка, других организаций, участвующих в использовании средств бюджетов разных уровней и вне-

бюджетных фондов РФ, в оказании услуг от имени государства и выполнении иных государственных функций, осуществлении публично-властных полномочий. Так, в ФЗ «О противодействии коррупции» есть формулировка «другие органы, организации, наделенные федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями». В актах антикоррупционного законодательства используется термин «должности, замещение которых связано с коррупционными рисками», в некоторых из них эти должности прямо называются. Однако полной четкости в правовом регулировании по данному вопросу в России нет. На наш взгляд, по этому вопросу необходимы более четкие законодательные позиции. Антикоррупционный статус соответствующих субъектов должен быть унифицирован, для чего можно воспользоваться опытом Казахстана, пусть и без заимствования небесспорного термина «квазигосударственный сектор»⁷. К вопросам противодействия коррупции в «квазигосударственном секторе» плотно приемыкает проблематика коммерческого подкупа и иных проявлений коррупции в негосударственном секторе, в банковской сфере, активно изучаемая в последние годы как в России, так и в Казахстане (Каражанов, 2017; Андреева, 2018).

Тревога со стороны гражданского общества и государства по поводу коррупционных угроз не случайна, ее обоснованность объективно подтверждается эмпирическими данными, полученными в результате исследований, проводимых как внутренними (национальными) институтами, так и международными организациями. Правда, в последние годы произошел ряд событий, которые, с одной стороны, дают повод для умеренного оптимизма. Это факты разоблачений, возбуждения уголовных дел и осуждения по ним высокопо-

⁶ Бюджетный кодекс Республики Казахстан от 4 декабря 2008 г. № 95-IV (в ред. 15.01.2019 г.) // Казахстанская правда от 5 декабря 2008 г., № 265–266. The Budget Code of the Republic of Kazakhstan dated December 4, 2008 № 95-IV (as amended on January 15, 2019) // Kazakhstanskaya Pravda dated December 5, 2008, No. 265–266.

⁷ О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 г. № 8 // Казахстанская правда от 26 декабря 2015 г. № 247. On the practice in considering some corruption crimes: Normative Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated November 27, 2015. No. 8 // Kazakhstanskaya Pravda dated December 26, 2015. No. 247.

ставленных должностных лиц.

Например, в Казахстане к 10 годам лишения свободы по обвинению в коррупции осужден бывший премьер-министр С. Ахметов. Большой общественный резонанс вызвали уголовные дела в отношении министра национальной экономики – бывшего председателя правления Национального холдинга «Байтерек», в отношении заместителя главы Администрации Президента, председателя комитета геологии и недропользования министерства по инвестициям и развитию Казахстана («главного геолога республики») и ряда его подчиненных, вице-министра энергетики и руководителей АО «Фонд развития ЖКХ», главы Единого накопительного пенсионного фонда и ряда его подчиненных, директора погранслужбы Казахстана, высокопоставленных должностных лиц Минсельхоза республики, в том числе главы Комитета ветеринарного контроля и надзора Минсельхоза РК, Минздрава (за взятки, связанные с лоббированием интересов фармацевтических компаний), главных государственных аудиторов Счетного комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета, получивших взятку в 16 млн тенге от генерального директора РГП «Казахавтодор» и его заместителя, главы национальной компании «Астана ЭКСПО-2017» и других. Последние по времени события из этого ряда произошли в системе образования и науки Республики Казахстан. 5 июня 2019 г. специализированный межрайонный следственный суд г. Нур-Султана санкционировал арест вице-министра образования и науки Э. Суханбердиевой, которая обвиняется в злоупотреблениях должностными полномочиями, получении взятки, незаконном участии в предпринимательской деятельности (Абдуллаева, 2019). Чуть раньше, 24 мая 2019 г. арестовали гендиректора Национального центра тестирования, который через посредника в период за 2017–2018 гг. на системной основе получал взятки в особо крупных размерах (Абдуллаева, 2019).

В России счет уголовных дел в отношении должностных лиц самого высокого ранга пошел на сотни, часть из них уже осуждена, другие находятся под следствием. Это министр экономического развития, два других федеральных министра, не-

сколько представителей губернаторского корпуса, несколько десятков вице-губернаторов, председателей правительства и министров субъектов РФ, мэров крупных городов, муниципальных районов и их заместителей, замминистра культуры России, руководитель Федерального агентства по обустройству государственной границы РФ, заместитель главы Минрегионразвития, целый ряд представителей руководства и следователей СК РФ, прокуроров, сотрудников МВД и ФСБ России, высокопоставленные должностные лица Минсельхоза, зам. начальника отдела Росморречфлота, бывший директор и три заместителя директора ФСИН, а также несколько десятков других сотрудников этого ведомства, заместитель главнокомандующего Внутренними войсками, целый ряд высокопоставленных сотрудников Министерства обороны РФ и подконтрольного Минобороны ОАО «Оборонсервис», а также Федерального агентства специального строительства («Спецстрой») и многие другие. В последние месяцы много информации поступает о системных должностных многомиллиардных хищениях в структурах «Роскосмоса» – о них говорили в своих выступлениях Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка, председатель Следственного комитета России А. Бастрыкин, глава Счетной палаты России А. Кудрин.

С одной стороны, само наличие этих дел, а главное приговоры по ним, дают повод для умеренного оптимизма, позволяют надеяться на серьезность намерений политического руководства двух стран очистить аппарат публичной власти от коррупции на всех его эшелонах. Однако, с другой стороны, они демонстрируют пугающие, просто шокирующие масштабы коррупции, «проевшей» госаппарат «сверху донизу», прогрессирующей, принимающей все новые лики, проникающей практически во все сферы государственного и муниципального управления.

Поэтому, как уже было сказано, противодействие коррупции объявлено важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности. Этот лейтмотив проходит практически во всех выступлениях политического руководства двух стран в последние годы. Более того, в Казахстане

противодействие коррупции выделено в качестве одного из пяти приоритетов, составляющих содержание объявленной там Третьей модернизации – очередного этапа в направлении реализации целей Стратегии-2050, осуществляемого на базе Плана нации «100 конкретных шагов». По расчетам руководства республики, в своей совокупности, суммарно реализация пяти приоритетов приведет к обеспечению темпов роста экономики выше среднемировых и к устойчивому продвижению Республики Казахстан в число 30 передовых стран мира к 2050 году. И самую непосредственную роль в решении этих амбициозных задач призваны сыграть успехи в деле противодействия коррупции.

В Послании Президента (на тот момент – Н.А. Назарбаева) приоритет сформулирован следующим образом: «Институциональные преобразования, безопасность и борьба с коррупцией». Лидер Нации обратил внимание на то обстоятельство, что в прежние годы основной акцент был направлен на борьбу с последствиями коррупции. Ныне же «Необходимо усилить работу по выявлению и искоренению причин и предпосылок коррупции» (Назарбаев, 2017). При этом с преодолением коррупции напрямую увязывается успешность экономической модернизации, особенно в части развития малого и среднего бизнеса, совершенствования транспортной инфраструктуры, роста аграрного сектора и т. д. В Послании от января 2018 г. Первый Президент РК еще раз подчеркнул, что в числе мер, направленных на противодействие коррупции, выделяются осуществляемые в стране институциональные преобразования судебной и правоохранительной систем, целенаправленная работа по разграничению полномочий и зон ответственности правоохранительных органов. «Работу по укреплению гарантий конституционных прав граждан, обеспечению верховенства права, гуманизации правоохранительной деятельности необходимо продолжить» (Назарбаев, 2018).

Ту же линию – смещение акцентов от уголовной репрессии по поводу уже состоявшихся, произошедших фактов коррупционных деяний, в направлении профилактики, ликвидации условий и способ-

ствующих коррупции факторов, разрушения «коррупционной среды» – демонстрирует и российское руководство. В очередном Послании Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин, в частности, сказал: «Следует убрать всё, что позволяет нечистооплотным, коррумпированным представителям власти и правоохранительных органов оказывать давление на бизнес. Уголовный кодекс должен перестать быть инструментом решения хозяйственных конфликтов между юридическими лицами» (Путин, 2018).

Безусловно, нашим странам есть чему друг у друга поучиться в рассматриваемой сфере. Положительный опыт, накопленный по разным направлениям и в отношении различных средств противодействия коррупции, требует тщательного изучения, тиражирования и адаптации к национальным, культурным и экономическим особенностям, внедрения в политические и правовые системы. Так, на прошедшем в Алматы брифинге на тему «Основные приоритеты в противодействии коррупции» было отмечено, что в основе казахстанской системы противодействия коррупции лежат реформы, направленные на прозрачность и подотчетность государства перед обществом. Главный вклад вносят перераспределение полномочий между ветвями власти, деятельность Агентства по делам государственной службы и противодействию коррупции, реформа Генеральной прокуратуры, изменения в судебной системе и системе местного самоуправления⁸. Все это перекликается с теми задачами, которые сформулировал в посланиях Федеральному Собранию последних четырех лет и в других своих документах политико-правового характера Президент В.В. Путин. Думается, российским исследова-

⁸ В Алматы обсудили приоритеты в противодействии коррупции. Информация о брифинге «Основные приоритеты в противодействии коррупции», 27 февраля 2018 г. [Электронный ресурс]. Сетевое издание «Zakon.kz». URL: <http://www.zakon.kz/4906266-v-almaty-obsudili-priority-v.html> (дата обращения 10.05.2019). Priorities in the fight against corruption were discussed in Almaty. Information on the briefing "Key Priorities in Combating Corruption", February 27, 2018 [Electronic resource]. Network publication "Zakon.kz". URL: <http://www.zakon.kz/4906266-v-almaty-obsudili-priority-v.html> (accessed 05/10/2019).

телям необходимо тщательно проанализировать казахстанский опыт в этой части.

В свою очередь, в упоминавшемся уже Послании от января 2017 г. Н.А. Назарбаев особо выделил необходимость совершенствования такого направления антикоррупционной политики как сфера закупок для государственных нужд. Отмечена необходимость создания единой системы госзакупок по принципу централизованной службы. «В квазигосударственном секторе, сфере естественных монополий и недропользования также нужно кардинально пересмотреть подходы по проведению закупок», – отметил Президент (Назарбаев, 2017). Здесь следует сказать, что после принятия ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁹ в России накоплен ценный опыт противодействия коррупции в данной сфере, принят полный пакет подзаконных нормативных правовых актов, направленных на реализацию положений Закона, разработана правоприменительная, в том числе антимонопольная и судебная практика, по отдельным аспектам действия Закона¹⁰. В том числе учтены ошибки, допущенные при формулировании первоначальной редакции Закона, выявлены ранее неизвестные

«подводные камни», внесены соответствующие коррективы. Большая аналитическая работа проведена, в частности, научными сотрудниками Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета РФ, в работах которых обобщены наиболее характерные коррупционные проявления при госзакупках, на этой основе выработаны рекомендации по противодействию (Ильяков, 2017; Кондраткова, 2017; Тимошенко, 2016). Как представляется, российский опыт (как положительный, так и отрицательный) в данном случае может быть полезен для проведения соответствующей работы в Республике Казахстан, для конструирования юридического механизма противодействия коррупции в области закупок для государственных нужд.

Сравнительный анализ структуры коррупции в двух странах позволяет утверждать, что основные коррупционно-емкие сферы у нас одни и те же. Соответственно, правоохранительные системы России и Казахстана в вопросах противодействия коррупции будут гораздо эффективнее, если в тесном сотрудничестве между собой сумеют вдумчиво заимствовать положительный опыт друг друга.

Перспективное направление сотрудничества совместных научных исследований, основанных на эмпирических данных по двум государственным системам, на правовом и властно-организационном опыте двух стран – это модернизация систем государственного и муниципального контроля и надзора на основе риск ориентированного подхода. Он представляет собой метод организации и осуществления государственного контроля (надзора), при котором выбор интенсивности (формы, продолжительности, периодичности) проведения мероприятий по контролю, профилактике нарушения обязательных требований, определяется отношением деятельности юридического лица, индивидуального предпринимателя и (или) используемых ими при осуществлении такой деятельности производственных объектов к определенной категории риска либо определенному классу (категории) опасности. В частности, в настоящее время проходит внедрение соответствующих механизмов в налоговой системе РК. Новый Кодекс Рес-

⁹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 12.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652. On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: Federal Law dated April 05, 2013. No. 44-FZ (as amended on 12.05.2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1652.

¹⁰ См., например: Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении пункта 9 части 1 статьи 31 Федерального закона от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 28.09.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. No. 2. See, for example: A review of judicial practice in cases involving the resolution of disputes on the application of paragraph 9 of part 1 of Article 31 of Federal Law dated April 05, 2013. No. 44-FZ "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Work, and Services to Ensure State and municipal needs." Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on September 28, 2016 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. No. 2.

публики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет»¹¹ предусматривает, что контрольные мероприятия будут осуществляться на базе дифференцированного подхода к оценке налогоплательщиков. При низкой степени риска подразумевается минимизация и даже полное отсутствие налоговых проверок. В свою очередь, в России имеются неплохие наработки в части риск-ориентированного подхода в контрольной деятельности в сфере охраны труда, в экологических отношениях, в сфере пожарной безопасности и других. Причем соответствующие исследования осуществляются как юристами, так и профильными специалистами в соответствующих сферах контрольно-надзорной деятельности (например: риск-ориентированный подход деятельности государственного пожарного надзора, 2017).

Заслуживает самого пристального внимания казахстанский опыт взаимодействия государственных антикоррупционных структур и институтов гражданского общества, предпринимательского сообщества, не на общегосударственном, а на региональном уровне. Казалось бы, в условиях федеративного государства, каковым является Россия, такое сотрудничество в субъектах Федерации должно идти интенсивно, с учетом местных особенностей и традиций. Однако сравнение опубликованных аналитических материалов и эмпирических данных позволяет утверждать, что пока что «задает тон» в этом процессе унитарный Казахстан. Так, например, в Жамбылской области РК проблемы противодействия коррупции были рассмотрены на форуме предпринимателей, прошедшем с участием руководителя департамента Агентства РК по делам госслужбы и противодействию коррупции и других представителей антикоррупционных ведомств. Здесь следует отметить, что между Агентством РК по делам государственной службы и про-

тиводействию коррупции и Национальной палатой предпринимателей (НПП) Республики Казахстан «Атамекен» заключено соглашение о сотрудничестве, основное внимание в котором уделено задаче устранения коррупционных рисков в процессе контрольно-надзорной деятельности государства. Для реализации данного соглашения совместными усилиями разработана дорожная карта, осуществление которой дало возможность во взаимодействии с предпринимателями выявить и устранить коррупционные риски в 16 сферах предпринимательской активности, в адрес госорганов внесено свыше 800 рекомендаций по устранению выявленных рисков. «Их реализация нашла своё отражение в 40 проектах нормативных правовых актов, из которых 12 уже принято. Участники форума отметили, что количество оснований для проведения внеплановых проверок снизилось на 62 %, появился ряд норм, которые направлены на обеспечение стабильности налогового законодательства»¹².

В подобных примерах обращает на себя внимание то обстоятельство, что антикоррупционная активность проявляется не «наверху», не в столице, а на областном уровне. Областные власти и бизнес-сообщества взаимодействуют между собой и при необходимости выступают «единым фронтом», сигнализируют центральной власти об интенсификации того или иного коррупционного фактора. Так, в Карагандинской области акимом был утвержден план по улучшению условий для ведения бизнеса и развития массового предпринимательства области на 2017–2019 гг., в котором одним из важнейших направлений было названо сокращение количества проверок государственными органами. Одна-

¹¹ О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс): Кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI ЗРК // Казахстанская правда. 26.12.2017. № 247 (28626). On taxes and other obligatory payments to the budget (Tax Code): Code of the Republic of Kazakhstan dated December 25, 2017. No.120-VI ZRK // Kazakhstanskaya Pravda. 26.12.2017. No. 247 (28626).

¹² В Таразе на форуме предпринимателей собрались бизнесмены, представители акимата области, антикоррупционной службы, 29 марта 2018 г. [Электронный ресурс] ТОО "Инфополис". URL: <https://informburo.kz/novosti/osnovaniya-dlya-vneplanovyh-proverok-biznesa-sokrashcheny-na-62.html> (дата обращения 10.05.2019). In Taraz, businessmen gathered at the forum of entrepreneurs, representatives of the regional akimat, anti-corruption service, March 29, 2018 [Electronic resource] Infopolis LLP. URL: <https://informburo.kz/novosti/osnovaniya-dlya-vneplanovyh-proverok-biznesa-sokrashcheny-na-62.html> (accessed 10.05.2019).

ко на практике в 2018 году их число, наоборот, резко усилилось, и это вызвало соответствующую реакцию карагандинского филиала НПП «Атамекен», давшего тревожный сигнал в центральные органы государственной власти¹³. Безусловно, структурам, отвечающим за реализацию антикоррупционной политики в российских регионах, следует внимательно изучить и воспринять опыт казахстанских областей в части взаимодействия госструктур, институтов гражданского общества и предпринимательских сообществ.

Еще один сугубо юридический аспект осуществления антикоррупционной политики, требующий сотрудничества и взаимного обмена опытом, – это антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых текстов. Г.Б. Касыкова точно подметила значительные расхождения, которые обнаруживаются в нормативно-правовом регулировании антикоррупционной экспертизы в законодательстве России и Казахстана. Разница обнаруживается прежде всего в регламентации коррупциогенных факторов, а также в формулировании задач самой экспертизы (Касыкова, 2013). Интересные как для российских, так и для казахстанских антикоррупционных ведомств наработки имеются в исследованиях ученых из Казахстана, посвященных отдельным коррупциогенным факторам, в частности, проблемам допустимости, форм и пределов административного усмотрения (Муслимова, 2011). Российские ученые также много пишут о необходимости подвергнуть ревизии, актуализации и коррективам тот перечень коррупциогенных факторов, который был нормативно установлен в 2010 году¹⁴. Так, В.А. Витушкин

полагает, что данный в нормативных правовых актах «перечень факторов существенно отличается от того, который проработан в современной доктрине. В силу постоянного эволюционирования коррупционных практик он в принципе не может быть исчерпывающим», хотя Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ применительно к конкретному делу формулировала и противоположную по смыслу правовую позицию, «видимо, связанная фактическими обстоятельствами дела» (Хабриева, 2014. С. 443). Можно предположить, что совместный российско-казахстанский анализ указанных позиций способен обогатить антикоррупционную практику в правотворческих процессах двух стран.

Таким образом, насущной необходимостью на данном этапе реализации антикоррупционной политики России и Казахстана – двух государств, расположенных по соседству друг с другом, активно сотрудничающих в разных областях, является расширение и повышение эффективности сотрудничества в сфере противодействия коррупции. Известно, что помимо социально-правового и юридико-технического качества самого законодательства, важным фактором его эффективности является хорошо отлаженная правоприменительная практика, надежно работающие механизмы реализации. Поэтому перспективными являются такие направления сотрудничества в области противодействия коррупции, как: 1). Совместные научные исследования проблем противодействия коррупции как в части определения правовой политики, разработки законодательства, так и в части организации и осуществления правореализационной практики, а также сопутствующих видов деятельности (антикоррупционное правовое воспитание, просвещение, информирование, методическая помощь бизнесу и профессиональным сообществам в выработке поведенческих антикоррупционных стандартов и т. п.). Подобные совместные работы учеными проводились.

¹³ Количество проверок бизнеса увеличилось в Караганде, 25 ноября 2018 г. [Электронный ресурс]. ТОО "Инфополис". URL: <https://inforburo.kz/novosti/kolichestvo-proverok-biznesa-velichilos-v-karagande.html> (дата обращения 10.05.2019). The number of business inspections increased in Karaganda, November 25, 2018 [Electronic resource]. Infopolis LLP. URL: <https://inforburo.kz/novosti/kolichestvo-proverok-biznesa-velichilos-v-karagande.html> (accessed 10.05.2019).

¹⁴ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 (ред. от 10.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 10. Ст. 1084. On anti-

corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts: Decree of the Government of the Russian Federation of February 26, 2010. No. 96 (as amended on July 10, 2017) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2010. No. 10. Art. 1084.

Так, в 2015 г. в Новосибирске вышла коллективная монография, ставшая результатом такого совместного исследования (Хабриева, 2014). Однако, к сожалению, эта работа осуществляется не на системной основе, эпизодически; 2). Взаимное использование положительного и отрицательного опыта при совершенствовании антикоррупционного законодательства и институциональных элементов механизмов противодействия коррупции; 3). Межгосударственное сотрудничество, практическая реализация выработанных мер противодействия во взаимодействии друг с другом, в том

числе взаимодействие между собой правоохранительных органов двух стран, вырабатывающих и осуществляющих антикоррупционную политику, реализующих антикоррупционное законодательство. В основе этой работы должны лежать конституционно-правовые ценности. Несмотря на наличие определенных исторически и этнически обусловленных культурных, ментальных отличий, отличий в элементах правовой и политической систем двух стран, основные общезначимые конституционные ценности у нас одинаковые.

Библиографический список

Абдуллаева Д. Суханбердиеву подозревают в получении взятки и злоупотреблении полномочиями [Электронный ресурс]. Сайт «Informburo.kz». URL: <https://informburo.kz/novosti/nacbyuro-suhanberdievu-podozrevayut-v-poluchenii-vzyatki-i-zloupotreblenii-polnomochiyami.html> (дата обращения 06.06.2019).
Абдуллаева Д. Гендиректора Национального центра тестирования арестовали за взятки [Электронный ресурс]. Сайт «Informburo.kz». URL: <https://informburo.kz/novosti/gendirektora-nacionalnogo-centra-testirovaniya-arrestovali-za-vzyatki.html> (дата обращения 25.05.2019).
Андреева Л.А. Формула расчета коррупционного риска // Актуальные проблемы юриспруденции: материалы XI междунар. науч.-практ. конф. 2018. № 6 (11). Новосибирск: СИБАК. С. 5–16.
Андреева Л.А. Коррупция: основные тенденции противодействия. Новосибирск: СИБАК, 2015. 196 с.
Ильяков А.Д. Конфликт интересов в госзакупках // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4. С. 97–103.
Еникеев Р.Ш. Риск-ориентированный подход деятельности государственного пожарного надзора: материалы XXIX междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию ФГБУ ВНИИПО МЧС России. Балашиха, 2017. С. 50–58.
Каражанов М.Д. Меры противодействия коррупционной преступности в квазигосударственном и частном секторах Республики Казахстан // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 190–204.
Касыкова Г.Б. Задачи научной антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов (по материалам Республики Казахстан) // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 287–289.
Кондраткова Н.В. Коррупционные схемы, реализу-

емые заказчиками при проведении электронных аукционов // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 2. С. 58–66.
Мусилимова К.С. Новое в антикоррупционном законодательстве Республики Казахстан // Вестник КарГУ. 2011. № 3 (63). С. 21–26.
Назарбаев Н.А. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. 10 января 2018 г. [Электронный ресурс]. Официальный сайт. URL: <http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses-10-yanvarya-2018-g> (дата обращения 10.05.2019).
Назарбаев Н.А. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность». 31 января 2017 г. [Электронный ресурс]. Сетевое издание «Zakon.kz». URL: <http://www.zakon.kz/4841750-opublikovano-poslanie-nursultana.html> (дата обращения 10.05.2019).
Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации. 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. Официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 10.05.2019).
Хабриева Т.Я. Коррупция: природа, проявления, противодействие М.: Юриспруденция. 2014. 688 с.
Тимошенко А.А. Коррупция в сфере закупок для государственных нужд как следствие неэффективного применения профильного законодательства // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 181–189.
Шпекбаев А. Модернизация антикоррупционной политики государства [Электронный ресурс]. Сетевое издание «Актюбинский Вестник». URL: <https://avestnik.kz/alik-shpekbaev-modernizacziya-antikorrupcionnoj-politiki-gosudarstva> (дата обращения 06.06.2019).

References

Abdullaeva D. Sukhanberdiyeva is suspected of receiving a bribe and abuse of authority. Website "Informburo.kz". Available at: [https://informburo.kz/novosti/nacbyuro-suhanberdievu-podozrevayut-v-poluchenii-vzyatki-i-](https://informburo.kz/novosti/nacbyuro-suhanberdievu-podozrevayut-v-poluchenii-vzyatki-i-zloupotreblenii-polnomochiyami.html)

[zloupotreblenii-polnomochiyami.html](https://informburo.kz/novosti/nacbyuro-suhanberdievu-podozrevayut-v-poluchenii-vzyatki-i-zloupotreblenii-polnomochiyami.html) (accessed: 06 June 2019). (In Russ.)
Abdullaeva D. Director General of the National Testing Center is arrested for bribes. Website "Informburo.kz".

Available at: <https://informburo.kz/novosti/gendirektora-nacionalnogo-centra-testirovaniya-arestovali-zavzyatki.html> (accessed: 25 May 2019). (In Russ.)

Andreeva L.A. (2018) The formula for calculating corruption risk. Current issues of jurisprudence: proceedings of the XI international scientific-practical conference. No. 6 (11). Novosibirsk: SibAK. P. 5–16. (In Russ.)

Andreeva L.A. (2015) Corruption: main trends in counteraction. Novosibirsk: SibAK. 196 p. (In Russ.)

Il'yakov A.D. (2017) Conflict of interest in public procurement. *Bulletin of the Academy of the R.F. Prosecutor General's office of the Russian Federation*. No. 4. P. 97–103. (In Russ.)

Enikeev R.Sh. (2017) Risk-based approach of the state fire surveillance: proceedings of the XXIX international scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of FGU VNIPO of EMERCOM of Russia. Balashikha. P. 50–58. (In Russ.)

Karazhanov M.D. (2017) Anti-corruption crime measures in the quasi-public and private sectors of the Republic of Kazakhstan. *Russian Journal of Criminology*. Vol. 11. No. 1. P. 190–204. (In Russ.)

Kasykova G.B. (2013) Tasks of the scientific anti-corruption examination of draft of regulatory legal acts (based on the materials of the Republic of Kazakhstan). *Theory and practice of social development*. No. 4. P. 287–289. (In Russ.)

Kondratkova N.V. (2017) Corruption schemes implemented by customers in electronic auctions. *Bulletin of Moscow academy of the investigative committee of Russian Federation*. No. 2. P. 58–66. (In Russ.)

Khabrieva T.Ya. (2014) Corruption: nature, manifesta-

tions, opposition. Moscow. *Yurisprudentsiya*. 688 p. (In Russ.)

Musilimova K.S. (2011) The new in the anti-corruption legislation of the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of the Karaganda State University*. No. 3 (63). P. 21–26. (In Russ.)

Nazarbaev N.A. (2019) Message of the President of the Republic of Kazakhstan to the people of Kazakhstan. January 10, 2018. Official website. Available at: <http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses-10-yanvary-2018-g> (accessed: 10 May 2019). (In Russ.)

Nazarbaev N.A. Message of the President of the Republic of Kazakhstan to the people of Kazakhstan "Third Modernization of Kazakhstan: Global Competitiveness". January 31, 2017. Network publication "Zakon.kz". Available at: <http://www.zakon.kz/4841750-opublikovano-poslanie-nursultana.html> (accessed: 10 May 2019). (In Russ.)

Putin V.V. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation. March 1, 2018. Official website. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed: 10 May 2019). (In Russ.)

Timoshenko A.A. (2016) Corruption in the field of government procurement as a result of inefficient application of relevant legislation. *Russian journal of legal studies*. No. 1 (6). P. 181–189. (In Russ.)

Shpekbaev A. Modernization of the state anti-corruption policy. Network publication "Aktobe Bulletin". Available at: <https://avestnik.kz/alik-shpekbaev-modernizacziya-antikorrupcionnoj-politiki-gosudarstva> (accessed: 06 June 2019). (In Russ.)

Сведения об авторах

Мушинский Михаил Адеилович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции. Иркутский национальный исследовательский технический университет. Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
✉ e-mail: mushinskiy@mail.ru

Шаламова Алиса Наильевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД России. Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110,
e-mail: alisa.shalamova@yandex.ru

Критерии авторства

Мушинский М.А. и Шаламова А.Н. совместно провели самостоятельное исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за некорректные заимствования и плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors credentials

Mihail A. Mushinskiy, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Law Department of Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation,
✉ e-mail: mushinskiy@mail.ru

Alisa N. Shalamova, Candidate of Juridical Sciences, Chief of State and Legal Disciplines Department of East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation,
e-mail: alisa.shalamova@yandex.ru

Authorship Criteria

Mushinskiy Mikhail A. and Shalamova Alisa N. have done joint research, formalized the research results and bear responsibility for inaccurate citation and plagiarism.

Conflict of Interests

The authors declare no conflict of interests.

Понятие и виды арбитражного управления в российском праве

© А.А. Пахаруков

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Аннотация: На основе анализа действующего российского законодательства, а также обобщения высказанных в цивилистической науке суждений исследованы вопросы дефинирования понятия «арбитражное управление». Сделан вывод о том, что арбитражное управление как сложный социально-экономический феномен может быть истолкован в широком и в узком смысле. Традиционным для юридической доктрины является подход, согласно которому арбитражное управление определяется как выполнение функций арбитражного управляющего. Признано перспективным исследование признаков арбитражного управления через категорию экономической и профессионально-практической деятельности. Предложено разграничивать понятие «арбитражное управление» и «антикризисное управление» по объему, кругу действий, составляющих их содержание, а также кругу субъектов, осуществляющих указанные виды деятельности. В целях систематизации накопленных знаний об арбитражном управлении предложено производить деление понятия «арбитражное управление» по нескольким основаниям: 1) в зависимости от субъекта, реализующего арбитражное управление (осуществляемое физическим лицом или юридическим лицом); 2) в зависимости от сферы осуществления арбитражного управления (осуществляемое в ходе производства по делу о банкротстве, в ходе реорганизации юридического лица, в ходе ликвидации юридического лица, в ходе проведения процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица); 3) в зависимости от цели арбитражного управления (проводимого с целью осуществления ликвидационных процедур банкротства и иных мероприятий, связанных с прекращением юридического лица и с целью осуществления восстановительных процедур банкротства). Перспективным направлением исследования понятия «арбитражное управление» был признан деятельностный подход. Сделанные в статье теоретические выводы позволят обосновать предложения, направленные на совершенствование действующего российского законодательства о банкротстве, а также практики его применения.

Ключевые слова: конкурсное право, банкротство, арбитражное управление, арбитражный управляющий, Агентство по страхованию вкладов

Информация о статье: Дата поступления 30 июля 2019 г.; дата принятия к печати 30 августа 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Пахаруков А.А. Понятие и виды арбитражного управления в российском праве // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 3. С. 221–230.

The concept and types of arbitration management in Russian law

© Aleksandr A. Pakharukov

Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: Based on the analysis of the current Russian legislation and summarizing the opinions from the civil jurisprudence, the author considers the issues of defining the concept "arbitration management". The article provides the conclusion that arbitration management as a complex socio-economic phenomenon can be interpreted in a broad and narrow sense. The approach according to which the arbitration management is defined as performing the duty of the arbitration manager is traditional for the legal doctrine. The study of the features of arbitration management in terms of the category of economic and professional practice activities is recognized as promising. It is proposed to distinguish between the concepts of "arbitration management" and "crisis management" in terms of volume, range of actions that make up their content, as well as the category of entities engaged in these types of activities. In order to systematize the accumulated knowledge about arbitration management, it is suggested to divide the concept of "arbitration management" on some grounds: 1) depending on the entity implementing arbitration management (carried out by an individual or legal entity); 2) depending on the scope of the arbitration management (carried out during the bankruptcy proceedings, the reorganization of a legal entity, the liquidation of a legal entity, the distribution of the property of a dissolved legal entity); 3) depending on the purpose of the arbitration management (carried out to perform bankruptcy liquidation procedures and other measures related to the termination of a legal entity and with the aim of carrying out bankruptcy recovery procedures). An activity approach is found to be promising direction for the study of the concept of "arbitration management". The theoretical conclusions of the article will justify proposals aimed at improving the current Russian bankruptcy law, as well as the practice of its application.

Keywords: bankruptcy law, bankruptcy, arbitration, insolvency practitioner, Deposit Insurance Agency

Article info: Received July 30, 2019; accepted August 30, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Pakharukov A.A. (2019) The concept and types of arbitration management in Russian law. *Social Competence*. Vol. 4. No 3. P. 221–230. (In Russ.)

Понятие арбитражного управления: легальный и доктринальный подходы. Термин «арбитражное управление» используется в российском законодательстве. Однако нельзя признать, что его употребление в нормативных правовых актах является сколько-нибудь стабильным, устойчивым, постоянным. Напротив, анализ российского законодательства свидетельствует о том, что это применение носит случайный и не устоявшийся характер: термин если и используется, то крайне редко и в контексте, лишь косвенно связанном с осуществлением деятельности арбитражного управляющего. Так, в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) арбитражное управление упоминается всего один раз при определении объема полномочий саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. В частности, им предоставлено право «участвовать в обсуждении проектов федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, проектов законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления, государственных программ по вопросам, связанным с арбитражным управлением, а также направлять в органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления заключения о результатах проводимых ею независимых экспертиз проектов указанных нормативных правовых актов» (абз. 4 п. 1 ст. 22). В другом федеральном законе² доходы от арбитражного управле-

ния признаны объектом налога на профессиональный доход как специального налогового режима, введенного в качестве эксперимента на территории нескольких субъектов Российской Федерации (пп. 12 п. 2 ст. 6). Кроме того, термин «арбитражное управление» упоминается в названии третьей части Единой программы подготовки арбитражных управляющих³ – «Экономическое обеспечение арбитражного управления и деятельности арбитражных управляющих». Из этого названия, кстати, следует, что «арбитражное управление» и «деятельность арбитражных управляющих» – суть не одно и то же. Кроме того, следует отметить, что правоприменительные органы также время от времени оперируют термином «арбитражное управление»⁴, однако и в этих редких случаях употребление не носит устойчивого характера.

В научной юридической литературе термин «арбитражное управление» используется более активно. Так, по соответствующему вопросу были защищены несколько диссертационных работ: «Правовые проблемы арбитражного управления»

законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. 1). Ст. 7494. Federal law dated November 27, 2018 No. 422-FL "On the experiment to establish a special tax regime "Professional income tax" in the city of federal importance Moscow, in Moscow and Kaluga regions, as well as in the Republic of Tatarstan (Tatarstan)" // Collected Acts of the Russian Federation. 2018.No. 49 (Part 1). Art. 7494.

³ Приказ Минэкономразвития РФ от 10 декабря 2009 г. № 517 «Об утверждении Единой программы подготовки арбитражных управляющих» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 12. Resolution of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated December 10, 2009 No. 517 "On Approving the Unified Program for the Training of Arbitration Managers" // Bulletin of regulatory acts of federal executive bodies. 2010. No. 12.

⁴ См., например: Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением главы 23 Налогового кодекса Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 октября 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2. See, for example: A review of practice of the courts in cases involving the application of Chapter 23 of the Tax Code of the Russian Federation: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 21, 2015 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 2.

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190. Federal Law dated October 26, 2002 No. 127-FL "On Insolvency (Bankruptcy)" // Collected Acts of the Russian Federation. 2002. No. 43. Article 4190.

² Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» // Собрание

(Тай, 2005), «Гражданско-правовые аспекты арбитражного управления» (Мищенко, 2006), «Правовые требования к осуществлению арбитражного управления по российскому законодательству» (Русанов, 2008), имеется ряд монографий, опубликованы научные статьи.

Анализ цивилистической литературы позволяет обозначить два основных подхода к определению понятия «арбитражное управление» – в широком и в узком смысле. При этом чаще всего исследователи определяют данное понятие в последнем значении (узком смысле).

Арбитражное управление в широком смысле в самом общем виде может быть определено как специфический вид деятельности, который заключается в управлении несостоятельным должником и (или) его имуществом при осуществлении процедур банкротства, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством. Таким образом, субъектами арбитражного управления могут быть признаны не только арбитражные управляющие, но и собрание кредиторов, комитет кредиторов, собрание работников (бывших работников) должника, собрание участников строительства (в случае банкротства застройщиков), представитель работников должника, представитель учредителей (участников) должника, представитель собственника имущества должника – унитарного предприятия, Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» (далее – ГК АСВ) (в случае банкротства отдельных финансовых организаций). Очевидно, что степень влияния каждого из указанных субъектов на принятие тех или иных решений управленческого характера различна. Между тем все они в той или иной степени (непосредственно или номинально) вовлечены в процесс управления деятельностью несостоятельного должника или определения судьбы его имущества. В современный период широкую концепцию управления арбитражного управления отстаивает Ю.С. Харитонов. По ее мнению, при банкротстве «функции управления выполняют арбитражный управляющий... совет кредиторов как организованная группа, принимающая обязательные для других участников решения, а также иные лица» (Харито-

нова, 2013. С. 79–80). Традиция широкого определения арбитражного управления восходит к работам Е.А. Васильева, который еще в советский период, рассматривая иностранное законодательство о банкротстве, выделял так называемые «органы конкурсного управления». К таковым, по его мнению, на основании анализа норм законодательства зарубежных государств следовало бы относить: 1) должностных лиц конкурсного производства (конкурсно-управляющего, куратора, администратора и др.); 2) комитет или комиссию кредиторов; 3) общее собрание кредиторов; 4) комитет работников предприятия (Васильев, 1989. С. 55). Заметим, что дореволюционное российское законодательство о банкротстве предусматривало учреждение постоянно действующего, выборного, коллегиального органа, на который возлагалось осуществление задач конкурсного производства, – конкурсного управления (которое также именовалось в законодательстве того периода конкурсом) (с. 452, 461 Устава судопроизводства торгового⁵). По сути, конкурсное управление в дореволюционном праве является прототипом такого современного гражданско-правового сообщества, как комитет кредиторов, только с более широкими полномочиями.

Определение арбитражного управления в узком смысле по сути сводится к деятельности арбитражного управляющего. Соответственно, при таком истолковании единственным субъектом арбитражного управления может считаться только арбитражный управляющий или иное лицо, на которое в соответствии с законом возложено выполнение соответствующих функций арбитражного управляющего. Такой вывод можно сделать из анализа следующих дефиниций арбитражного управления, предложенных в цивилистической доктрине:

– «осуществление на возмездной основе специальным субъектом в порядке, установленном действующим законодательством о несостоятельности (банкротстве), ограниченных правомочий владения,

⁵ Устав судопроизводства торгового. С разъяснениями / сост.: А. А. Добровольский. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1905. 374 с. Charter of commercial litigation. With explanations / comp.: A. A. Dobrovolsky. SPb.: Partnership Printing "Social benefit", 1905. 374

пользования и распоряжения имуществом должника, а также иных юридических и фактических действий в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов за счет имущества должника» (Мищенко, 2006. С. 9);

– «профессиональная, направленная на достижение баланса интересов кредиторов, должника и общества деятельность арбитражного управляющего по проведению процедур несостоятельности (банкротства), в которых осуществляется управление деятельностью должника путем реализации арбитражным управляющим закрепленных в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) прав и исполнения обязанностей» (Русанов, 2008. С. 9);

– «арбитражное управление представляет собой профессиональную деятельность в рамках управления системой банкротства, необходимую прежде всего для координации всех элементов системы банкротства в целях максимального удовлетворения требований кредиторов за счет имущества должника» (Дорохина, 2008).

В качестве основных признаков арбитражного управления, в узком смысле, в литературе чаще всего называются следующие: реализация деятельности на профессиональной основе, возмездность осуществления, непредпринимательский характер деятельности, по форме проведения – частная практика, обязательное личное участие в ее осуществлении (полномочия арбитражного управляющего не могут быть переданы другим лицам), необходимость утверждения арбитражным судом, срочный характер осуществления. Представляется, что перечень может быть дополнен указанием на экономический характер деятельности арбитражного управляющего, что обуславливает соответствующий набор признаков – самостоятельность, рисковый характер деятельности, получение дохода. Кроме того, еще одной обобщающей характеристикой арбитражного управления является признание его разновидностью профессионально-практической деятельности (Пахаруков, 2003. С. 24).

В отличие от юридической науки, в которой преимущественно используется термин «арбитражное управление», в спе-

циальной экономической литературе широко применяется иной термин – «антикризисное управление». С 1997 года в высших учебных заведениях России даже велась подготовка экономистов-менеджеров по специальности 351000 «Антикризисное управление»⁶. Ныне такого направления подготовки в системе высшего образования нет. Представляется, что названные понятия отнюдь не равнозначны по объему, кругу действий, составляющих их содержание, а также кругу субъектов, осуществляющих указанные виды деятельности. Сущностью антикризисного управления является разработка и реализация наиболее рационального и в чем-то новаторского варианта выхода несостоятельного должника из кризисного состояния, в том числе из состояния банкротства. Представляется, что именно наличие кризиса – единственный фактор применения специальных мер управленческого воздействия, суть которых и составляет антикризисное управление. Тогда как арбитражное управление представляет собой деятельность арбитражного управляющего или иных лиц по осуществлению полномочий, установленных законодательством, которые, в частности, могут выражаться как в реализации восстановительных, так и ликвидационных мероприятий. Поэтому отождествлять эти понятия так же неверно, как и рассматривать их изолированно вне связи друг с другом. Между тем иногда в литературе не делается каких-либо различий между указанными понятиями, что, на наш взгляд, является недопустимым.

Виды арбитражного управления. В философской литературе указывается, что делением называется раскрытие объема какого-либо понятия, которое производится путем перечисления всех видов (то есть меньших по объему понятий), входящих в состав делимого понятия. Главными требованиями являются его полнота (все члены

⁶ Приказ Министерства образования РФ от 2 марта 2000 г. № 686 «Об утверждении государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования» // Бюллетень Министерства образования РФ. 2000. № 8. Resolution of the Ministry of Education of the Russian Federation dated March 2, 2000 No. 686 "On the approval of state educational standards of higher professional education" // Bulletin of the Ministry of Education of the Russian Federation. 2000. No. 8.

деления должны быть перечислены) и чистота (члены деления не являются пересекающимися понятиями). Классификация – это особый случай применения логической операции деления объема понятия, представляющий собой некоторую совокупность делений (деление некоторого класса на виды, деление этих видов и т. д.). Классификация по существенным признакам называется типологией; она основана на понятии типа как единицы расчленения изучаемой реальности (Философский словарь, 2001. С. 247). Для целей упорядочения накопленных знаний об арбитражном управлении (в узком смысле) произведем деление данного понятия по нескольким основаниям на основе анализа российского законодательства о банкротстве.

1. В зависимости от субъекта, осуществляющего арбитражное управление, можно выделить:

– арбитражное управление, осуществляемое физическим лицом (арбитражным управляющим или иными физическими лицами);

– арбитражное управление, осуществляемое юридическим лицом (ГК АСВ).

Приведенная классификация требует пояснений. Во-первых, как известно, по общему правилу арбитражным управляющим может быть гражданин Российской Федерации, являющийся членом саморегулируемой организации арбитражных управляющих (далее – СРО АУ). Это непосредственно указано в легальной дефиниции арбитражного управляющего, содержащейся в ст. 2 Закона о банкротстве. Между тем в случаях, прямо предусмотренных законом, функции арбитражного управления могут выполнять иные лица. Согласно п. 2 ст. 220 Закона о банкротстве внешним управляющим крестьянского (фермерского) хозяйства может быть утверждено лицо, не соответствующее требованиям, предъявляемым к арбитражным управляющим. В.Н. Ткачев, анализируя соответствующую норму, приходит к выводу о том, что «поскольку не уточняется, каким именно из этих требований может не соответствовать управляющий имуществом крестьянского (фермерского) хозяйства, можно прийти к выводу, в соответствии с

которым для такого управляющего не обязательны абсолютно любые требования» (Ткачев, 2007. С. 110). Однако данная норма прямо противоречит легальному определению арбитражного управляющего, который должен быть членом СРО АУ. Безусловно, это оправдывается тем обстоятельством, что в отдаленных сельскохозяйственных районах достаточно трудно найти лицо, соответствующее высоким профессиональным требованиям, предъявляемым к арбитражному управляющему. Думается, что с мнением В.Н. Ткачева в полной мере согласиться нельзя. Утвердить в качестве внешнего управляющего лицо, которое не соответствует абсолютно всем требованиям, – значит поставить под сомнение эффективность проведения процедуры внешнего управления, полностью девальвируя принцип профессионализма арбитражного управления. Между тем внешнее управление считается наиболее сложной из всех процедур банкротства, если судить по размеру денежного вознаграждения, которое полагается по Закону о банкротстве внешнему управляющему по сравнению со всеми другими видами управляющих (п. 3 ст. 20.6). Думается, что суд, например, никогда не назначит в этом случае ранее судимого за совершение умышленного преступления иностранного гражданина, не имеющего каких-либо специальных познаний в сфере экономики, права или сельского хозяйства, но постоянно проживающего в соответствующем отдаленном регионе.

Во-вторых, по ранее действовавшему российскому законодательству круг лиц, которые могли не соответствовать требованиям, предъявляемым к арбитражным управляющим, но при этом могли быть назначены в деле о банкротстве соответствующим управляющим, был значительно шире. Так, Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁷ (далее – Закон о банкротстве

⁷ Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 222 (утратил силу). Federal Law dated January 8, 1998 No. 6-FL "On Insolvency (Bankruptcy)" // Collected Acts of the Russian Federation. 1998. No. 2. Art. 222 (ceased to be valid).

1998 г.) к такой группе физических лиц относил:

- председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора) (п. 1 ст. 175);
- сотрудника государственного органа по делам о банкротстве и финансовому оздоровлению (п. 4 ст. 185).

В-третьих, в юридической доктрине ставится вопрос о возможности расширения круга лиц, не отвечающих требованиям, предъявляемым к арбитражным управляющим, но имеющих право быть назначенными в деле о банкротстве. Прежде всего это касается случаев банкротства гражданина. Однако, по мнению С.А. Карелиной и И.В. Фролова, все предложения об альтернативном утверждении управляющими лиц, не обладающих статусом арбитражного управляющего, и (или) проведение процедуры банкротства гражданина без утверждения финансового управляющего в настоящий момент носят исключительно теоретический характер и в силу требований действующего российского законодательства не могут рассматриваться как допустимые, законные и обоснованные (Карелина, Фролов, 2016. С. 15).

В-четвертых, Закон о банкротстве не предусматривает возможность назначения одновременно нескольких арбитражных управляющих в отношении одного несостоятельного должника (соуправляющих) или заместителя арбитражного управляющего (в случае временной нетрудоспособности). Напротив, действующее законодательство последовательно проводит принцип единичности при осуществлении арбитражного управления. Между тем фигура соуправляющего и заместителя арбитражного управляющего была известна Закону о банкротстве 1998 года. В соответствии с п. 2 ст. 99 по ходатайству конкурсного управляющего, одобренному собранием кредиторов или комитетом кредиторов, арбитражным судом могло быть назначено несколько конкурсных управляющих. При этом арбитражный суд должен был распределить обязанности между конкурсными управляющими в зависимости от сложности выполняемых задач, характера и размера имущества должника, а также должен был определить пределы ответственности каждого из них. На основании

п. 3 ст. 59 Закона о банкротстве 1998 года в случае временной неспособности временного управляющего исполнять возложенные на него обязанности арбитражный суд вправе был назначить заместителя временного управляющего. Кроме того, к полномочиям комитета кредиторов Закон о банкротстве 1998 года, в частности, относил право принимать решение о представлении арбитражному суду кандидатуры заместителя внешнего управляющего (абз. 5 ч. 1 ст. 81). Как следовало из закона, заместитель мог быть назначен только арбитражным судом, с соблюдением всех требований к кандидатуре и порядку ее выдвижения.

В-пятых, идея о необходимости передачи в отдельных случаях управления имуществом должника-банкрота юридическому лицу, профессионально занимающемуся антикризисным управлением, обсуждается в юридическом сообществе много лет. Большинство российских исследователей института банкротства высказались положительно относительно данного предложения. Между тем Закон о банкротстве предусматривает только единственный случай, когда арбитражное управление может быть осуществляться юридическим лицом. Очевидно, что подобного рода ситуации привлечения юридических лиц должны быть законодательно расширены, прежде всего, когда речь идет о банкротстве стратегических предприятий и организаций, а также градообразующих организаций. В случаях и в порядке, которые предусмотрены Законом о банкротстве, ГК АСВ исполняет полномочия конкурсного управляющего при банкротстве финансовых организаций (п. 5 ст. 180 Закона о банкротстве). Данное обстоятельство, в отличие от случая с крестьянским (фермерским) хозяйством, нашло отражение в легальной дефиниции конкурсного управляющего, под которым, как известно, понимается либо арбитражный управляющий, либо ГК АСВ. Но это создает другую неточность. Строго следуя легальной дефиниции арбитражного и конкурсного управляющих, следует констатировать, что ГК АСВ, являясь конкурсным управляющим, арбитражным не признается. Что, конечно, создает сложности для ГК АСВ в применении

общих норм конкурсного законодательства, в которых речь идет об арбитражном управляющем (например, о правах, обязанностях, ответственности арбитражного управляющего). Судебная практика подтверждает неоднозначность применения соответствующих норм⁸.

Кроме того, следует акцентировать внимание на неоднозначный подход законодателя по вопросу наделения ГК АСВ полномочиями конкурсного управляющего. Закон о банкротстве и в легальной дефиниции конкурсного управляющего (ст. 2) и в других своих нормах (п. 5 ст. 180, п. 2, 3 ст. 189.68) последовательно исходит из того, что ГК АСВ является именно конкурсным управляющим, тогда как Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»⁹ исходит из того, что ГК АСВ в соответствии с Федеральным законом от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и бан-

ковской деятельности»¹⁰ и Законом о банкротстве только осуществляет функции конкурсного управляющего (ликвидатора) при банкротстве кредитных организаций (п. 4 ст. 15).

2. В зависимости от сферы осуществления арбитражного управления можно выделить следующие его виды:

– арбитражное управление, осуществляемое в ходе производства по делу о банкротстве;

– арбитражное управление, осуществляемое арбитражным управляющим, назначенным судом для осуществления реорганизации юридического лица [п. 2 ст. 57 Гражданского кодекса Российской Федерации¹¹ (далее – ГК РФ)];

– арбитражное управление, осуществляемое арбитражным управляющим, назначенным судом для ликвидации юридического лица (п. 5 ст. 61, п. 5 ст. 62 ГК РФ);

– арбитражное управление, осуществляемое арбитражным управляющим, назначенным судом для проведения процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица (п. 5.2 ст. 64 ГК РФ).

В первом случае арбитражное управление могут осуществлять, как уже отмечалось, арбитражные управляющие, иные физические лица, а также ГК АСВ. Правовое положение арбитражного управляющего существенно различается в зависимости от проводимой им процедуры банкротства, поэтому Закон о банкротстве выделяет пять видов арбитражного управляющего – временного, административного, внешнего, конкурсного и финансового. Ожидается появление также антикризисного управляющего, который, как предполагается из проекта Федерального закона

⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 июля 2016 г. № Ф05-9152/2016 по делу № А40-173605/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 июня 2016 г. № Ф05-8468/2016 по делу № А40-158613/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 сентября 2014 г. № Ф05-9719/2014 по делу № А40-226/2014 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». Regulation of the Arbitration Court of Moscow District dated July 8, 2016 No. F05-9152 / 2016 in the case No. A40-173605 / 2015 [Electronic resource]. The document has not been published. Access from "Consultant-Plus" law reference system; Resolution of the Arbitration Court of Moscow District dated June 30, 2016 No. F05-8468 / 2016 in the case No. A40-158613 / 2015 [Electronic resource]. The document has not been published. Access from "Consultant-Plus" law reference system; Resolution of the Arbitration Court of Moscow District dated September 8, 2014 No. F05-9719 / 2014 in the case No. A40-226 / 2014 [Electronic resource]. The document has not been published. Access from "Consultant-Plus" law reference system.

⁹ Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 52 (ч. 1). Ст. 5029. Federal Law dated December 23, 2003 No. 177-FL "On Deposit Insurance in Banks of the Russian Federation" // Collected Acts of the Russian Federation. 2003. No. 52 (Part 1). Art. 5029.

¹⁰ Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492. Federal Law dated December 2, 1990 No. 395-1 "On Banks and Banking Activities" // Collected Acts of the Russian Federation. 1996. No. 6. Art. 492.

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Civil Code of the Russian Federation. Part One dated November 30, 1994 No. 51-FL // Collected Acts of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

№ 239932-7¹², будет осуществлять процедуру реструктуризации долгов юридического лица.

В трех последующих случаях арбитражное управление может осуществлять исключительно арбитражный управляющий, которого предложено именовать в литературе «арбитражным управляющим юридическим лицом» (Богданов, 2015. С. 27).

И.В. Фролов обосновал выделение трех типов арбитражного управления. В основе выдвинутой им типологии положены сходные основания рассматриваемой классификации. А именно были разграничены следующие типы арбитражного управления: 1) арбитражное управление в процедурах банкротства, осуществляемое гражданами, обладающими статусом арбитражного управляющего; 2) единое корпоративное арбитражное управление, осуществляемое ГК АСВ; 3) арбитражное управление юридическим лицом, не обладающим признаками банкротства (Несостоятельность (банкротство), 2019. С. 341–349). Прокомментировать данное суждение можно следующим образом. Во-первых, нетрудно заметить, что в предложенной типологии использованы одновременно два основания деления – субъект арбитражного управления и сфера осуществления арбитражного управления. Во-вторых, отнесение выделенных таким образом групп (рядов) арбитражного управления к типам – не совсем удачный подход. Один и тот же арбитражный управляющий может, осуществляя процедуры банкротства, одновременно быть назначенным и для проведения принудительной реорганизации и

ликвидации, а также для проведения процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица. В этом случае придется признать факт наложения одного типа на другой, выражающееся в том, что один и тот же субъект будет воплощать в своей деятельности разные типы арбитражного управления. В-третьих, предложенная типология не учитывает возможность осуществления арбитражного управления физическим лицом, не имеющим статуса арбитражного управляющего. В-четвертых, наименование арбитражного управления, осуществляемого ГК АСВ, корпоративным следует рассматривать не более как фигурой речи, поскольку, как известно, ГК АСВ не относится к числу корпоративных юридических лиц (п. 1 ст. 65.1 ГК РФ). Используемое законодателем название организационно-правовой формы – государственная корпорация – крайне не удачно.

3. В зависимости от цели арбитражного управления следует разграничивать:

– арбитражное управление, целью которого является осуществление ликвидационных процедур банкротства или иных мероприятий, связанных с прекращением юридического лица (конкурсный управляющий, ГК АСВ, арбитражный управляющий юридическим лицом, финансовый управляющий, назначенный в процедуре реализации имущества гражданина);

– арбитражное управление, целью которого является осуществление восстановительных процедур банкротства (временный управляющий, административный управляющий, внешний управляющий и финансовый управляющий, назначенный в процедуре реструктуризации долгов гражданина).

В основе данной классификации использованы выводы и предложения К.Б. Кораева, который, правда, по иным основаниям произвел похожее деление арбитражных управляющих на виды (Кораев, 2017. С. 176). С его точки зрения, институт несостоятельности (или по его терминологии – «институт неплатежеспособности») следует подразделять на два субинститута – конкурсного права и финансового оздоровления, в зависимости от того субъектом какого субинститута арбитражный управ-

¹² Паспорт проекта Федерального закона № 239932-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части процедуры реструктуризации долгов в делах о банкротстве юридических лиц»: внесен Правительством РФ [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». Passport of the draft of Federal Law No. 239932-7 "On Amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and some legislative acts of the Russian Federation regarding the procedure for restructuring debts in bankruptcy cases of legal entities": submitted by the Government of the Russian Federation [Electronic resource]. The document has not been published. Access from "Consultant-Plus" law reference system.

ляющий является он выделил два вида арбитражных управляющих.

Исследование вопроса о понятии и видах арбитражного управления в юридической доктрине должно быть продолжено. Перспективным видится разработка деятельностного подхода к анализу данного

феномена, в соответствие с которым могут быть выделены следующие направления: цель арбитражного управления, правовые средства осуществления арбитражного управления, результат арбитражного управления.

Библиографический список

Богданов Е.В. Правовое положение арбитражного управляющего юридическим лицом // *Гражданское право*. 2015. № 1. С. 27–30.
Васильев Е.А. Правовое регулирование конкурсного производства в капиталистических странах: учебное пособие / Московский государственный институт международных отношений. М., 1989. 101 с.
Дорохина Е.Г. Арбитражное управление в системе банкротства. М.: Новый индекс, 2008. 208 с.
Карелина С.А., Фролов И.В. Возможно ли банкротство гражданина без финансового управляющего? // *Судья*. 2016. № 7. С. 10–15.
Кораев К.Б. Неплатежеспособность: новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства). М.: Проспект, 2017. 320 с.
Мищенко Д.И. Гражданско-правовые аспекты арбитражного управления: автореферат диссертации ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Современная гуманитарная академия. М., 2006. 24 с.
Несостоятельность (банкротство). М.: Статут, 2019. Т. 1. 925 с.
Пахаруков А.А. Правовое регулирование конкурсно-

го производства юридических лиц (вопросы теории и практики) : автореферат диссертации ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М., 2003. 31 с.
Русанов М.С. Правовые требования к осуществлению арбитражного управления по российскому законодательству: автореферат диссертации ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Российский государственный гуманитарный университет. М., 2008. 30 с.
Тай Ю.В. Правовые проблемы арбитражного управления: автореферат диссертации ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М., 2005. 32 с.
Ткачев В.Н. Несостоятельность (банкротство) особых категорий субъектов конкурсного права: теоретические и практические проблемы правового регулирования. М.: Волтерс Клувер, 2007. 368 с.
Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 719 с.
Харитоновна Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2013. 304 с.

References

Bogdanov E.V. (2015) The legal status of the arbitration manager of a legal entity. *Civil Law*. No. 1. P. 27–30. (In Russ.)
Vasil'ev E.A. (1989) Legal regulation of bankruptcy proceedings in the capitalist countries: study guide. Moscow State Institute. 101 p.
Dorokhina E.G. (2008) Arbitration management in a bankruptcy system. Moscow: Novyi indeks. 208 p.
Karelina S.A., Frolov I.V. (2016) Is bankruptcy of a citizen possible without a financial manager? *Judge*. No. 7. P. 10–15. (In Russ.)
Koraev K.B. (2017) Insolvency: a new institution of legal regulation of financial recovery and insolvency (bankruptcy). Moscow: Prospekt. 320 p.
Mishchenko D.I. (2006) Civil law aspects of arbitration management: extended abstract of cand. dissertation (Jurisprudence): 12.00.03. Modern Humanitarian Academy. Moscow. 24 p.
Insolvency (bankruptcy) (2019). Moscow: Statut. Vol. 1. 925 p. (In Russ.)
Pakharukov A.A. (2003) Legal regulation of bankruptcy proceedings of legal entities (theory and practice): ex-

tended abstract of cand. dissertation (Jurisprudence): 12.00.03. Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Moscow. 31 p. (In Russ.)
Rusanov M.S. (2003) Legal requirements for the implementation of the arbitration management under the Russian legislation: extended abstract of cand. dissertation (Jurisprudence): 12.00.03. Russian State Humanitarian University. Moscow. 30 p. (In Russ.)
Tai Yu.V. (2005) Legal issues of arbitration management: extended abstract of cand. dissertation (Jurisprudence): 12.00.03. Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Moscow. 32 p. (In Russ.)
Tkachev V.N. (2007) Insolvency (bankruptcy) of special categories of subjects of competition law: theoretical and practical issues of legal regulation. Moscow: Volters Kluver. 368 p.
Philosophical Dictionary (2001) Ed. by I.T. Frolova. Moscow: Respublika. 719 p.
Kharitonova Yu.S. (2013) Management in civil law: issues of theory and practice. Moscow: NORMA: INFRA-M. 304 p.

Сведения об авторе

Пахаруков Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного дела и правоведения. Иркутский государственный университет путей сообщения. Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15,
✉ e-mail: paharukov@mail.ru

Author's Credentials

Aleksandr A. Pakharukov, Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor of Customs and Law Department of Irkutsk State Transport University, 15 Chernishevsky St., Irkutsk, 664074, Russian Federation,
✉ e-mail: paharukov@mail.ru

Критерии авторства

Пахаруков А.А. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

Pakharukov A.A. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Международно-правовое регулирование в прокуратурах новых государственных образований

© Т.Т. Шамурзаев

Кыргызско-Российский славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика

© А.Н. Архипова, В.Н. Туркова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Двадцать первый век – время политической и государственно-правовой интеграции во всех сферах международного сотрудничества, в том числе и в сфере борьбы с преступностью. Согласно ст. 2 Федерального Закона «О прокуратуре РФ» Генеральный прокурор в пределах своей компетенции осуществляет прямые связи с соответствующими органами других государств и международными организациями, сотрудничает с ними, заключает соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью, участвует в разработке международных договоров, осуществляя взаимодействие и сотрудничество с органами прокуратуры зарубежных стран. Это направление получило развитие в связи с конституционным закреплением (п. 4 ст. 15) положения, где говорится о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Организация международного сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ состоит в налаживании связей с прокуратурами других государств, с использованием таких форм взаимодействия как обмен делегациями для передачи опыта, консультации по правовым вопросам, научные и научно-практические конференции, семинары, встречи генеральных прокуроров и др.

Ключевые слова: генеральная прокуратура России, международные нормы, международное сотрудничество, Абхазия, Преднепровская Молдавская Республика, Луганск, Донецк, Южная Осетия

Информация о статье: Дата поступления 10 июля 2019 г.; дата принятия к печати 30 августа 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Шамурзаев Т.Т., Архипова А.Н., Туркова В.Н. Международно-правовое регулирование в прокуратурах новых государственных образований // *Социальная компетентность*. 2019. Том 4. № 3. С. 231–238.

International legal regulation in Prosecutor's offices of new state entities

© Taalibek T. Shamurzaev

Kyrgyz-Russian Slavic University named after Boris Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic.

© Anastasia N. Arkhipova, Valentina N. Turkova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The twenty-first century is the time of political and state-legal integration in all areas of international cooperation, including the struggle against crime. According to Art. 2 of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation", the Prosecutor General within his competence handles the liaison with the relevant authorities of other states and international organizations, cooperates with them, concludes arrangements regarding legal assistance and the fight against crime, participates in the development of international treaties, interacting with prosecution authorities of foreign countries. This direction was developed arising out of the constitutional consolidation (Clause 4, Article 15) of a provision that states that generally accepted principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation are an integral part of its legal system. If an international agreement establishes rules other than those provided by law, the rules of the international agreement are applied.

The organization of international cooperation of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation consists in establishing relations with the prosecutor's offices of other states using such forms of interaction as exchange of delegations for best practices transfer, consulting on legal issues, scientific and research-to-practice conferences, seminars, prosecutors general meetings, etc.

Keywords: General Prosecutor's Office of Russia, international norms, international cooperation, Abkhazia, Pridnestrovian Moldavian Republic, Lugansk, Donetsk, South Ossetia

Article info: Received July 10, 2019; accepted for publication August 29, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Shamurzaev T.T., Arkhipova A.N., Turkova V.N. (2019) International legal regulation in Prosecutor's offices of new state entities. *Social competency*. Vol. 4. No. 3. P. 231–238. (In Russ.)

Сотрудничество с компетентными органами иностранных государств, а также с международными органами и организациями, является приоритетным направлением деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Жидких, 2014). Для его обеспечения в июне 2006 года приказом Генерального прокурора вместо Международно-правового управления было создано Главное управление международно-правового сотрудничества, в состав которого вошли: управления экстрадиции, правовой помощи и международного права (Казакова, 2012).

В целях повышения эффективности сотрудничества с компетентными органами зарубежных государств по делам, находящимся в производстве центральных аппаратов следственных органов, а также по делам, получившим большой общественный резонанс, в сентябре 2010 года в составе Главного управления международно-правового сотрудничества был создан отдел международного сотрудничества по особо важным делам (на правах управления) (Князева, 2014). В марте 2011 года в управлении правовой помощи Главного управления международно-правового сотрудничества образован отдел правовой помощи и приграничного сотрудничества с государствами Восточной Азии (с дислокацией в г. Хабаровске) (Лазутин, 2008).

Стоит отметить, что важное место в международной деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации занимает взаимодействие с зарубежными партнерами в сфере уголовного судопроизводства (Жидких, 2013). Это вопросы выдачи и оказания правовой помощи по уголовным делам, в том числе в области возврата из-за рубежа имущества, полученного в результате совершения преступлений. В соответствии с международными договорами и российским законодательством Генеральная прокуратура Российской Федерации является компетентным органом по вопросам выдачи и оказания правовой помощи по уголовным делам. В частности, Указами Президента Российской Федерации (от 26 октября 2004 г. № 1362, от 18 де-

кабря 2008 г. №№ 1799 и 1800, от 13 февраля 2012 г. № 180) Генеральная прокуратура определена центральным органом по реализации положений о сотрудничестве по вопросам выдачи и правовой помощи по уголовным делам, содержащимся, соответственно, в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 года (Малов, 2012).

В настоящее время Генеральная прокуратура РФ взаимодействует в сфере уголовного судопроизводства с партнерами из более чем 80 государств мира (Комаров, 2014). Осуществляется оно на основе международных договоров или принципа взаимности, закрепленного в статьях 453, 457, 460, 462 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Генеральная прокуратура является единственным компетентным органом, который направляет в иностранные государства запросы о выдаче лиц для привлечения их к уголовной ответственности или исполнения приговоров, а также принимает решения по иностранным запросам о выдаче лиц из Российской Федерации. Россия имеет специальные двусторонние и многосторонние международные договоры. В частности, она является участником Европейской конвенции о выдаче 1957 г. с тремя дополнительными протоколами 1975, 1978 и 2012 гг., а также заключенной в рамках СНГ Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. с Протоколом к ней 1997 г. Сотрудничество Генпрокуратуры России с компетентными органами иностранных государств в вопросах выдачи и оказания правовой помощи за последние годы развивается достаточно активно (Тарасов, 2019).

О ее масштабах говорит тот факт, что ежегодно Генеральной прокуратурой Российской Федерации рассматривается более 10 тысяч материалов о выдаче, правовой помощи по уголовным делам, розыску и другим вопросам, отнесенным к компетенции Генеральной прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства.

Ежегодно в компетентные органы иностранных государств направляется около 400 запросов о выдаче лиц, а рассматривается свыше 1500 аналогичных иностранных запросов. Расширяется география сотрудничества в сфере выдачи. Все чаще преступники пытаются скрыться от правосудия в государствах, с которыми у России нет договоров о выдаче. Ежегодно Генеральной прокуратурой рассматривается более 6 тысяч запросов о правовой помощи по уголовным делам как поступивших из-за рубежа, так и российских, предназначенных для направления в иностранные государства. Эффективно используется институт передачи уголовного судопроизводства. В компетентные органы иностранных государств направляются ходатайства об осуществлении уголовного преследования иностранных граждан, совершивших преступления на территории России, а также ходатайства иностранных государств об осуществлении уголовного преследования российских граждан, совершивших преступления за рубежом.

Одним из важных направлений деятельности Генеральной прокуратуры России является сотрудничество с зарубежными коллегами в вопросах розыска, ареста, конфискации и возврата похищенного имущества. В мае 2011 года в Кодекс РФ об административных правонарушениях введена глава 29-1, регламентирующая международное правовое сотрудничество по делам об административных правонарушениях. При этом Генпрокуратура России определена одним из компетентных органов по вопросам оказания правовой помощи по таким делам (Маркаров, 2012).

Кроме того, она является компетентным органом по заключенной в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) Конвенции о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения (1997 г.).

В последние годы во взаимодействии с Минюстом и МИДом России проводится большая работа по развитию договорно-правовой базы участия нашей страны в международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства, а также по имплементации положений международных договоров в российское законодательство. Представители Генеральной прокуратуры принимают активное участие в разработке проектов договоров о выдаче и о правовой помощи по уголовным делам, в т. ч. в рамках международных организаций.

В частности, один из заместителей начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации более 20 лет успешно представляет российские интересы в Комитете экспертов Совета Европы по действию европейских конвенций о сотрудничестве по уголовным делам, активно способствуя реализации российской инициативы по модернизации таких конвенций, в т. ч. в вопросах ускорения и упрощения процедур выдачи.

На постоянной основе проводится работа по укреплению правовой базы межведомственного сотрудничества. В частности, в рамках СНГ подписаны:

– Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией от 25 апреля 2007 г.;

– Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека от 3 декабря 2009 года.

С 2007 года на основе соглашений с компетентными органами иностранных государств разрабатываются и подписываются программы сотрудничества. Принимаются они на 1–2 года и предусматривают обмен опытом и налаживание практического взаимодействия по актуальным вопросам, представляющим взаимный интерес. За это время подписано 48 программ с партнерами из 28 иностранных государств, реализовано 40 программ сотрудничества, проведено более 130 преду-

смотренных ими мероприятий: консультаций, встреч, семинаров и «круглых столов».

В настоящее время реализуются семь программ межведомственного сотрудничества: с органами прокуратуры или юстиции Абхазии, Армении, Бахрейна, Венгрии, КНР, Кубы, Финляндии. Закон о прокуратуре наделил эти органы в лице Генеральной прокуратуры ПМР значительными полномочиями по осуществлению международно-правового сотрудничества (Конституция ПМР, 1995).

На сегодняшний день важное место в международной деятельности занимают вопросы взаимодействия с зарубежными партнёрами в различных сферах деятельности. Реализуется оно по следующим направлениям:

1) оказание правовой помощи по уголовным делам, включая выдачу (экстрадицию);

2) заключение и реализация договоров по борьбе с преступлениями, представляющими международную опасность;

3) разработка международных норм и стандартов, обеспечивающих защиту прав человека в сфере охраны правопорядка;

4) признание и исполнение решений иностранных органов по административным и уголовным делам;

5) регламентация вопросов национальной и международной юрисдикции;

6) совместное изучение проблем охраны правопорядка, обмен опытом по их решению;

7) оказание материально-технической и консультативной помощи;

8) обмен информацией о нормативно-правовом регулировании.

Следует отметить, что в органах ПМР отмечается положительный опыт международного сотрудничества прокуратуры с рядом стран, которые имеют конкретные положительные результаты в той или иной сфере деятельности (Попова, 2019). В 2018 году в Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялась рабочая встреча с коллегами Республики Южная Осетия. В мероприятии приняли участие заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Николай Винниченко, Генеральный прокурор Республики Южная

Осетия Урузмаг Джагаев, работники Генпрокуратуры России и представители югоосетинской делегации. Встреча проходила в рамках реализации Программы сотрудничества между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Республики Южная Осетия на 2018–2019 годы. В формате «круглого стола» обсуждалась тема «Организация и осуществление прокурорского надзора за соблюдением законодательства при исполнении уголовных наказаний, содержания под стражей различных категорий подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также при исполнении уголовных наказаний и иных мер правового характера, не связанных с изоляцией от общества».

Выступая, Николай Винниченко отметил, что отношения между прокуратурами России и Южной Осетии носят понастоящему партнерский и многоплановый характер. Ранее, в 2018 году, в рамках указанной Программы сотрудничества был проведен «круглый стол» по вопросам организации прокурорского надзора за соблюдением органами государственной власти и местного самоуправления законов и законностью издаваемых ими правовых актов. Регулярно проводятся рабочие встречи. Участники мероприятия обменялись мнениями о сложившихся методах работы и выразили уверенность в том, что встреча будет иметь практическую значимость для обеих сторон, а полученная в ходе ее работы информация найдет применение в служебной деятельности. Стороны договорились о дальнейшем сотрудничестве в рамках исполнения указанной Программы.

Историческое значение признания Россией государственной независимости Южной Осетии. Основу двусторонним отношениям положило подписание 17 сентября 2008 года такого документа как Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами¹. Исходя из статьи 2 Закона «О

¹ Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Южной Осетией [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/1731342.html> (дата обращения 20.08. 2019). Friendship and Cooperation Treaty between Russia and South Ossetia. URL:

прокуратуре» от 10 октября 2007 года № 92 прокуратура Республики Южная Осетия в пределах своей компетенции осуществляет прямые связи с соответствующими органами иностранных государств и международными организациями, а также вправе заключать соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью. 9 сентября 2008 года Россия официально установила дипломатические отношения с Абхазией и Южной Осетией. 26 августа 2008 года последовало международно-правовое признание независимости Абхазии и Южной Осетии. Это решение в своём обращении огласил бывший Президент Дмитрий Медведев: «Учитывая свободное волеизъявление осетинского и абхазского народов, руководствуясь положениями Устава ООН, декларацией 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, Хельсинкским Заключительным актом СБСЕ 1975 года, другими основополагающими международными документами, я подписал Указы о признании Российской Федерацией независимости Южной Осетии и независимости Абхазии».

Генпрокурор Абхазии придает огромное значение Соглашению о сотрудничестве между Генеральными прокуратурами Абхазии и России, а также Протоколу о сотрудничестве между Генпрокуратурой РА и Следственным комитетом РФ. «После подписания вышеназванных соглашений в Генеральную прокуратуру РФ для осуществления уголовного преследования направлено 36 уголовных дел, возбужденных в отношении граждан России, совершивших различные преступления на территории Республики Абхазия. Судами РФ по 10 уголовным делам вынесены обвинительные приговоры, а остальные находятся в стадии предварительного и судебного следствия»².

<http://regnum.ru/news/1731342.html> (access date 20.08.2019).

²Новости прокуратуры Абхазии. [Электронный ресурс]. URL.: generalnoi-prokyratyre...abhazi/ <http://www.nykhas.ru/14720/> (дата обращения 2.09.2019). News of the prosecutor's office of Abkhazia. URL.: [generalnoi-prokyratyre ... abhazi / http://www.nykhas.ru/14720/](http://www.nykhas.ru/14720/) (access date 2.09.2019).

Генпрокуратурой РА исполнено 350 запросов об оказании правовой помощи по уголовным делам, находящимся в производстве следственных органов России. Рассмотрены 90 обращений граждан, поступивших из Генпрокуратуры РФ, о нарушении их законных прав и интересов в Республике Абхазия, половина из которых удовлетворена.³

Следственным комитетом Российской Федерации исполнено более 600 запросов об оказании правовой помощи по уголовным делам, находящимся в производстве следователей Абхазии.

Для привлечения к уголовной ответственности и исполнения приговора в Российскую Федерацию экстрадировано шесть граждан, скрывающихся на территории Абхазии, а из России в Абхазию четыре человека, которые осуждены на территории Абхазии.

В рамках международно-правового сотрудничества в Академиях Генеральной прокуратуры РФ в городах Москва и Санкт-Петербург прошли курсы повышения квалификации прокурорско-следственных работников, в том числе впервые назначенные на должность прокурора района – прокуроры Сухумского, Гулрыпшского и Ткуарчалского районов. В 2014 году прошли курсы повышения квалификации 15 сотрудников системы прокуратуры РА.

Подписана Программа сотрудничества между Генеральными прокуратурами Абхазии и России на 2016–2018 годы. Данный документ предусматривает проведение совместных семинаров, «круглых столов» в Москве и Сухуме по вопросам сотрудничества в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам, выдачи лиц, скрывшихся от уголовного преследования или исполнения приговора, организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере экономики, за расследованием коррупционных уголовных дел, профилактики коррупционных правонарушений, организации надзора за исполнением законов в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления и издаваемых ими правовых актов, а также по другим направлени-

³Там же. Ibid

ям прокурорской деятельности (Степанова, 2014).

Кроме проведения вышеуказанных мероприятий, представители прокуратур Республики Абхазия и Российской Федерации будут обмениваться информацией по основным направлениям деятельности своих органов, а также по приоритетам государственной политики, в выработке и реализации которых они участвуют.

В этом же году проведены консультации и осуществляются внутригосударственные процедуры по подготовке к подписанию Договоров между Республикой Абхазия и Российской Федерацией: «О передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы» и «О взаимной правовой помощи по уголовным делам»⁴.

Международное сотрудничество представляет собой регулируемую нормами международного и внутригосударственного права совместную и согласованную деятельность правоохранительных органов различных стран по защите интересов личности, общества, государства и международного сообщества от преступных посягательств, имеющих международный, транснациональный характер. Таким образом, международное сотрудничество Прокуратуры РФ с соответствующими органами зарубежных стран является одним из направлений ее деятельности.

Особое внимание уделяется тенденциям развития Национальной прокуратуры, типологии, организации и содержа-

нию, а также прокурорскому надзору, уголовному преследованию, преследованию от имени государства, участию прокурора в судебном заседании и другой деятельности.

Одной из основных функций прокуратуры является взаимодействие с компетентными органами иностранных государств и надзор за применением законов в сфере международного правового сотрудничества. Для ее реализации, совместно с исполнительными и законодательными органами, прокуроры осуществили внедрение новой правовой базы, что позволяет им сегодня работать согласно соответствующим международным нормам и стандартам. Параллельно прокуратура участвовала в разработке проектов других законов, правительственных постановлений, непосредственно касающихся деятельности учреждения (Шаген, 2014).

В течение последних 15 лет особое внимание уделялось международному сотрудничеству. Представители Генеральной прокуратуры приняли участие в различных мероприятиях, организованных Советом Европы, Пактом стабильности для Юго-Восточной Европы, координационным советом генеральных прокуроров СНГ, международной ассоциацией прокуроров. Публичная информация, транспарентность являются одними из основных элементов деятельности органов прокуратуры, направленной на обеспечение достоверных сведений по вопросам, представляющим интерес для общества.

Библиографический список

Жидких А.А. Об основных формах участия в правоохранительстве прокуратуры и аналогичных учреждений зарубежных государств // Законодательство. 2013. № 7. С. 57–62.

Жидких А.А. Участие Российской прокуратуры в правовом обеспечении международного сотрудничества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №10-1(48). С. 76–78.

Казакова В.Э. Взаимодействие органов прокуратуры РФ и компетентных органов зарубежных государств в ходе расследования преступлений, совершенных транснациональными преступными сообществами // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: сборник статей Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2012. С. 253–257.

⁴ «О передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы» и «О взаимной правовой помощи по уголовным делам. Договора между Республикой Абхазия и Российской Федерацией. URL.: <http://www.apsnypress.info/news/generalnoy-prokurature-respubliki-abkhaziya-20-let/> (дата обращения

24.08.2019). "On the transfer of persons sentenced to imprisonment for enduring the punishment" and "On mutual legal assistance in criminal cases." Agreement between the Republic of Abkhazia and the Russian Federation. URL.: <http://www.apsnypress.info/news/generalnoy-prokurature-respubliki-abkhaziya-20-let/> (access date 08.24.2019).

Комаров М.Г. Сотрудничество генеральной прокуратуры РФ с зарубежными государствами в вопросах экстрадиции // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 1 (1). С. 117–122.

Конституция Приднестровской Молдавской Республики от 24 декабря 1995 г. М.: Юридическая литература, 1996.

Князева Е.Г. Прокурорский надзор в зарубежных странах // Юридический мир. 2014. № 3. С. 34–37.

Лазутин Л.А. Международное сотрудничество и правовая помощь // Законность. 2008. № 3. С. 36–39.

Малов А.А. Сотрудничество Генеральной прокуратуры РФ с компетентными органами зарубежных государств в вопросах экстрадиции // Законность. 2012. № 12. С. 6–9.

Маркаров В.Р. Конституционно-правовой статус прокуратуры в Российской Федерации и зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ...канд. юр. наук. М.: 2012. 26 с.

Попова В.И. Прокуратура Приднестровской Молдавской Республики. М.: ГУИПП, 2019.

Степанова О.Н. Международно-правовое сотрудничество в ходе осуществления прокурорского надзора за соблюдением федерального законодательства // Законность. 2014. № 2. С. 10–13.

Тарасов Е.А. Юридическое признание Россией Донецкой и Луганской Народных Республик [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.opentown.org/news/51240> (дата обращения: 26.08.2019).

Шаген А. Нагорный Карабах. Правовые аспекты. Издание второе. Ереван, 2014. 106 с.

References

Zhidkikh A.A. (2013) On the main forms of participation in the lawmaking of the prosecutor's office and similar institutions of foreign countries. *Legislation*. No. 7. P. 57–62. (In Russ.)

Zhidkikh A.A. (2014) The participation of the Russian prosecutor's office in the legal support of international cooperation. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. No.10–1(48). P. 76–78. (In Russ.)

Kazakova V.E. (2012) The interaction of the prosecution authorities of the Russian Federation and the competent authorities of foreign countries in the investigation of crimes committed by transnational criminal associations. Current issues of the struggle against crime: a collection of articles of the International scientific and practical conference of students and young scientists. Chelyabinsk: Poligraf-Master. P. 253–257. (In Russ.)

Komarov M.G. (2014) Cooperation of the Prosecutor General of the Russian Federation and foreign countries regarding extradition. *Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*. No.1 (1). P. 117–122. (In Russ.)

The Constitution of the Pridnestrovian Moldavian Republic dated December 24, 1995. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1996. (In Russ.)

Knyazeva E.G. (2014) Public prosecutor's supervision abroad. *Legal world*. No. 3. P. 34–37.

Lazutin L.A. (2008) International cooperation and legal assistance. *Zakonnost Journal*. No. 3. P. 36–39. (In Russ.)

Malov A.A. (2012) Cooperation of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation with the competent authorities of foreign countries regarding extradition. *Zakonnost Journal*. No.12. P. 6–9.

Markarov V.R. (2012) Constitutional and legal status of the prosecutor's office in the Russian Federation and foreign countries: comparative legal study: extended abstract of cand. dissertation (Jurisprudence). Moscow. 26 p. (In Russ.)

Popova V.I. (2019) Prosecutor's Office of the Pridnestrovian Moldavian Republic. Moscow. GUIPP.

Stepanova O.N. (2014) International legal cooperation in the public prosecutor's supervision of compliance with federal law. *Zakonnost Journal*. No. 2. P. 10–13. (In Russ.)

Tarasov E.A. Legal recognition by Russia of the Donetsk and Lugansk People's Republics. Available at: <https://www.opentown.org/news/51240> (access date 26 August 2019). (In Russ.)

Shagen A. (2014) Nagorno-Karabakh. Legal issues. Second Edition. Erevan. 106 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Шамурзаев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета, Россия,

✉ e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru

Архипова Анастасия Николаевна, заместитель директора по учебной работе Института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: anastasia_dekanat@mail.ru

Author's Credentials

Taalaibek T. Shamurzaev, Dr. Sci. (Juridical Sciences), Professor, Head of Criminal Procedure and Criminalistics Department, Law Faculty of Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, 44 Kievskaya St., Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic,

✉ e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru

Anastasia N. Arkhipova, Deputy Director for Academic Affairs, Economics, Management and Law Institute, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov St., Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: anastasia_dekanat@mail.ru

Туркова Валентина Николаевна, заместитель директора по научной работе Института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru

Valentina N. Turkova, Deputy Director for Research, Economics, Management and Law Institute. Irkutsk National Research Technical University. 83 Lermontov St., Irkutsk, Russian Federation, e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru

Критерии авторства

Шамурзаев Т.Т., Архипова А.Н., Туркова В.Н. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

Shamurzaev T.T., Arkhipova A.N., Turkova V.N. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Контекстное образование как условие развития транспрофессиональных характеристик личности

© И.С. Гомбоева

ГПОУ «Приаргунский государственный колледж», Забайкальский край, п. Приаргунск, Россия

Аннотация: Актуальность исследуемой проблемы обусловлена изменениями в социально-экономической сфере современной России. Подготовка профессионально мобильных специалистов, личность которых обладает транспрофессиональными характеристиками, требует от системы образования новых подходов к обучению профессии. В качестве одной из психолого-педагогических теорий, в условиях которой возможно развитие транспрофессиональных характеристик личности, рассматривается контекстное образование. Обучение профессии происходит в логике сменяющихся друг друга видов деятельности: образовательная деятельность академического типа – квазипрофессиональная и образовательно-профессиональная – социо-практическая и профессиональная. Каждому виду деятельности ставится в соответствие обучающая модель: семиотическая, имитационная, социальная. Трансформация учебной деятельности в профессиональную ориентирует обучающихся на будущее, побуждая тем самым к активным действиям. Для контекстного подхода к обучению характерны проблемность, диалогичность, совместная деятельность.

Ключевые слова: транспрофессионализм, трансфессия, контекст, контекстное образование, проблема, диалог

Информация о статье: Дата поступления 13 июля 2019 г.; дата принятия к печати 25 сентября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Гомбоева И.С. Контекстное обучение как условие развития транспрофессиональных характеристик личности // *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 3. С. 239–245.

Contextual education as a condition for development of transprofessional personality characteristics

© Irina S. Gomboyeva,

Priargunsk State College, Priargunsk, Zabaykalsky Krai, Russian Federation

Abstract: The urgency of the problem under investigation is conditioned by the changes in the socio-economic sphere of modern Russia. The training of professionally mobile specialists, whose personality has transprofessional characteristics, requires new approaches to the training of the profession from the education system. Contextual education is considered as one of the psychological and pedagogical theories under which the development of transprofessional characteristics of the personality is possible. Training takes place in the logic of successive types of activity: educational activity of academic type – quasi-professional and educational – professional-socio-practical and professional. Each type of activity is put in accordance with the training model: semiotic, imitation, social. Transformation of educational activity into professional one focuses students on the future, thus encouraging active actions. The contextual approach to learning is characterized by problematicity, dialogics principle, and joint activity.

Keywords: transprofessionalism, transference, context, contextual education, problem, dialog

Article info: Received July 13, 2019; accepted for publication September 25, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Gomboyeva I.S. (2019) Contextual education as a condition for development of transprofessional personality characteristics. *Social Competence*. Vol. 4. No. 3. P. 239–245. (In Russ.)

Введение

Мир, окружающий современного человека, динамичен и изменчив. Существующая нестабильность в экономической, политической, социальной сферах становится причиной возрастания роли развития человеческих ресурсов. В этой связи актуализируется проблема, связанная с

подготовкой конкурентоспособных, профессионально мобильных специалистов.

Исследователи в области методологии современного профессиознания Э.Ф. Зеер и Э.Э. Сыманюк обращают внимание на то, что в настоящее время понятие профессия, как область общественного разделения труда, утрачивает свое первоначальное значение. Ими констатируется по-

явление нового термина – «трансфессия», под которым понимается «...вид трудовой активности, реализуемой на основе синтеза и конвергенции профессиональных компетенций, принадлежащим к разным специализированным областям» (Зеер, Сыманюк, 2017. С. 12).

Обозначенные тенденции обуславливают изменение и обновление характеристик современного специалиста, ведущими из которых являются трансфессионализм и транспрофессионализм. Учеными обращается внимание на то, что развитие новых качеств выпускников профессиональных образовательных организаций возможно в условиях инновационного содержания обучения, выбора эффективных образовательных технологий, средств навигации учебного процесса и инструментов оценки достижений обучающихся (Зеер, 2018).

Одной из концептуальных основ современного практикоориентированного образования, в рамках которой возможно развитие транспрофессиональных характеристик личности, является психолого-педагогическая теория контекстного образования.

Цель данной статьи состоит в теоретическом изучении феномена транспрофессионализма, а также раскрытии содержания контекстного образования как условия развития транспрофессиональных характеристик личности.

О транспрофессионализме

В настоящее время понятие «транспрофессионализм» в отечественной науке находится на этапе своего осмысления и оформления, что объясняет отсутствие единой точки зрения на данный феномен.

Одной из первых работ в России, посвященных обозначенной проблеме, является статья П.В. Малиновского, рассматривающего теорию транспрофессионализма в контексте глобальной профессиональной революции (Малиновский, 2007). Автор акцентирует внимание на изменении роли человеческого капитала и, соответственно, науки и образования как сфер, обеспечивающих его воспроизводство. К основным качествам транспрофессиона-

лов исследователь относит наличие способности к совместно-творческой деятельности, межпрофессиональной коммуникации; обладание навыками командной работы; непрерывное саморазвитие и самосовершенствование.

Зеер Э.Ф. и Сыманюк Э.Э. под транспрофессионализмом понимают интегральное качество специалиста, характеризующее его способность осваивать и выполнять деятельность из различных видов и групп профессий (Зеер, Сыманюк, 2017. С. 13). Причем, они подчеркивают, что транспрофессионализм не отрицает значимости начальной, базовой профессии, а способствует выходу за ее пределы, обогащению знаниями, компетенциями и технологиями, имеющими отношение к другим видам профессиональной деятельности.

Известна также точка зрения С.А. Кудрякова, который рассматривает транспрофессионализм как умение организовывать представителей различных профессий в одну команду, направленную на решение комплексных проблем с реализацией синергетического эффекта (Кудряков, 2014. С. 95).

Вопрос о том, какие характеристики личности следует относить к транспрофессиональным, и какие из них возможно развить в условиях профессионального образования, также остается дискуссионным.

О контекстном образовании

Остановимся более подробно на сущности контекстного образования, которое, по мнению ученых, выступает в качестве одной из развивающих технологий транспрофессионального образования (Третьякова, 2019).

Истоки концепции контекстного образования лежат в теории контекстного обучения, идеологом и разработчиком которой является А.А. Вербицкий. Обучение в контексте будущей профессиональной деятельности, ориентированное первоначально на проблемы высшей школы, сегодня находит свое активное применение и в общеобразовательных учреждениях, и в системе среднего профессионального образования.

Вербицкий А.А. подчеркивает, что в контекстном образовании осуществляется как профессиональное, так и общее развитие личности, что обеспечивается единством обучения и воспитания. Обучающийся, обладающий самостоятельностью и активностью становится субъектом логически сменяющих друг друга видов деятельности: от образовательной академического типа через квазипрофессиональную и образовательно-профессиональную деятельности к социо-практической и профессиональной. Осуществление каждого вида деятельности происходит в трех взаимосвязанных педагогических моделях: семиотической, имитационной и социальной (Вербицкий, 2019).

Семиотическая обучающая модель представляет собой вербальные или письменные тексты, содержащие теоретическую информацию о конкретной области профессиональной культуры и предполагающие ее индивидуальное присвоение каждым обучающимся. Единицей работы студента является речевое действие – слушание, говорение, чтение, письмо. В качестве средства работы выступает текст.

Имитационная обучающая модель – это моделируемая ситуация будущей профессиональной деятельности, требующая анализа и принятия решений на основе теоретической информации. В таких моделях учебные задания предполагают выход обучающегося за рамки знаковой информации, соотнесение ее с будущей профессиональной деятельностью, осмысление знаний, которое происходит тогда, когда обучающийся включает себя в ситуацию решения конкретных профессиональных задач. В этом случае единицей работы оказывается предметное действие, на основе которого достигается практически полезный эффект, происходит преобразование имитируемой профессиональной ситуации. Средством работы является контекст.

Социальная обучающая модель – это типовая проблемная ситуация или фрагмент профессиональной деятельности, которые анализируются и преобразуются в формах совместной деятельности обучающихся. Работа в интерактивных группах как социальных моделях профес-

сиональной среды приводит к формированию не только предметной, но и социальной компетентности будущего специалиста. Эта модель реализуется в деловых и учебных играх. Основной единицей активности обучающегося является поступок, то есть действие, направленное на другого человека, предполагающее его отклик и с учетом этого – коррекцию действия. Происходит освоение обучающимися профессии как части культуры, осмысление своего отношения к труду, обществу, самому себе. Средством работы, формирующим ценностное отношение личности к труду, людям служит подтекст.

«Контекст» – основополагающее понятие рассматриваемой теории. Причем, А.А. Вербицкий относит данную категорию к когнитивным психологическим феноменам, обеспечивающим функционирование сознания человека, к которым также относятся – значение, смысл, рефлексия, самосознание (Вербицкий, 2015. С. 98). Под контекстом ученый понимает «систему внутренних и внешних условий жизни и деятельности человека, влияющую на процесс и результаты восприятия, понимания и преобразования человеком конкретной ситуации, действия и поступка» (Вербицкий, 2009. С. 124). В условиях контекстного образования осуществляется интеграция внутреннего и внешнего контекста. Внутренний контекст составляют индивидуально-психологические особенности, знания и опыт человека, внешний – информационные, предметные, социокультурные пространственно-временные и иные характеристики ситуации, в которых он действует (Вербицкий, 2010).

О развитии транспрофессиональных характеристик личности в условиях контекстного образования

Рассмотрим, каким образом возможно развитие транспрофессиональных характеристик личности в условиях контекстного образования.

Умения мыслить нестандартно, находить креативные решения в различных ситуациях проблемного характера, привлекать знания из разнообразных областей являются важными качествами транспро-

фессиональной личности.

Основной единицей в контекстном обучении выступает проблемная ситуация. Причем, проблема может быть сформулирована в рамках любой из трех обучающих моделей.

Так, например, для семиотической обучающей модели характерна учебная деятельность академического типа, включающая в себя лекции различного типа: информационную, проблемную, лекцию вдвоем, лекцию с запланированными ошибками, лекцию визуализацию, лекцию пресс-конференцию и др.

Уровни проблемности лекции могут быть следующими:

- преподаватель формулирует перед аудиторией проблему, решает ее, демонстрируя при этом стиль научного мышления. В этом случае происходит активизация внутреннего диалога обучающихся;

- преподаватель ставит проблему и к ее решению привлекает студентов. Диалог приобретает характер внешнего, субъектами общения являются педагог и обучающиеся;

- преподаватель актуализирует проблему, а обучающиеся самостоятельно решают ее в диалогическом общении и межличностном взаимодействии;

- обучающиеся сами ставят и разрешают проблему при консультативной поддержке преподавателя (Вербичкий, 2010).

Уже на данном этапе задаются предметный и социальный контексты будущей профессиональной деятельности в форме теоретического обсуждения вопросов, касающихся будущей профессии, виртуального моделирования действий специалистов.

В условиях имитационной обучающей модели происходит реализация квазипрофессиональной и образовательно-профессиональной деятельности. В качестве методического инструментария проблемности здесь используются: лабораторные работы, практикумы, анализ профессиональных ситуаций, имитационные, деловые, ролевые игры, спецсеминары (семинары-исследования, семинары-дискуссии).

Семинары-дискуссии представляют

публичное обсуждение или обмен знаниями, мнениями по поводу какого-либо спорного вопроса, проблемы. Дискуссия в профессиональном обучении применяется в тех ситуациях, когда обмен знаниями, умениями и убеждениями может привести к новому взгляду на профессиональную деятельность. В процессе дискуссии происходит обучение участников анализу реальных ситуаций. Тема дискуссии должна иметь проблемный характер, содержать в себе противоречивые точки зрения. Объектами дискуссионного обсуждения могут выступать не только специально сформулированные проблемы, но и случаи из профессиональной практики.

При анализе профессиональных ситуаций можно использовать кейс-метод, целью которого является совместный поиск оптимального решения. Данный метод предполагает привлечение знаний из различных областей, установление взаимосвязей как внутри профессии, так и в смежных областях (межпрофессиональная связь). Кейс-метод способствует развитию мышления, умения действовать в нестандартных ситуациях, ориентироваться в современном производстве, готовности к плодотворной профессиональной деятельности, формированию инициативности и самостоятельности.

Деловая игра – одна из базовых форм контекстного обучения и квазипрофессиональной деятельности обучающихся. Структурно она представляет собой две модели – имитационную и игровую, которые задают предметный и социальный контексты усваиваемой обучающимися реальной профессиональной деятельности. В имитационной модели на научном языке представлена технология целостной профессиональной деятельности либо ее крупных фрагментов, условия и пространственно-временная динамика производственного процесса в той или иной сфере труда (предметный контекст). В игровой модели отражены отношения людей, имеющие место на реальном производстве (социальный контекст): комплект ролей согласно штатному расписанию, должностные функции, обязанности и права специалистов; сценарий взаимодействия участников с указанием временных параметров

действий каждого, их профессиональные интересы и ответственность. Работая с имитационной моделью, участники становятся субъектами квазипрофессиональной деятельности, имеющей черты как учения, так и труда.

Вербицкий А.А. пишет, что отличие деловой игры от традиционных методов обучения, ее обучающие возможности заключаются в том, что в игре воссоздаются основные закономерности движения профессиональной деятельности и профессионального мышления на материале динамически порождаемые и разрешаемые совместным усилием участников учебных ситуаций (Вербицкий, 2010).

В третьей обучающей модели контекстного образования – социальной – происходит моделирование социо-практической и учебно-профессиональной деятельности. Здесь обучающиеся выполняют реальные исследовательские или практические функции, которые осуществляются в подготовке выпускной квалификационной работы, прохождении производственной практики. Данный этап является заключительным в системе трансформации учебной деятельности в профессиональную.

Таким образом, включение обучающихся в решение проблемных ситуаций может быть реализовано в логике контекстного обучения на любом этапе.

Обладание способностью к диалогу, конструктивным межличностным взаимодействиям, межпрофессиональным коммуникациям относится к транспрофессиональным характеристикам личности. Вместе с тем, ведущая роль в контекстном образовании отводится совместной деятельности, диалогическому общению всех субъектов образовательного процесса. Именно диалог выступает в качестве среды, интегрирующей в себе внутренний и внешний контексты личности. Он обеспечивает субъектно-смысловое общение, рефлексию и самореализацию личности в процессе установления ею событийной и ситуационной общности с миром, людьми и самим собой.

В диалоге происходит передача информации не только о предмете разговора, но и о поведении и внутреннем со-

стоянии беседующих. Участники диалога выступают в качестве партнеров по живому событию. В центре диалогической ситуации – личность в своей самобытности и уникальности.

В процессе диалогического взаимодействия личностей С.В. Белова выделяет три фазы (Белова, 2006). Первая – встреча, самопредъявление, изучение индивидуальностей друг друга. Вторая – совместное «переживание» и изучение предмета диалога. Третья – «новая» встреча взаимообогащенных индивидуальностей и самопредъявление себя на более высоком уровне. Таким образом, в диалоге проявляются все стороны общения: коммуникация, предполагающая обмен информацией между участниками диалога; интеракция – взаимодействие партнеров по диалогу; перцепция – восприятие партнерами друг друга.

Выводы

Таким образом, рассмотрение феномена транспрофессионализма и теории контекстного образования как условия развития транспрофессиональных характеристик личности позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В настоящее время в науке отсутствует единое, устоявшееся определение понятия «транспрофессионализм», а, следовательно, и смежных с ним: «транспрофессиональная личность», «транспрофессиональные характеристики личности».

2. Одной из развивающих технологий транспрофессионального образования является теория контекстного образования, истоки которого лежат в контекстном обучении, ориентированном на будущую профессиональную деятельность.

3. Последовательная трансформация в условиях контекстного образования учебной деятельности в профессиональную ориентирует обучающегося не на прошлый опыт, а на будущее, побуждая человека к активным действиям. В этом случае знания, умения, навыки, компетенции рассматриваются не как цель, а как средство решения задач. Особую актуальность это приобретает в плане развития транспрофессиональных характеристик личности, способной

осваивать и выполнять деятельность из разных видов и групп профессий.

4. Контекстному подходу к обучению присущ проблемный характер. Любая профессиональная деятельность насыщена нестандартными ситуациями, задачами, для решения которых обычных алгоритмических действий становится недостаточным. В этом случае от человека требуется «включение» мышления, направленного на решение проблемы, активизация креативных

способностей личности.

5. Важное место в контекстном образовании занимает совместная деятельность, межличностное взаимодействие и диалогическое общение всех субъектов образовательного процесса, что направлено на развитие таких транспрофессиональных характеристик личности как способность к работе в команде, мобильность и гибкость.

Библиографический список

Белова С.В. Педагогика диалога: Теория и практика построения гуманитарного образования: монография. М.: АПКПРО, 2006. 380 с.
Вербицкий А.А. Контекстное образование в контексте истории педагогической мысли // Антропологическое знание как системообразующий фактор профессионального педагогического образования. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Курский государственный университет, 2019. С. 26–29
Вербицкий А.А., Калашников В.Г. Понятие «контекст» в категориальном строе психологической науки // Педагогика и психология образования. 2015. С. 90–99
Вербицкий А.А., Ларионова О.Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании. Проблемы интеграции. М.: Логос, 2009. 336 с.
Вербицкий А.А. Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 32–37
Вербицкий А. А. Педагогические технологии контекстного обучения: Научно-методическое пособие.

М.: РИЦ МГУ им. М. А. Шолохова, 2010. 55 с.
Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Методологические ориентиры развития транспрофессионализма педагогов профессионального образования // Образование и наука. 2017. Т. 9. № 8. С. 9–28
Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э., Бердникова Д.В., Борисов Г.И. Методологические основы транспрофессионализма субъектов техномической деятельности // Педагогическое образование в России. 2018. № 11. С. 38–47.
Кудряков С.А., Остапченко Ю.Б., Шаповалов Е.Н., Романцев В.В. Транспрофессиональная подготовка современных специалистов: миф или реальная необходимость // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2014. № 8. С. 94–98.
Малиновский П.В. Вызовы глобальной профессиональной революции на рубеже тысячелетий // Российское экспертное обозрение. 2007. № 3 (21). С. 21–24.
Третьякова В.С. Транспрофессионализм субъектов социально-профессиональной деятельности: монография. Екатеринбург, 2019. 142 с.

References

Belova S.V. (2006) Pedagogy of dialogue: Theory and practice of building education in the humanities: monograph. Moscow: APKIPRO. 380 p. (In Russ.)
Verbitskii A.A. (2019) Contextual education in the context of the history of pedagogical thought. Anthropological knowledge as a system-forming factor in professional pedagogical education. Collection of scientific articles of the International scientific and practical conference. Kurskii gosudarstvennyi universitet. P. 26–29. (In Russ.)
Verbitskii A.A., Kalashnikov V.G. (2015) The notion "context" in the categorical system of psychological science. *Pedagogy and psychology of education*. P. 90–99. (In Russ.)
Verbitskii A.A., Larionova O.G. (2009) Personal and competency-based approaches in education. Integration issues. Moscow: Logos. 336 p. (In Russ.)
Verbitskii A.A. (2010) Context-competency-based approach to the modernization of education. *Higher education in Russia*. No. 5. P. 32–37. (In Russ.)
Verbitskii A. A. (2010) Pedagogical technologies of con-

textual learning: Scientific and methodological manual. Moscow: RITs MGGU im. M. A. Sholokhova. 55 p. (In Russ.)
Zeer E.F., Symanyuk E.E. (2017) Methodological guidelines for the transprofessionalism development among vocational educators. *The Education and Science Journal*. Vol. 9. No. 8. P. 9–28. (In Russ.)
Zeer E.F., Symanyuk E.E., Berdnikova D.V., Borisov G.I. (2018) Methodological foundations of transprofessionalism of subjects of technomic activity. *Pedagogical Education in Russia*. No.11. P. 38–47. (In Russ.)
Kudryakov S.A., Ostapchenko Yu.B., Shapovalov E.N., Romantsev V.V. (2014) Transprofessional training for modern specialists: myth or demand. *Izvestiya SPbGETU "LETI"*. No. 8. P. 94–98. (In Russ.)
Malinovskii P.V. (2007) The challenges of the global professional revolution at the turn of the millennium. *Russian Expert Review*. No. 3 (21). P. 21–24. (In Russ.)
Tret'yakova V.S. (2019) Transprofessionalism of subjects of social and professional activity: a monograph. Ekaterinburg. 142 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Гомбоева Ирина Сергеевна, кандидат педагогических наук, преподаватель ГПОУ «Приаргунский государственный колледж», 674310, Россия, Забайкальский край, п. Приаргунск, ул. Чернышевского, 1А,
✉ e-mail: gomboevai@mail.ru

Критерии авторства

Гомбоева И.С. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Irina S. Gomboyeva, Cand. Sci. (Pedagogical Sciences), Educator of Priargunsk State College, 1A Chernyshevsky St, Priargunsk, Zabaykalsky Krai, 674310, Russian Federation,
✉ e-mail: gomboevai@mail.ru

Criteria for Authorship

Gomboyeva I.S. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Педагогический потенциал образовательного пространства вуза в формировании личностно-профессиональных ценностей студентов – будущих психологов

© Л.А. Ларионова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Проблема качественного обучения в вузе в современной России является актуальной. В данной статье автор рассматривает один из путей использования образовательного пространства в формировании личностно-профессиональных ценностей студентов, на примере бакалавров-психологов. Выделяется сущность педагогического потенциала вуза, а также возможности включения в его образовательное пространство различных организаций.

Ключевые слова: педагогический потенциал, образовательное пространство вуза, личностно-профессиональные ценности, формирование компетенций, системообразующий компонент

Информация о статье: Дата поступления 16 июля 2019 г.; дата принятия к печати 17 сентября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Ларионова Л.А. Педагогический потенциал образовательного пространства вуза в формировании личностно-профессиональных ценностей студентов – будущих психологов // *Социальная компетентность*. 2019. Том 4. № 3. С. 246–254.

The pedagogical potential of the educational space of the university in the formation of personal and professional values of future psychologists

© Larisa A. Larionova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The issues of quality in higher education in modern Russia are of current importance. The article considers one of the ways of using the educational space of the University in the formation of personal and professional values of students, through the example of undergraduate students in psychology. The essence of the pedagogical potential of the University is highlighted, as well as the possibility of including various organizations in its educational space.

Keywords: pedagogical potential, educational space of the University, personal and professional values, formation of competences, systemically important component

Article info: Received July 16, 2019; accepted for publication September 17, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Larionova L.A. (2019) The pedagogical potential of the educational space of the university in the formation of personal and professional values of future psychologists. *Social Competence*. Vol. 4. No 3. Pp. 246–254. (In Russ.)

Для того чтобы определить понятие «педагогический потенциал» обратимся к его трактовке. «Потенциал» (от лат. *potentia* – сила) – источники, возможности, средства для разрешения какой-либо задачи (Ушаков, 2017). Следовательно, данный термин можно рассматривать как возможности для разрешения задач, связанных с обучением. Боднар А.М. описал три уровня связей и отношений, которые включают в себя педагогический потенциал: отражающее прошлое как накопленный опыт, репрезентирующее настоящее – актуализация возможностей, ориентированное на будущее

– динамика, потенциал «содержит в себе зародыш будущего развития» (Боднар, 1993. С. 14).

Загоруля Т.Б. считает, что вуз имеет общий потенциал. Он состоит из разных составляющих, связанных между собой: финансово-экономический, научно-технический, кадровый, производственно-технологический, педагогический. Главной силой развития вуза является именно последний, так как в нем содержится накопленный опыт, который определяет настоящее и будущее развития высшего учебного заведения. Исследователь, опираясь на

определение Т.Л. Божинской, которая рассматривает педагогический потенциал как «совокупность ценностных содержательных и методических средств, позволяющих оказывать воспитательное воздействие на людей» (Божинская, 2010. С. 32), выделяет следующие компоненты в структуре педагогического потенциала вуза: организационный – управленческая деятельность, стратегия развития вуза, реализация инновационных педагогических проектов; ценностный – в процессе развивающего обучения модели актуализации личности студентов вузов, как носителей инновационной культуры на основе опыта, в решении смысложизненных и профессиональных задач; содержательный – научно-исследовательская и инновационная деятельность менеджеров, преподавателей, студентов, партнеров вуза, взаимодействие с работодателями вуза; методический – учебно-методическое обеспечение образовательного процесса, которое сочетает традиционные и инновационные педагогические технологии. Таким образом, актуализация личности студента, как носителя инновационной культуры, возможна в условиях реализации педагогического потенциала в образовательном пространстве вуза (Загоруля, 2015).

Обратимся к определению понятия «образовательное пространство вуза». Шендрик И.Г. считает, что цель образования может быть достигнута вследствие проектирования самим субъектом своего образования. Реализация образования заключается в создании условий для развития у обучающегося осознанного отношения к миру, чтобы у него сформировалась готовность к свободному и ответственному выбору через преломление своей позиции по отношению к миру и самому себе. Субъект сам задаёт свою собственную индивидуальную образовательную стратегию в образовательной среде, создавая тем самым свое образовательное пространство, представляющее «системную совокупность мест проявления его личностных качеств» (Шендрик, 2003. С. 5).

Маланов И.А. разработал систему принципов формирования регионального образовательного пространства. Отметим «принцип эффекта бифуркаций – принцип потери стабильности вследствие исчерпан-

ности возможностей образовательной среды, когда определяется ряд аттракторов, способствующих выходу из кризисного состояния» и принцип пересечения образовательных событий, в котором предполагается и «доминирующий смысл человека» (Маланов, 2012).

Беккер И.А., Журавчик В.Н. обращают внимание на то, что понятие «образовательное пространство» является сравнительно новым и интерпретируется неоднозначно. Они придерживаются мнения, что любое образовательное учреждение – это составная часть культуры общества. Пространство образовательного учреждения создает и реализует возможности, которые социализируют личность (Беккер, Журавчик, 2009). И.А. Беккер, В.Н. Журавчик вслед за рядом ученых (С.К. Бондыревой, Н.М. Борытко, И.Д. Демаковой, И.А. Колесниковой, Н.Б. Погребовой и др.) считают образовательное пространство педагогическим феноменом, содержание которого определяется рядом аспектов (физический, социальный или социокультурный, психолого-педагогический). Физический представляет собой локус, т. е. упорядоченное расположение и взаимодействие элементов реальной педагогической системы. Социальный или социокультурный аспект – это содержание, структура и формы образовательного пространства в зависимости от культуры общества, в котором оно строится, а также от ценностных ориентаций и личной культуры его субъектов. Психолого-педагогический образовательного пространства – это соединение человека и культуры, место реальной деятельности участников образовательных отношений.

Таким образом, от структуры образовательного пространства, его контента, взаимодействия всех аспектов зависит результативность педагогического процесса, который будет являться составляющей педагогического потенциала вуза (Беккер, Журавчик, 2009).

Следует отметить, что современное общество нуждается в новых формах образования, которые бы повысили эффективность формирования у обучающихся профессиональных компетенций.

В ФГОС ВО по направлению подготовки 37.03.01 «Психология» в требованиях к

результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата указывается, что выпускник должен обладать рядом общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, которые определяются способностью к готовности разрешения профессиональных задач. Обозначены виды профессиональной деятельности бакалавра: практическая, научно-исследовательская, педагогическая, организационно-управленческая¹.

Поскольку мы ориентируемся на формирование личностно-профессиональных ценностей студентов в образовательном пространстве вуза этот процесс сопряжен с формированием компетенций.

Профессиональная деятельность реализуется на основе сформированных компетенций в процессе обучения в вузе. В Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования по направлениям бакалавриата указываются общекультурные (ОК), общепрофессиональные (ОПК) и профессиональные компетенции (ПК). В ФГОС ВО по направлению подготовки 37.03.01 «Психология» при изучении прикладных дисциплин, наиболее значимых для формирования профессиональных ценностей, необходимо сформировать следующие компетенции.

Базовая часть:

– дисциплина «Основы консультативной психологии» - ОК-6 – способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия. ПК-1 – способность к реализации стандартных программ, направленных на предупреждение отклонений в социальном и личностном статусе и развитии, профессиональных рисков в различных видах деятельности; ПК-3 – способность к осуществлению стандартных базовых процедур оказания индивиду, группе, организации психологической по-

мощи с использованием традиционных методов и технологий; ПК-5 – способность к психологической диагностике, прогнозированию изменений и динамики уровня развития познавательной и мотивационно-волевой сферы, самосознания, психомоторики, способностей, характера, темперамента, функциональных состояний, личностных черт и акцентуаций в норме и при психических отклонениях с целью гармонизации психического функционирования человека; ПК-9 – способность к реализации базовых процедур анализа проблем человека, социализации индивида, профессиональной и образовательной деятельности, функционированию людей с ограниченными возможностями, в том числе и при различных заболеваниях;

– дисциплина «Психология семьи» – ПК-3 (характеристику см. выше), ПК-12 – способностью к просветительской деятельности среди населения с целью повышения уровня психологической культуры общества).

Вариативная часть:

– дисциплина «Содержание и формы работы практического психолога» – ПК-5 (характеристику см. выше), ПК-9 (характеристику см. выше), ПК-11 – способность к использованию дидактических приемов при реализации стандартных коррекционных, реабилитационных и обучающих программ по оптимизации психической деятельности человека).

Дисциплины по выбору:

– дисциплина «Основы психотерапии» – ПК-11 (характеристику см. выше), ПК-14 – способность к реализации психологических технологий, ориентированных на личностный рост сотрудников организации и охрану здоровья индивидов и групп).

Различные виды практики:

– ОК-6 – способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (толерантность важна в рамках нашего исследования), ОК-7 – способность к самоорганизации и самообразованию, ОПК-1 – способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-коммуникацион-

¹ Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования. Приложение № 946. 18 с. [Электронный ресурс]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/370301_Psihologiya.pdf (дата обращения: 11.03.2018). Federal state educational standards of higher education. Appendix No. 946. 18 p. Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/370301_Psihologiya.pdf (accessed 11.03.2018).

ных технологий и с учетом основных требований информационной безопасности, ПК-2 – способность к отбору и применению психодиагностических методик, адекватных целям, ситуации и контингенту респондентов с последующей математико-статистической обработкой данных и их интерпретацией, ПК-3 (характеристику см. выше), ПК-6 – способность к постановке профессиональных задач в области научно-исследовательской и практической деятельности, ПК-7 – способность к участию в проведении психологических исследований на основе применения общепрофессиональных знаний и умений в различных научных и научно-практических областях психологии), ПК-8 – способность к проведению стандартного прикладного исследования в определенной области психологии, ПК-13 – способность к проведению работ с персоналом организации с целью отбора кадров и создания психологического климата, способствующего оптимизации производственного процесса), ПК-14 (характеристику см. выше)².

Сформированность этих компетенций в процессе учебы позволит решать выпускнику практически задачи в профессиональной деятельности. Выбор теоретического основания работы, методологических установок, определение цели и задач, использование методик зависит от степени подготовленности специалиста, его профессионального и личного опыта, личностных смыслов, ценностных ориентаций, вкладываемых в профессиональную деятельность. Ценностные ориентации являются важной составляющей ядра социально-психологической характеристики личности (Хилл, 2006).

В Профессиональном стандарте психолога в социальной сфере формирование профессиональных компетенций соотносится со следующими трудовыми функциями: организация и предоставление

психологических услуг лицам разных возрастов и социальных групп; подготовка межведомственных команд по оказанию психологической помощи социальным группам и отдельным лицам (клиентам); организация мониторинга психологической безопасности и комфортности среды проживания населения; оказание психологической помощи социальным группам и отдельным лицам (клиентам), попавшим в трудную жизненную ситуацию; организация психологического сопровождения и психологической помощи представителям социально уязвимых слоев населения (клиентам); оказание психологической помощи работникам органов и организаций социальной сферы (клиентам); психологическое сопровождение процессов, связанных с образованием и деятельностью замещающих семей (клиентов); организация работы по созданию системы психологического просвещения населения, работников органов и организаций социальной сферы; разработка и реализация программ профилактической и психокоррекционной работы, направленных на улучшение состояния и динамики психологического здоровья населения. Соотношение профессиональных компетенций с трудовыми функциями актуализирует формирование профессиональных ценностей, необходимых для выполнения профессиональной деятельности. (Профессиональный стандарт «Психолог в социальной сфере» (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18.11.2013 № 682н).

Практические занятия прикладных психологических дисциплин эффективно могут быть реализованы только в условиях, приближенных к реальным.

Для разрешения данных задач мы предлагаем использовать образовательное пространство вуза как фактор формирования личностно-профессиональных ценностей студентов.

В образовательном пространстве вуза они могут использовать разнообразные формы работы, которые направлены на формирование профессиональных компетенций. Преимущество ряда организаций, включенных в образовательное пространство вуза перед отдельно взятыми ор-

² Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования, Приложение № 946. 18 с. [Электронный ресурс]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/370301_Psihologiya.pdf (дата обращения: 11.03.2018). Federal state educational standards of higher education. Appendix No. 946. 18 p. Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/370301_Psihologiya.pdf (accessed 11.03.2018).

ганизациями, заключается в том, что студенты, начиная с первого курса, могут реализовывать полученные знания, используя разный уровень профессиональной ответственности, т. е. от волонтерства до настоящей оплачиваемой профессиональной деятельности.

Включение различных организаций в образовательное пространство учебного заведения осуществляется на договорной основе. В образовательное пространство вуза включены следующие организации: студенческое научное общество «Студенческий центр психологической помощи» (при кафедре социологии и психологии ИРНИТУ), Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский институт психологии», Общество с ограниченной ответственностью «Психологическая школа ИРНИТУ», Лаборатория экспериментальной психодиагностики по цифровой графологии кафедры социологии и психологии ИРНИТУ, Психологическая служба ГУФСИН РФ по Иркутской области.

Вышеперечисленные организации представляют собой инфраструктуру, которая обеспечивает профессиональное развитие студентов. Специалисты, организующие профессиональную деятельность студентов, оперативно связаны между собой и имеют общую консультативную базу.

В этих организациях студенты, обучающиеся по специальности 37.03.01 «Психология», могут получить полноценный профессиональный опыт на основе конструктивного взаимодействия с сотрудниками организаций и преподавателями вуза, осуществляющими практическую деятельность на разных уровнях профессиональной ответственности, начиная от выполнения поручений и волонтерства, до выполнения работы на договорной основе и профессиональном трудоустройстве.

Образовательное пространство вуза обеспечивает социальный аспект через организацию студентами работы с населением по профилактике, консультированию и коррекции.

Деятельность в образовательном пространстве высшего учебного заведения мотивирует студентов и преподавателей на постоянное развитие. Пространственная организация в вузе описывается в работах

М.Н. Филатовой. Исследователи Т.А. Ольховая и С.В. Мазова характеризуют данный компонент как ориентацию на личностно-профессиональное становление будущего специалиста (Жеребятникова, 2012). Такая работа дает возможность студентам развиваться как профессионалам.

Взаимоотношения в системе «преподаватель-студент» в образовательном пространстве вуза характеризуется активным использованием разнообразных технических, информационных и других средств, которые необходимы в профессиональной подготовке квалифицированных кадров. Главным, решающим звеном в образовательных отношениях выступают преподаватели, так как общение педагогов и студентов нельзя заменить никакими техническими средствами, которые выступают как активные, содержательные, дополнительные факторы. Исходя из этого, приоритетное место в профессиограмме современного преподавателя занимает коммуникативная компетентность, основанная на выстраивании взаимоотношений в системе «преподаватель-студент», позволяющей эффективно решать педагогические задачи в меняющихся социокультурных условиях. Важно, что для преподавателя именно общение (а не сама передача знаний, подготовка профессионалов в определенной области) выступает как цель, содержание и способ деятельности, следовательно, необходимость развития коммуникативной компетентности особенно высока (Исаев, 2004. С. 63).

Подготовка современного поколения специалистов с высшим образованием представляет собой целостные и весьма сложные взаимоотношения в системе «преподаватель-студент». В этих взаимоотношениях не только закладываются и развиваются собственно профессиональные компетенции будущих специалистов, но и формируются их основные, сущностные социальные качества и профессиональные ценности.

Совместная работа преподавателя и студента позволит выстраивать образовательные отношения на качественно новом уровне, так как студент может наблюдать профессионализм преподавателя, который, в свою очередь, сопровождает разви-

тие профессионализма у студента.

Между студентами, преподавателями и специалистами-профессионалами существует тесная взаимосвязь, где реализуется наставничество, обмен опытом. Большое значение имеют и сами взаимоотношения, как поддерживающий фактор в развитии профессионализма. Студент получает сопровождение не только со стороны педагогических кадров своего вуза, но и профессионалов-практиков разных организаций.

Главная характеристика образовательного пространства современного вуза – это системообразующий компонент. Бондаревская Е.В. рассматривает этот компонент как совместную образовательную деятельность совокупных субъектов образования (Бондаревская, 1997).

Маричев И.В. считает системообразующим компонентом образовательного пространства современного вуза наличие условий, влияющих на формирование личности, готовой к эффективному взаимодействию (Маричев, 2006). Системообразующим компонентом в образовательном пространстве вуза является процесс целеполагания – формирование профессиональных ценностей студентов, будущих психологов, таких как аутентичность, эмпатия, толерантность и безоценочность. Основные функции образовательного пространства современного вуза И.А. Беккер и В.Н. Журавчик разделяют на образовательную (обучающую), воспитывающую, формирующую, развивающую, оздоравливающую, социализирующую (Беккер, Журавчик, 2009). В образовательном пространстве вуза реализуется обучающая функция, так как там происходит практико-ориентированное обучение студентов. Преподаватели постоянно взаимодействуют со студентами как в учебной, так и внеучебной деятельности. Передача опыта рассматривается нами как воспитательная функция. К формирующей функции относится работа над формированием профессионально-важных качеств и личностно-профессиональных ценностей. К развивающей относится становление студентов, будущих психологов как профессионалов. Социализирующая – это функция взаимодействие преподавателей, студентов, со-

трудников, клиентов, а также организация и проведение различных мероприятий, которые направлены на психопрофилактику, психологическое консультирование и психокоррекцию.

Таким образом, в образовательном пространстве вуза реализуются обучающая, воспитательная, формирующая, развивающая и социализирующая функции. Маричев И.В. условия функционирования образовательного пространства современного вуза рассматривает как нормативную документацию, экономические условия, сферу запроса и применения результатов образования, размещенных на носителях информации, педагогические кадры, контингент получателей содержания образования, образовательную территорию и образовательное оснащение, научно-методическое обеспечение (Маричев, 2006). Совместно с организациями, включенными в образовательное пространство вуза, разработана нормативная документация, регламентирующая деятельность студентов, а также определяет экономические условия и сферу запроса, где реализуются полученные знания студентами как результат образования, используются педагогические кадры, которые организуют профессиональную деятельность студентов, есть территория и специальное оснащение для проведения практической работы, используется научно-методическое обеспечение.

Бочарникова Н.А. рассматривает структуру образовательного пространства современного вуза по горизонтали: общесоциальный, общенаучный уровень; уровень образовательного пространства вуза и подпространств-кластеров; личное пространство субъектов; по вертикали: административные органы; учебно-научные подразделения; научно-исследовательские центры; научно-производственные комплексы; институт воспитания (Бочарникова, 2012).

Деятельность организаций, включенных в образовательное пространство вуза, имеет горизонтальный и вертикальный уровни, носит как социальный, так и научный характер.

Психологическая служба ГУФСИН РФ обеспечивает психологическое сопровождение сотрудников и осужденных, АНО

НИИП, СНО СЦПП, ООО «Психологическая школа ИРНТУ», кроме психологического сопровождения, реализует также и научные исследования, кафедра социологии и психологии ИРНТУ, психодиагностическая экспериментальная лаборатория по цифровой графологии обеспечивают реализацию научных исследований студентов. Общесоциальный уровень Профессионального инкубатора представлен работой с населением в трех основных направлениях: психопрофилактики, психологического консультирования и психологической коррекции; общенаучный уровень представлен эмпирическими исследованиями, проводимыми студентами, результаты которых отражены в научных статьях, в курсовых, в выпускных квалификационных работах, в научных конкурсах. Каждый студент-участник Профессионального инкубатора имеет свое личное образовательное пространство в каждой из организаций. Им выполняется определенная работа, например, проведение психопрофилактики в форме тренингов, бесед, лекций. В каждой организации студент имеет время, место и результат, который обсуждается с преподавателями или специалистами организаций. Это все составляет горизонтальный уровень образовательного пространства. Вертикальный представлен вышеперечисленными организациями, которые выполняют роль воспитательного института в процессе становления будущего профессионала-психолога.

Инициатором включения организаций в образовательное пространство вуза является кафедра социологии и психологии ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»; деятельность основывается на запросах общества; взаимодействие осуществляется между студентами, преподавателями вуза и сотрудниками-профессионалами.

Таким образом, образовательное пространства высшего учебного заведения как фактор формирования личностно-профессиональных ценностей студентов представляет собой систему взаимодействия разных организаций (СНО «Студенческий центр психологической помощи» кафедры психологии ИРНТУ, АНО «Научно-исследовательский институт психологии»,

ООО «Психологическая школа ИРНТУ», Лаборатория экспериментальной психодиагностики по цифровой графологии кафедры социологии и психологии ИРНТУ, Психологическая служба ГУФСИН РФ по Иркутской области), в которых осуществляется профессиональная деятельность студентов, позволяющая реализовывать разный уровень ответственности в профессиональной деятельности. Образовательное пространства вуза обладает рядом аспектов (физический аспект – это инфраструктура, состоящая из разных организаций, взаимосвязанных между собой на основе нормативных документов и методологического обеспечения, социокультурный – работа студентов над личностным развитием и психологическое сопровождение населения, психолого-педагогический – взаимодействие с педагогами и специалистами как с наставниками и профессионалами), имеет системообразующий компонент – процесс целеполагания (формирование личностно-профессиональных ценностей студентов, будущих психологов) и структурно имеет горизонтальный уровень (психологическое сопровождение населения, эмпирические исследования, написания научных работ, личное пространство студентов в каждой организации) и вертикальный уровень (интеграция организаций в воспитательный институт будущего профессионала).

Итак, образовательное пространство вуза – это система взаимодействия разных организаций (СНО «Студенческий центр психологической помощи» кафедры психологии ИРНТУ, АНО «Научно-исследовательский институт психологии», ООО «Психологическая школа ИРНТУ», Лаборатория экспериментальной психодиагностики по цифровой графологии кафедры социологии и психологии ИРНТУ, Психологическая служба ГУФСИН РФ по Иркутской области), в которых осуществляется профессиональная деятельность студентов, позволяющая реализовывать разный уровень ответственности.

Нами выделены аспекты образовательного пространства вуза:

– физический аспект – это инфраструктура, состоящая из разных организаций, взаимосвязанных между собой на ос-

нове нормативных документов и методологического обеспечения;

– социокультурный аспект – работа студентов над личностным развитием и психологическое сопровождение населения;

– психолого-педагогический – взаимодействие с педагогами и специалистами как с наставниками и профессионалами.

Образовательное пространство вуза имеет системообразующий компонент – процесс целеполагания (формирование профессиональных ценностей студентов, будущих психологов) и структурно имеет горизонтальный уровень (психологическое сопровождение населения, эмпирические исследования, написание научных работ, личное пространство студентов в каждой организации) и вертикальный уровень (интеграция организаций в воспитательный институт будущего профессионала).

Таким образом, образовательное пространство вуза представляет собой такую систему, которая в своей структуре

содержит профессиональные подсистемы (разные организации и учреждения) и обеспечивает социальные условия труда, где у студентов формируются компетенции и личностно-профессиональные ценности в условиях профессиональной деятельности, реализуемой с различной степенью ответственности.

Педагогический потенциал образовательного пространства вуза определяется физическим, социокультурным, психолого-педагогическим аспектами, наличием системообразующего компонента и представлением образовательного пространства вуза как системы, позволяющей использовать накопленный профессиональный опыт деятельности различных организаций, позволяющий в настоящей репрезентации актуализировать и использовать разный уровень ответственности при выполнении студентами профессиональной деятельности. Это является основой восприятия своей профессии как ценности, представляя собой единство устойчивого и изменчивого состояния.

Библиографический список

Беккер И.А. Журавчик В.Н. Образовательное пространство как социальная и педагогическая категория // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2009. № 12. С. 132–140.
Боднар А.М. Педагогический потенциал учителя: личностно-гуманистический аспект // Вопросы психологии. Москва, 2007.
Божинская Т.А. Педагогический потенциал Российской региональной культуры в контексте социально-философских исследований // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 87–94.
Бондаревская Е.В. Создание единого образовательного пространства как проблема образовательной политики в регионе. Туапсе, 1997. 80 с.
Бочарникова Н.А. Формирование профессиональной культуры социального работника в образовательном пространстве университета // Фундаментальные исследования. 2011. № 12. С. 738–741.
Жеребятникова Г.В. Образовательное пространство вуза: современное осмысление понятия // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сборник статей по материалам XX международной научно-практической конференции. Новосибирск,

2012. С. 64–73.
Загоруля Т.Б. Педагогический потенциал вуза: сущность и содержание // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 56–62.
Исаев И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2004. 208 с.
Маланов И.А. Развитие регионального образовательного пространства в контексте цивилизационного подхода // Вестник Бурятского государственного университета, 2012. С. 32–39.
Маричев И.В. Морская академия в образовательном пространстве: монография. Новороссийск: МГА, 2006. 143 с.
Ушаков Д.Н. Большой Толковый словарь русского языка. М.: Славянский Дом Книги, 2017. 960 с.
Хилл Н. Каждый человек способен творить чудеса. Минск: Попурри, 2006. 208 с.
Шендрик И.Г. Образовательное пространство субъекта и его проектирование: монография. Москва: АПКИПРО, 2003. 154 с.

References

Bekker I.L. Zhuravchik V.N. (2009) Educational space as a social and pedagogical category. *Izvestia Belinsky Penza State Pedagogical University*. No. 12. P. 132–140. (In Russ.)
Bodnar A.M. (2007) Pedagogical potential of a teacher:

personality-humanistic aspect. *Voprosy Psichologii*. Moscow. 194 p. (In Russ.)
Bozhinskaya T.L. (2010) The pedagogical potential of the Russian regional culture in the context of socio-philosophical research. *Theory and practice of social*

development. No. 2. P. 87–94.

Bondarevskaya E.V. (1997) Creation of a unified educational space as a problem of educational policy in the region. Tuapse. 80 p. (In Russ.)

Bocharnikova N.A. (2012) The formation of the professional culture of a social worker in the educational space of the university. *Fundamental research*. Chita. 25 p. (In Russ.)

Zherebyatnikova G.V. (2012) The educational space of the university: a modern understanding of the concept. Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology: collection of articles based on materials from the XX international scientific and practical conference. Novosibirsk. P. 64–73. (In Russ.)

Zagorulya T.B. (2015) Pedagogical potential of the university: essence and content. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 6. P. 56–62. (In Russ.)

Isaev I.F. (2004) Professional and pedagogical culture of

a teacher: a textbook for students of higher educational institutions. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya". 208 p. (In Russ.)

Malanov I.A. (2012) The development of a regional educational space in the context of a civilizational approach. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. P. 32–39. (In Russ.)

Marichev I.V. (2006) Maritime Academy in the educational space: monograph. Novorossiisk: MGA. 143 p. (In Russ.)

Ushakov D.N. (2017) The Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: Slavyanskii Dom Knigi. 960 p. (In Russ.)

Khill N. (2006) Everyone is able to work miracles. Minsk: Popurri. 208 p. (In Russ.)

Shendrik I.G. (2003) [The educational space of the subject and its design: a monograph. Moscow: APKiPRO. 154 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ларионова Лариса Александровна, старший преподаватель кафедры социологии и психологии ИРНТУ, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
✉ e-mail: lal44@mail.ru

Критерии авторства

Ларионова Л.А. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Larisa A. Larionova, Senior Lecturer of Sociology and Psychology Department in Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation.
✉ e-mail: lal44@mail.ru

Criteria for Authorship

Larionova L.A. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Доверительные практики в молодежной среде

© В.Б. Большов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация: В статье рассматривается феномен доверия в современном обществе, предлагаются теоретические подходы к определению данного понятия. Доверие рассматривается как неизменный атрибут современной социальной жизни, проявляющееся как в открытой, так и в латентной формах. Подчеркивается неоднозначность понимания термина доверие. Выделяются основные теоретические подходы, сформированные в социологической науке. За основу классификации принимается принятое в научной литературе межличностное и обобщенное доверие. Подчеркивается мониторинговый характер изучения доверия, охватывающий практически все регионы мира. Также приводятся результаты прикладного социологического исследования среди кубанской молодежи, отражающие состояние доверия в молодежной среде. В ходе исследования была использована методика открытого вопроса, позволяющая получить личностный взгляд по вопросу доверия от респондентов.

Ключевые слова: доверие, обобщенное доверие, межличностное доверие, открытый вопрос

Информация о статье: Дата поступления 13 июля 2019 г.; дата принятия к печати 25 августа 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Большов В.Б. Доверительная практика в молодежной среде // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 3. С. 255–265.

Trust-based practice among young people

© Victor B. Bolshov

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract: The article deals with the phenomenon of trust in modern society and offers theoretical approaches to the definition of this concept. Trust is considered as an invariable attribute of modern social life, manifested in both open and latent forms. The ambiguity of the term trust is underlined. The emphasis is placed upon the main theoretical approaches developed in social science. The classification of trust is based on interpersonal and generalized trust accepted in the scientific literature. The monitoring nature of the trust study covering almost all regions of the world is emphasized. The results of applied sociological research among the Kuban youth, reflecting the state of trust among young people, are also presented. In the course of the study, an open question technique was used to obtain a personal view on the issue of trust from the respondents.

Keywords: trust, generalized trust, interpersonal trust, open question

Article info: Received July 13, 2019; accepted for publication August 25, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Bolshov V.B. (2019) Trust-based practice among young people. *Social Competence*. Vol. 4. No. 3. P. 255–265. (In Russ.)

Проблема формирования доверия в обществе является в настоящее время одной из ключевых, проявляясь на всех уровнях социального взаимодействия. Проявление доверия в рамках повседневной жизни не всегда осознается в полной мере. Часто понимание доверия происходит в противовес процессу недоверия. Первоначальным для человека является необходимость формирования доверия на уровне межличностного общения, ближайших референтных групп. Кроме того, все больше приобретает значимость доверия к абстрактным и удаленным от повседневных

практик современного человека системам и социальным институтам общества (правительство, Президенту, полиции и т. п.).

Важность проявления доверия необходима для нормального позитивного развития страны, ее экономического и человеческого потенциала. Именно на основании анализа динамики этого показателя в ряде стран Р. Инглхарт установил наличие сильной корреляции между уровнем межличностного доверия, с одной стороны, и благосостоянием граждан, экономическими успехами страны в целом (Кертман, 2006. С. 383).

В научной литературе под доверием понимают «устойчивую способность человека, группы, коллектива и всего населения добровольно наделять другого человека, социальную группу и население в целом ценностными и общественно значимыми свойствами в интересах обеспечения своих прав и свобод, гарантий и льгот, а в целом — стабильности и безопасности существования. Будучи по преимуществу категорией межличностных, нравственных отношений, доверие на уровне социума выступает как общественное доверие, включающее в себя экономические, политические, собственно социальные и духовные компоненты» (Осадчая, 2011. С. 16–17).

В качестве субъективного фактора доверие может способствовать решению глобальных проблем, проблем войны и мира, разрешению крупных конфликтов, экологических проблем, но с другой стороны, проявление недоверия может привести к трагедиям и человеческим драмам. Френсис Фукуяма в этой связи отмечает, что «доверие — это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами. Кое-что из этих норм относится к сфере «фундаментальных ценностей» (например, к пониманию Бога или справедливости), однако в их число входят и такие вполне светские вещи, как профессиональные стандарты и корпоративные кодексы поведения» (Фукуяма, 2004. С. 52).

В целом интерпретация категории «доверие» до сих пор остается открытой. Основная проблема разнообразия определений данного понятия по всей видимости связана с тем, что им обозначают самые разные феномены. В этой связи следует выделить два доминирующих подхода к интерпретации феномена доверия: 1) доверие является продуктом традиционного общества, основанном на принципе безусловной веры, т. е. на чувстве уверенности в другом и в его действиях. Доверие таким образом иррационально, что соответствует понятию «чувство доверия», которое испытывают индивиды по отношению к другим на основе веры, уверенности в действиях, сло-

вах кого-либо; 2) другой подход отталкивается от понимания доверия как результата рационализации условий жизни современного общества, т. е. доверие носит рациональный характер, основанный на определенном расчете, а не на чувстве. Данной позиции в большей степени придерживаются такие исследователи как Н. Луман, А. Селигмен, Э. Гидденс, П. Штомпка которые рассматривают необходимость проявления доверия как одного из факторов, способного компенсировать слабую информированность индивидов в условиях общества риска и неопределенности.

В научной литературе отмечается, что ситуация доверия характеризуется неопределенностью, которая связана с вариативностью выбора и принципиальной невозможностью для индивида предсказать поведение контрагента (Алексеева, 2009. С. 24).

С точки зрения Э. Гидденса, доверие «можно определить как уверенность в надежности человека или системы в отношении некоторого данного множества ожидаемых результатов или событий, где эта уверенность выражает веру в доброе имя или любовь другого или в правильность абстрактных принципов» (Гидденс, 2011. С. 150–151). Далее он различает доверие к людям и доверие к «абстрактным системам». Исследователь аргументирует свою позицию следующим образом: «доверие к абстрактным системам принимает форму безличных обязательств, основанных на вере в правильность принципов, в соответствии с которыми построены и функционируют абстрактные системы и которые нам, как правило, неизвестны, а не на вере в «благие намерения» индивидов, которые их обслуживают» (Гидденс, 2011. С. 47).

В этой связи необходимо отметить еще один аспект реализации феномена доверия в обществе. В частности, Козырева П.М. отмечает, что доверие и социальный капитал анализируются как тесно связанные между собой, взаимодополняющие категории: с одной стороны, социальный капитал предстает как некий потенциал общественного взаимодействия, являющийся результатом достигнутого доверия между членами сообщества; с другой, — достигнутый уровень доверия выступает вы-

ражением накопленного запаса социального капитала (Козырева, 2009. С. 44).

В отличие от предыдущих обществ, основанных на доверии родства или дружбы, современное формирует «доверие к абстрактным системам предусматривает сохранение повседневной уверенности, но в силу своей природы не может дать взаимности или близости, которые дают межличностные доверительные отношения» (Гидденс, 2011. С. 249–250).

Вполне обоснованно, что концепт «доверия» рассматривается как противоположный «недоверию», а также в контексте различных рискологических теорий. В это связи Г.М. Заболотная отмечает, что «поведение современного человека в меньшей степени детерминировано внешними санкциями, традициями и безусловными авторитетами. Источником доверия в современном обществе уже не могут, как прежде, выступать родственные и религиозные связи. Природа доверия в современном обществе кроется в добровольном желании людей поступать в соответствии с ожиданиями других. Во-вторых, возросшая потребность в доверии определяется тем, что, несмотря на технический прогресс и существенное приращение знания о мире, общество остается «обществом риска» (Заболотная, 2003. С. 70).

Доверие выступает социально обоснованной и конструктивной формой реакции на риск, как форма социально-психологической компенсации и формирование чувства безопасности в условиях социальной неопределенности. Доверие выступает в качестве средства и формы нейтрализации риска.

В научной литературе, как правило, выделяют несколько видов доверия. Основная градация предусматривает межличностную и обобщенную форму. Для первой характерна ориентация на тесное межгрупповое взаимодействие, взаимодействие лицом к лицу. Данное доверие формируется в повседневной жизни, это доверие «ближнему кругу» – родственники, друзья, близкие. В наибольшей степени доверие или недоверие проявляется к людям, с которыми человек вступает в ежедневную личную эмоционально насыщенную коммуникацию, формируя таким образом

свои симпатии и антипатии, уверенность, преданность, чувство солидарности и ответственность за жизнь и здоровье близких людей.

В ходе этого процесса формируются социально-психологические ожидания предсказуемости поведения другого человека в соответствии с принятыми в обществе нормами поведения. Межличностное доверие обладает высокой ценностью в повседневной жизни каждого человека, в развитии и функционировании общественных отношений в целом. Доверие к другому придает повседневным практикам человека чувство стабильности и определенности.

Несколько иная ситуация с обобщенным доверием. В отличие от межличностного обобщенное является результатом устоявшихся мировоззренческих установок и готовности личности рассматривать мир как заслуживающий доверия.

Обобщенное доверие формируется в условиях, когда человек не имеет сколько-нибудь достоверной информации об окружающих его социальных системах, институтах. В отличие от межличностного, обобщенное доверие тесно связано с мнениями людей, их стереотипами, установками и представлениями относительно незнакомых явлений, процессов, других людей.

Обобщенное доверие основано на предположении, что большинство других людей имеют схожий взгляд на мир, разделяя при этом значимые ценностные позиции. Как отмечает В.О. Рукавишников, «вера в то, что «большинству людей можно доверять» не вытекает из жизненной практики конкретного индивида уже потому, что каждый человек на протяжении всей своей жизни контактирует с очень небольшим количеством «других», а тесное повседневное общение со знакомыми и подобными (в моральном отношении) тебе людьми, то есть со своей «моральной общностью» (moral community), не может породить доверие к незнакомым людям» (Рукавишников, 2008. С. 20).

Важно отметить, что функционирование обобщенного доверия является результатом интеркоммуникации, когда критерии доверия отчуждаются от конкретного объекта, проецируясь на состояние среды

взаимодействий (Чупров, Зубок, Михеева, 2014. С. 114). Фрэнсис Фукуяма в своей работе «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» отмечает, что «способность к ассоциации зависит от существования внутри сообщества норм и ценностей, разделяемых всеми его членами, а также от готовности последних подчинять свои интересы интересам группы. Результатом общих норм и ценностей становится взаимное доверие» (Фукуяма, 2004. С. 26).

С точки зрения английского социолога Э. Гидденса, база обобщенного доверия формируется в первые годы жизни человека. Взаимодействия с родителями, ближайшим окружением ребенок учиться доверять им, формируется психологически устойчивая форма восприятия мира и поведения. В этом плане доверие можно рассматривать как механизм поддержания жизненного мира человека под давлением внешних рисков и опасностей.

Обобщенное доверие выступает определенным индикатором культуры общества, степени его солидарности. Оно также выполняет и транслирующую функцию, поскольку позволяет транслировать прошлый положительный опыт человек в будущие ситуации и ожидания.

В ситуации низкого уровня обобщенного и межличностного доверия происходят дезинтеграционные процессы в обществе, существенно снижается эффективность процесса социализации.

Ф. Фукуяма подчеркивает, что обобщенное доверие является фактором, обуславливающим экономический рост общества. По его мнению в мире существуют общества с высоким уровнем доверия и общества с низким уровнем доверия. В обществах, в которых объединение происходит преимущественно на основе родственных союзов, семей, добровольные объединения являются слабыми, поскольку люди, не связанные кровным родством, не склонны доверять друг другу. В обществах с достаточно высоким уровнем общественного доверия быстрее укореняются новые организационные формы, и появляются они значительно раньше, чем в обществах, которые ощущают недостаток доверия.

В течение достаточно длительного времени проводятся различного рода ис-

следования, фиксирующие уровень доверия/недоверия в разных странах мира (исследование М. Сасаки, В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкин, В.В. Воронов). С 2001 года исследовательское агентство Edelman Trust Barometer проводит мониторинг состояния доверия к различным социальным институтам, общественным лидерам. По результатам исследования 2017 года отмечается, что доверие находится в кризисе во всем мире. Общий уровень доверия населения по всем четырем ключевым институтам – бизнес, правительство, неправительственных организации и СМИ в целом снизился. С падением доверия большинство респондентов в настоящее время не имеют полной уверенности, что вся система работает на них. Поэтому социальные и экономические проблемы, в том числе глобализации, темпы инноваций и подрыв общественных ценностей, приводят к возвращению страхов, что подстегивает подъем популистских действий в некоторых демократических странах.

Рукавишников В.О., исследуя проблему доверия, справедливо отмечает, что «для его измерения на Западе в массовых опросах с 1950-х гг. обычно задается примерно такой вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять, или следует быть более осторожным, когда имеешь дело с ними?» Это вопрос об отношении к людям, с которыми респондент лично не знаком и о которых он ничего не знает. Он неоднократно использовался в крупнейших международных сравнительных опросах, во всемирных и европейских исследованиях ценностей, проводящихся с начала 1980-х гг. с интервалом примерно в 10 лет по стандартизованному инструментарию (The European Value Survey, далее в тексте- EVS, The World Value Survey - WVS)» (Рукавишников, 2008. С. 18).

The European Value Survey – это всемирный научный проект по исследованию трансформации ценностей людей. С 1981 года было проведено шесть волн исследования ценностей. Данный проект охватил около 100 стран и затрагивал шесть основных тем: жизнь, семья, работа, религия, политика и общество. В этих исследованиях, в частности, был зафиксирован достаточно низкий уровень институционального дове-

рия в российском обществе.

С целью эмпирической реализации выше обозначенных теоретических положений нами было проведено прикладное социологическое исследование среди кубанской молодежи, направленное на выявление степени доверия на личном и социальном уровнях. Было опрошено 269 молодых людей, проживающих в городах Краснодаре и Тимашевск.

Одна из главных задач исследования заключалась в понимании самого феномена доверия среди молодежи. От уровня осознания важности этого феномена во многом зависит характер всей системы социальных отношений между людьми.

Приведем некоторые результаты нашего опроса. Респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, имеет ли доверие существенное значение в современном мире?» Ответы молодых людей представлены в табл.1.

Женская часть опрошенных в большей степени видит важность доверительных практик в современном мире. Только 3,7 процента согласились с мнением, что доверие не важно. Мужская часть выборки в меньшей степени ориентирована на понимание важности доверия в мире – 16,1 процента респондентов мужского пола выбрали отрицательные ответы.

Также было выявлено отличие в ответах по этому вопросу у молодых людей в зависимости от возраста. Все респонденты были поделены на две группы. В качестве разграничения групп было выбрано среднее арифметическое значение по выборке – 22 года. Таким образом первая группа – это молодые люди в возрасте от 18 до 22 лет, вторая – от 23 лет и старше. Как свиде-

тельствуют данные опроса, у молодых людей, которые находятся в статусе студентов, необходимость доверия в мире важна для 89,7 процента.

Для старшей возрастной группы молодежи, которая занимается как правило трудовой деятельностью, имеет семью и детей значимость доверия в мире существенно возрастает до 94,4 процента. Это различие в показателях в целом объяснимо, поскольку семейные молодые люди включены в большее число взаимодействий с внешним миром и вынуждены больше оказывать доверия врачам, воспитателям в детском саду, учителям в школе и т. п. Таким образом, можно сделать вывод, что актуальность феномена доверия в значительной мере зависит от степени и тесноты взаимодействия с различными социальными институтами. Вступая в непосредственную и опосредованную (например, Интернет) коммуникацию, люди буквально вынуждены доверять другим людям – врачам, учителям, тренерам, прохожим, Интернет-магазинам и т. п.

В ходе нашего исследования одна из задач заключалась в выявлении уровня так называемого обобщенного доверия, которое является одним из условий социальных взаимоотношений и важнейшим ресурсом, используемым индивидом в своих действиях. Обобщенное доверие выступает показателем общего социального фона, атмосферы в обществе, решает вопросы о принципиальной возможности людей решать какие-либо вопросы, вступая в необходимые социальные взаимодействия с незнакомыми людьми, предполагая их возможные действия. В целом значимость данного вида доверия напрямую связана с

Таблица 1
Как Вы считаете, имеет ли доверие существенное значение в современном мире? %

Table 1

Do you think trust is essential in today's world? %

	18–22 года	23–30 лет	мужчины	женщины	всего
да, доверие важно в современном мире	58,8	61,1	59,7	59,9	59,8
доверие скорее важно	30,9	33,3	24,2	36,4	32,0
доверие не очень важно	10,3	4,2	14,5	3,7	7,7
доверие не важно		1,4	1,6		0,5

экономическим, психологическим, социальным развитием общества и социальных институтов.

Данный тип доверия характеризует представления людей о нормативных формах взаимодействия в целом. Этот аспект является одним из ключевых, и видимо поэтому был включен как показатель в исследование Всемирного исследования ценностей. «Респонденты семи стран по ответу на вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?» образовали три группы по уровню доверия (в скобках – индексы доверия). Выявленные группы стран по уровню доверия: а) страны с «относительно высоким уровнем доверия»: Япония (79.9), США (78.8), Германия (75.8), Тайвань (70.0); б) страны со «средним уровнем доверия»: Россия (55,4), Чехия (48.8); в) страна с «низким уровнем доверия»: Турция (10.2)» (Сасаки, С. 65).

В России наблюдается определенная динамика показателей по этому вопросу. В частности, в публикации А.В. Кученковой «Межличностное доверие в российском обществе» приводятся данные о снижении уровня общего доверия в российском обществе. Так, в 1990 году при ответе на вопрос «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?» дали положительный ответ 37,5 процента респондентов, в 1995 – 23,9, в 2006 году – 26,7, а в 2011 – 29,2 процента. Более 2/3 россиян придерживаются мнения о необходимости осторожного отношения с людьми, особенно незнакомыми или малознакомыми.

По мнению А.В. Кученковой, «снижение было обусловлено политическими и экономическими переменами, произошедшими в первой половине 1990-х гг., повлекшими за собой кардинальную перестройку всех общественных отношений, сопровождающуюся нестабильностью, отсутствием единого, общего ценностного вектора. Именно «недоверие выступает на первый план в периоды революционных изменений и глубоких социальных кризисов» (Кученкова, 2016. С. 31).

В ходе нашего исследования молодым людям был задан вопрос «Как вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?» По результатам исследо-

вания только каждый десятый молодой человек выбрал ответ «скорее да, большинству людей можно доверять». Основная группа молодежи (70,4 %) придерживается мнения, что доверие или недоверие существенно зависят от ситуации и конкретных условий, каждый пятый респондент считает, что с людьми надо быть осторожными. Полученные нами данные в целом коррелируют с результатами исследований, проведенных ранее по всероссийской выборке. Так по данным проекта «Жизненным мир – 2014» только 13,6 % полностью доверяют большинству людей, 71,2 % доверяют, но не во всем, а 14,3 % совершенно не доверяют (Тощенко, 2016. С. 290). Подобного рода данные были получены и ФОМ в 2008 году. Только 15 процентов придерживаются мнения, что большинству людей стоит доверять. Таким образом, на современном этапе развития уровень обобщенного доверия в России можно охарактеризовать как осторожный, с определенной долей опаски.

В качестве дополнительного респондентам был задан вопрос: «Почему они так думают?» Следует отметить, что в дополнении к традиционным закрытым вопросам были использованы открытые вопросы, предполагающими ответы, сформулированные самими участниками опроса. В целом желание социологов все чаще использовать открытые вопросы артикулировано в связи с применением так называемой качественной методологии проведения исследования. Отмечается необходимость использования открытых вопросов, которые позволяют получить дополнительную информацию, носящую личностный характер. Открытый вопрос по своей природе является свободным и позволяет респонденту реализовать личные предпочтения и приоритеты. В тоже время открытые вопросы позволяют расширить познавательные границы исследования за счет получения неочевидных вариантов ответов, поскольку требуют значительных интеллектуальных и мотивационных усилий опрашиваемого.

Приведем наиболее значимые и яркие ответы по вопросу «Как вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?»

Аргументы респондентов, выбрав-

ших положительный ответ (10,1 %): «комфортнее жить в мире, где можно доверять», «я считаю, что нужно быть открытым человеком», «большинство людей – порядочные люди, которым можно доверять, но есть и те, с кем следует быть внимательнее и осторожнее», «в отношениях с людьми доверие играет очень важную роль, так как возникают ситуации, когда нужно обратиться за помощью», «все достойны доверия», «все люди хотят, чтобы им доверяли, ибо все мы в душе хорошие», «если никому не доверять, то невозможно так жить», «без доверия невозможно общение», «я считаю, что если доверяешь человеку и открываешься ему, то он доверяет тебе тоже». Таким образом, основной аргумент молодежи из группы доверия заключается в необходимости поддержания позитивного отношения с окружающими, поскольку от этого зависит их отношение к тебе, а также может возникнуть необходимость обращения за помощью.

Вторая группа молодежи, которая поставила степень доверия в зависимость от обстоятельств, более многочисленна – 70,4 %. Наиболее весомые аргументы, которые приводят представители данной группы, следующие: «потому что все люди абсолютно разные – одним можно сразу открыть все свои секреты и довериться в чем-то, а в других, несмотря на многолетнее общение, не можешь быть абсолютно уверен», «очень много непорядочных людей, которые могут обмануть слишком доверчивых», «по уровню интуиции, каждый человек либо вызывает доверие, либо нет», «я считаю, что не всем можно доверять. К незнакомцам нужно относиться настороженно. В наше время столько злых людей, лжи, терактов», «доверие – важнейшая вещь при построении отношений, но глупо доверять всем малознакомым людям, люди встречаются разные», «если человек близкий, то ему можно доверять, а незнакомому человеку нет», «в зависимости от условий можно принимать различные решения, от этих решений зависит доверие к определенным людям», «потому что в наше время люди часто бывают корыстными, обманывают ради своей цели, много мошенников», «потому что без доверия невозможно расслабиться и быть самим собой», «зависит от того,

насколько близко и как долго ты знаком с человеком», «к сожалению, в современном мире очень много мошенников и аферистов, которые пользуются доверием».

В целом мнение этой группы молодежи сводится к тому, что люди бывают разные, в современном мире очень много корыстных и злых людей, различного рода мошенников. Но в тоже время человеку невозможно жить в состоянии постоянного стресса и страха, поэтому мы вынуждены доверяться людям, и не всегда это только близкие и знакомые. Общее мнение сводится к тому, что «доверие нужно заслужить».

Наверное, наибольший интерес представляет позиция респондентов, которые очень настороженно относятся к окружающим. В ходе опросе таких респондентов было 19,5 процента. Вот их наиболее типичные мнения по этому поводу: «время тяжелое, много двуликих людей», «люди стали сейчас очень эгоистичными, злыми и доверять таким людям не очень хочется. Даже лучшие друзья, которым ты доверял, могут тебя обманывать», «мир эгоистичен, большинство людей думают только о себе и могут подставить», «неоправданное доверие ведет к разочарованию», «большинство людей – лжецы», «у меня в жизни были разочарования после слишком открытых доверительных отношений», «в этой жизни ни в ком и ни в чем нельзя быть уверенным, кроме самой себя», «каждый человек может ударить в спину», «люди беспокоятся лишь о своей шкуре и личной выгоде».

Представители этой группы молодежи подчеркивают возросшую эгоистичность современного общества, люди преследуют свои узкие прагматичные цели и могут переступить через другого человека для их достижения. У представителей данной группы молодежи в большей мере представлен негативный личный опыт общения с другими людьми.

В этой связи для нас было важно понять смысловую интерпретацию понятия «доверие» сквозь призму именно открытых вопросов. Вопрос был поставлен следующим образом: «Как вы понимаете, что такое доверие?». В ходе опроса было получено более 400 ответов различного направления. Респонденты по-разному формули-

Таблица 2

Распределение ответов о понимании термина «доверие», %

Table 2

Distribution of responses about understanding the term "trust", %

1. «уверенность в окружающих», «уверенность в словах, действиях человека», «уверенность в человеке», «убежденность в человеке», «убежденность в ком-либо»	34,9
2. «комфортное общение, «открытость в общении», «простота в отношениях», «прямолинейность»	25,5
3. «честность», «надежда на честности», «совесть», «порядочность»	24,9
4. «вера в добропорядочность», «вера в бескорыстность», «в людей», «в искренность», «вера в человека», «верить на слово»	22,5
5. «делиться сокровенным», «возможность делиться личным», «отсутствие секретов и тайн»	20,2
6. «искренность», «быть искренним»	18,3
7. «чувство поддержки», «попросить помощи», «возможность положиться», «полная надежность»	17,2
8. «уважение», «взаимопочтение»	17,2
9. «надежность», «опора», «помощь», «общение без предательства»	14,8
10. «дружба»	12,4
11. «взаимопонимание»	11,8
12. «верность»	10,7
13. «любовь»	10,7
14. «быть самим собой в общении», «не боишься быть слабым», «свобода быть собой»	10,1
15. «близость»	7,1

ровали свои ответы. Мы сгруппировали их ответы по схожей семантике. Наиболее частотными были следующие позиции.

В ходе опроса респонденты чаще всего ассоциировали доверие с понятием «вера», «уверенность», «надежность», «убежденность в человеке», что связано с необходимостью формирования открытых отношений, на основании которых формируется близость людей, возникает взаимная симпатия и любовь. Одним из ключевых слов является понятие «вера». Российская социологическая энциклопедия определяет веру как: «1) принятие воображаемых или реальных объектов за истину без достаточных теоретических или практических доказательств, которое не может претендовать на объективную значимость; 2) опирающаяся на факты и знания уверенность индивида в том, что определенная идея, гипотеза, теория и т. д. являются истинными» (Российская социологическая энциклопедия, 1998. С. 60).

Также с доверием ассоциируется необходимость поддержания нормальной коммуникации: «открытое общение», «чест-

ное общение», «желание рассказать свои секреты и быть уверенным в порядочности человека», «искренность людей в общении».

При ответе на этот вопрос также были выявлены некоторые гендерные различия. В частности, для женщин в большей степени важны такие характеристики доверия как «уверенность, убежденность в человеке» – 38,2 процента, «вера, вера в человека» – 24,2, «отсутствие секретов» – 21,5, «искренность» – 20,6 процента, «надежность» – 16,8, «поддержка» – 18,7, «взаимопонимание» – 13,1 процента.

Для мужчин «честность, порядочность» – 32,3 процента, «верность» – 16,1, «быть самим собой» – 12,9, «спокойствие, чувство безопасности» – 11,3 процента.

Если говорить в целом, то современные молодые люди в значительной степени ощущают дефицит доверия в обществе и поэтому их ответы направлены, скорее всего, на желание увидеть среди окружающих людей именно характеристики надежности, открытости и добропорядочности.

«Когда Вы имеете дело с незнакомыми людьми, то чаще общаетесь с ними открыто, с доверием или настороженно, с недоверием?» %

Table 3

“When you deal with strangers, do you often communicate with them openly, with trust or with caution, with mistrust?” %

	18–22 года	23–30 лет	мужчины	женщины	всего
открыто, с доверием	18,6	18,1	14,5	20,6	18,3
насторожено, с недоверием	62,9	69,4	67,7	64,5	65,7
затрудняюсь ответить	18,6	12,5	17,7	15,0	16,0

В качестве индикатора уровня доверия в молодежной среде нами был предложен вопрос о характере и степени открытости при общении с незнакомыми людьми.

Результаты опроса показывают, что наибольшее недоверие к незнакомому окружению проявляется в основном у мужчин (67,7 процента), а также у молодых людей в возрасте от 23 лет и старше. Женская часть опрошенных оказалась более лояльной по этому вопросу. Каждая пятая женщина готова открыто и с доверием взаимодействовать с незнакомыми людьми.

Как уже отмечалось доверие в современном мире является неизменным атрибутом построения жизненной стратегии личности. В этой связи нас также интересо-

вал вопрос о влиянии доверия к людям на успешность реализации жизненной стратегии (рис.1).

Как показали результаты опроса более половины опрошенных (57,4 процента) молодых людей не видят в доверии фактора, определяющего успешность их жизни. Тем не менее для женской части опрошенных наличие доверия для успешности жизненного успеха более характерна, чем для молодых людей: 22,4 процента женщин определили важность доверия.

Таким образом, следует сделать вывод, что роль доверия в современных обществах чрезвычайно высока. Результаты исследования показали, что доверие в молодежной среде носит сложный и многоаспектный характер.

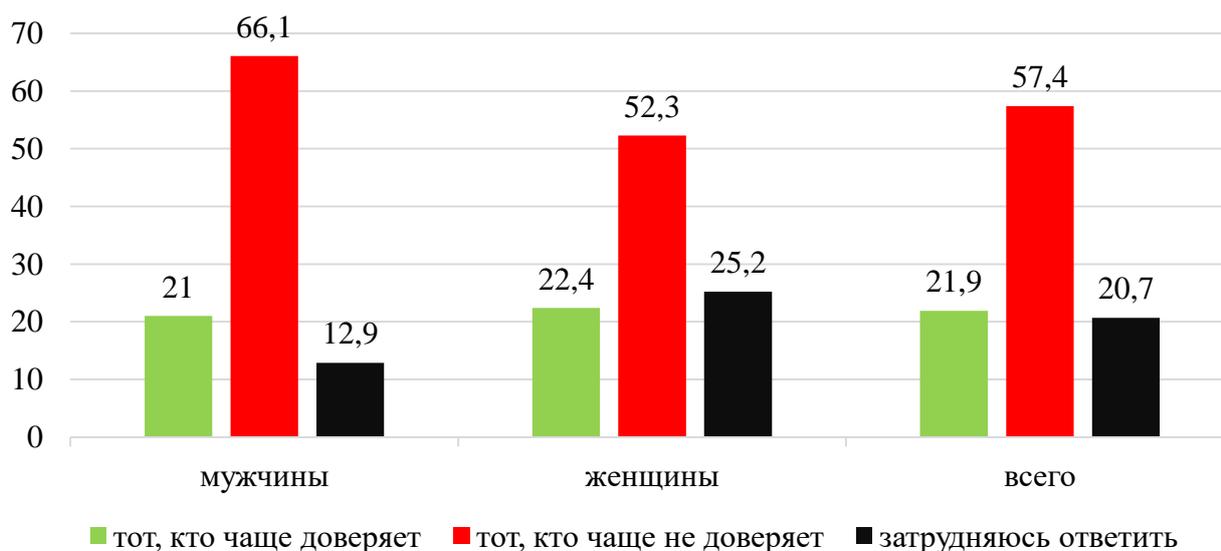

Рис. 1. «Кто в наше время добивается успеха в жизни: тот, кто чаще доверяет людям, или тот, кто людям чаще не доверяет?» %

Fig. 1. “Who in our time is succeeding in life: the one who trusts people more often, or the one who does not trust people more often?” %

Молодые люди вступают добровольно или вынуждено в большее число коммуникаций, носящих как прямой, так и опосредованный характер (социальные сети, Интернет коммуникация).

В тоже время степень доверия к агентам коммуникации весьма различна. Молодые люди являются продолжением тех социальных устоев, которые предлагает им общество. И в молодежной среде выявлен существенный процент недоверия как к отдаленным абстрактным социальным группам, но также отчасти и к лицам из числа ближайшего окружения. В частности, студенты вузов отмечали, что не могут доверять всем своим однокурсникам. Среди других

групп недоверия фигурировали родственники, соседи, представители других этнических групп, маргинальные элементы (бомжи, попрошайки и

т. п.). Работающая молодежь отмечала отсутствие доверия к коллегам по работе, руководству компаний, друзьям. В целом следует отметить существенный дефицит доверия молодых людей как на уровне обобщенного, так и межличностного общения. В молодежной среде сформированы определенные пессимистические установки относительно проявления доверия к другим людям, что является определенным социальным зеркалом состояния общества в целом.

Библиографический список

Алексеева А.Ю. Основные элементы и структура межличностного доверия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 22–41.
Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчика. М.: Практикс, 2011. 343 с.
Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003. № 1. С. 67–73.
Кертман Г.Л. Межличностное доверие в России // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 504 с.
Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социс. 2009. № 1. С. 43–54.
Кученкова А.В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 26–36.
Осадчая Г.И. Сплоченное общество как идея и вектор инновационного преобразования российского общества // Социальная политика и социология. 2011. № 2. С. 21–31.
Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измере-

ние и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 17–25.
Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 17–25.
Сасаки М., Давыденко В.А., Ромашина Г.Ф., Воронов В.В. Сравнительный анализ доверия в различных странах // Социс. 2013. № 03. С. 62–73.
Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
Тощенко Ж.Т. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Научное издание ЦСП и М, 2016. 367 с.
Фреик Н.В. Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки // Социс. 2006. № 11. С. 10–18.
Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ 2004. 730 с.
Чупров В.И., Зубок Ю.А., Михеева В.В. Доверие и недоверие в саморегуляции эмоционального состояния субъектов социальных взаимодействий (на примере украинского общества) // Вестник института социологии. 2014. № 3. С. 111–129.
Штомпка П. Доверие - основа общества. М.: Логос, 2012. 445 с.

References

Alekseeva A.Yu. (2009) The main elements and structure of interpersonal trust. *Sociological Journal*. No. 3. P. 22–41. (In Russ.)
Giddens E. (2011) Consequences of modernity / translation from English by G.K. Olkhovikov, D.A. Kibalchich. Moscow: Praxis. 343 p.
Zabolotnaya G.M. (2003) The phenomenon of trust and its social functions. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov seriya Sociology*. No. 1. P. 67–73. (In Russ.)
Kertman G.L. (2006) Interpersonal trust in Russia. *World Politics: issues of theoretical identification and modern development*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsi-

klopediya. 504 p.
Kozyreva P.M. (2009) Interpersonal trust in the context of the formation of social capital. *Sociological Studies*. No. 1. P. 43–54. (In Russ.)
Kuchenkova A.V. (2016) Interpersonal trust in Russian society. *Sociological Studies*. No.1. P. 26–36. (In Russ.)
Osadchaya G.I. (2011) Cohesive society as an idea and vector of innovative transformation of Russian society. *Social policy and sociology*. No. 2. P. 21–31. (In Russ.)
Rukavishnikov V.O. (2008) Interpersonal trust: measurement and cross-country comparisons. *Sociological Studies*. No. 2. P. 17–25. (In Russ.)
Rukavishnikov V.O. (2008) Interpersonal trust: measure-

ment and cross-country comparisons. *Sociological Studies*. No. 2. P. 17–25. (In Russ.)

Sasaki M., Davydenko V.A., Romashina G.F., Voronov V.V. (2013) A comparative analysis of trust in various countries. *Sociological Studies*. No. 03. P. 62–73. (In Russ.)

Seligmen A. (2002) The problem of trust. Moscow: Ideya-Press. 256 p. (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. (2016) The lifeworld of Russians: 25 years later (late 1980s - mid 2010s). Nauchnoe izdanie TsSP i M. 367 p.

Freik N.V. (2006) The concept of trust in Piotr Sztompka's

research. *Sociological Studies*. No. 11. P. 10–18. (In Russ.)

Fukuyama F. (2004) Trust: the social virtues and the creation of prosperity. Moscow: ACT. 730 p.

Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Mikheeva V.V. (2014) Trust and distrust in self-regulation of the emotional state of subjects of social interactions (on the example of Ukrainian society). *Bulletin of the Institute of Sociology*. No.3. P. 111–129. (In Russ.)

Sztompka P. (2012) Trust: the foundation of society. Moscow: Logos. 445 p.

Сведения об авторе

Большов Виктор Борисович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии. Кубанский государственный университет. Россия, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149,
✉ e-mail: bolshov_v@mail.ru

Критерии авторства

Большов В.Б. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Victor B. Bolshov, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of Sociology Department, Kuban State University. 149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation,
✉ e-mail: bolshov_v@mail.ru

Criteria for Authorship

Bolshov V.B. has conducted research; formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

К вопросу о трансформации городской среды методами тактического урбанизма и соучаствующего проектирования

© А.В. Гамурак

АНО «ЦСС Белгородской области», г. Белгород, Россия

Аннотация: Развитие парков и природных зон, озеленение улиц и благоустройство набережных стало с момента принятия приоритетного федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» трендом последних лет общероссийского формата. Однако это развитие подразумевает активное использование не только технологий ландшафтного дизайна, но и методов соучаствующего проектирования и тактического урбанизма. Именно они позволяют грамотно адаптировать городскую среду под меняющиеся нужды людей и помогают создавать продуманные общественные пространства, которым отводится одна из главных ролей в конкурентной борьбе городов за человека и интеллектуальный потенциал.

Ключевые слова: тактический урбанизм, соучаствующее проектирование, ландшафтный дизайн, городская среда, общественное пространство

Информация о статье: Дата поступления 13 июля 2019 г.; дата принятия к печати 18 сентября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Гамурак А.В. К вопросу о трансформации городской среды методами тактического урбанизма и соучаствующего проектирования // *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 3. С. 266–271.

On transformation of urban environment by methods of tactical urbanism and participatory design

© Anna V. Gamurak

Department of ANO "CAC of the Belgorod region", Belgorod, Russian Federation

Abstract: Establishment of parks and natural areas, streets greening and the improvement of embankments have become a trend in recent years in Russia since the adoption of the priority federal project "Formation of a Comfortable Urban Environment". However, this development implies the active use of not only landscape design technologies, but also the methods of participatory design and tactical urbanism. They make it possible to adapt correctly the urban environment to the changing needs of people and help create well-designed public spaces that play one of the main roles in the competition of cities for people and intellectual potential.

Keywords: tactical urbanism, participatory design, landscape design, urban environment, public space

Article info: Received July 13, 2019; accepted for publication September 18, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Gamurak A.V. (2019) On transformation of urban environment by methods of tactical urbanism and participatory design. *Social Competence*. Vol. 4. No. 3. P. 266–271. (In Russ.)

Что делает родной город привлекательнее? Среди множества вариантов ответа на этот вопрос в число первых правомерно будет включить общественные пространства. Важнейший элемент из числа формирующих комфорт городской среды обитания, продуманные общественные пространства играют значительную роль в конкурентной борьбе городов за человека, повышении качества жизни и её безопасности, а также в выстраивании диалога власти с горожанами с точки зрения баланса интересов всех сторон на отдельно взятой территории.

Надо признать, что не часто у городского жителя реализуется право запроса на досуговое пространство: обустройство территорий зачастую решается для блага горожан, но без их участия. Где типовым проектом предусмотрено, там и устанавливаются малые архитектурные формы. Как была спроектирована инфраструктура, так она и воплощается: по стандарту. Запросы горожан относительно сценариев использования территории не всегда учитываются. Типовые жилые застройки и однообразное благоустройство, унылые улицы и стандартные малые архитектурные фор-

мы. Люди стали разобщаться, в свободное время стараясь уйти из скучных пространств, уехать за город, на природу или остаться дома. Отсутствие мест для общения и другие укоренившиеся («архитектурно-планировочные мероприятия (высокие здания, индивидуализация жилищ..., поощрение индивидуализма во всём – от передвижения на своих автомобилях до индивидуальных коттеджей за высокими заборами)» провоцируют дальнейшее разобщение жителей городов (Тетиор, 2013. С. 22). В противовес этому кризисному явлению выступают тактический урбанизм и соучастующее проектирование, где во главу угла ставятся интересы и запросы жителей.

Как справедливо отметил американский урбанист и социолог Рэй Ольденбург: «Среда, в которой мы проживаем свою жизнь, – это не разложенные перед нами карты с бесконечным разнообразием пассивно выстроенных ситуаций и опыта. Это активная сила..., которая прибавляет или отнимает опыт в зависимости от того, как она была спроектирована» (Ольденбург, 2018. С. 430). Созвучна этому заявлению мысль, высказанная профессором психологии и антропологии среды, руководителем группы исследователей публичных пространств в высшей школе Городского университета Нью-Йорка Сеты М. Лоу: «Значения, скрытые в ландшафте, – не просто мнемоническая система, которая задаёт нам исторический контекст, это сокровищница повседневных ритуалов и жизненного опыта, накопленного человеком. Общественная среда – пространство коммуникации и социальных конфликтов – имеет большое культурное и политическое значение, и поэтому её следует беречь и поддерживать... Создавая и реорганизуя общественные пространства, мы сохраняем культурное многообразие демократической политики» (Лоу, 2016. С. 316–317).

Ключевые моменты в переосмыслении общественных пространств, как «сокровищницы повседневных ритуалов и жизненного опыта» или как «активной силы», о которых пойдёт речь дальше, продемонстрировали то, что «методика проектирования городских территорий, которая не учитывает мнение конечного пользователя, его истинные проблемы и потребности, являет-

ся нежизнеспособной. Она приводит к неэффективному использованию территорий и ресурсов, отсутствию спроса и пустующей недвижимости, росту негативных настроений населения» (Снигирева, 2014).

Собственно, процесс переосмысления роли и устройства общественных пространств в российской практике начался в первые годы нового тысячелетия. Москва, Казань, Санкт-Петербург, Хабаровск, Вологда и Калуга стали всё активнее менять свой облик, в том числе благодаря местным жителям, включившимся в вопросы городского планирования и развития среды обитания. Ощутимым импульсом в этом процессе стало строительство в 2014 году активного общественного пространства, известного сегодня как парк «Зарядье», в основе которого заложили принцип «природного урбанизма». «Появление этого новаторского проекта говорит о том, что свойственное российским городам пространство со строгим прописанным и заранее определённым сценарием поведения начинает переосмысливаться и на первый план выходит его социальная, культурная и экологическая ценности» (Лоу, 2016. С. 9).

Но настоящим драйвером коренных изменений в процессе формирования комфортной городской среды стал одноимённый федеральный проект, реализация которого началась в 2017 году при поддержке правительства РФ и Минстроя России. Его принципиальным условием стало участие жителей в определении приоритетов в благоустройстве общественных пространств, придомовых территорий и т. д. К использованию при проектировании и реализации проектов комплексного благоустройства и развития городской среды Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации рекомендованы механизмы соучастующего проектирования. Сам термин «соучастующее проектирование» определён как «современный механизм реализации участия общественности в процессе принятия решений по изменению, реконструкции и преобразованию среды, а также как один из инструментов развития местного самоуправления, который способствует формированию чувства

сопричастности к месту и повышению эффективности управленческих и планировочных решений»¹.

С тех пор уже на законных основаниях к решению вопросов качества городской среды и благоустройства общественных территорий стали привлекать самих жителей, которым здесь и сейчас жить, растить детей, заниматься спортом и ходить на работу.

Примечательно, что в разрезе мировой практики архитектура соучастия заявила о себе ещё в 60-е годы прошлого века, вовлекая клиента в процесс проектирования. Что касается российского опыта, то мы только начинаем его накапливать, поскольку к осознанию значимости роли соучаствующего проектирования приходим лишь сейчас. Следует, однако, отдать должное прозорливости советского и российского учёного, исследователя проектного творчества и архитектурного наследия, доктора искусствоведения Вячеслава Глазычева, который ещё в 1995 году привлекал внимание к этой теме, открыто говорил о важности технологий соучастия, поскольку никакие технически выверенные проекты благоустройства или «система процедур сама по себе, вне творческой деятельности людей, не может принести качественное изменение в культурную жизнь города» (Глазычев, 1995. С. 18).

В этом смысле ему вторит известный чилийский архитектор Алехандро Аравена, который в одном из своих интервью заявил: «...ни эскиз, ни все компьютеры в офисе не способны заменить креативную силу живого диалога и дискуссии. Думать вслух всем вместе – это наш главный инструмент» (Аравена, 2018).

¹ Рекомендации Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации по организации общественного участия в реализации проектов комплексного благоустройства городской среды [автор Снигирева Н.]. [Электронный ресурс]. URL.: <https://zhel-ilimskoe.irkobl.ru> (дата обращения: 07.08.2019). Recommendations of the Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation for the organization of public participation in the implementation of projects on comprehensive improvement of the urban environment [author Snigireva N.]. Available at: <https://zhel-ilimskoe.irkobl.ru> (access date 07.08.2019).

Трендом последнего десятилетия становятся развитие парков и природных зон, озеленение улиц и благоустройство набережных. И это развитие было бы невозможно без технологий ландшафтного дизайна, суть которого достаточно полно открывается в следующем определении его как «формирование пространственных условий и наполнения средовых ситуаций с помощью элементов естественной природы, который ведёт своё происхождение от традиционного садово-паркового искусства и тесно переплетается по значению и приёмам с ландшафтной архитектурой, отличаясь от неё ориентацией на комплексное (включая технологическое оснащение) средовое проектирование» (Ефимов, 2006. С. 191).

Город воинской славы и первого саюта Белгород активно включился в федеральный проект по формированию качественной и безопасной среды. Своеобразной платформой для апробации методов тактического урбанизма и получения опыта кратковременного преобразования городских территорий стал Первый открытый форум по ландшафтной архитектуре и средовому дизайну «Зелёная столица», который департамент строительства и транспорта Белгородской области при поддержке губернатора и регионального правительства впервые организовал в 2017 году на территории перед учебно-спортивным комплексом Светланы Хоркиной. Тогда взору белгородцев предстало обновлённое общественное пространство, которое с первого взгляда сложно было узнать: на прежде пустующем газоне в зоне общего доступа оказались интерактивные конкурсные сады; фантазийные мини-огороды, высаженные участниками в возрасте от 3 до 15 лет для номинации «Детские ландшафтные проекты». Кроме того, было организовано множество инсталляций и фотозон, а также представлены композиции известных ландшафтных дизайнеров, в том числе работа «Avant garde ecology garden» почётного гостя форума, спикера деловой программы Каспиана Робертсона из Лондона.

Для повышения профессиональной компетенции региональных архитекторов и ландшафтных дизайнеров, а также привле-

чения горожан к вопросам развития городских пространств и культуры формирования среды обитания путём современного, качественного, но при этом недорогого ландшафтного дизайна, проводилась деловая программа, где эксперты-ландшафтники, урбанисты, архитекторы, экологи делились опытом со слушателями в рамках заявленных организаторами секций: «Городские общественные пространства», «Городское озеленение», «Создание комфортной среды обитания», «Экологическое воспитание», «Детские пространства в городе». Деловая программа транслировалась в прямом эфире на экран, установленный на площадке перед спортивным комплексом Светланы Хоркиной. Таким образом, получить знания мог каждый желающий.

Экспозиционную и деловую программу эффектно дополнили концерты живой музыки под открытым небом, значительно увеличившие привлекательность обновлённого общественного пространства.

Такими методами тактического урбанизма, как организация фуд-кортков на время проведения форума, удалось привлечь на площадку малый бизнес. Предприниматели сумели пройти своеобразный тест-драйв своих бизнес-идей и при минимальных вложениях получили обратную связь с аудиторией и понимание, как двигаться дальше. Результативность форума оказалась настолько высокой, что было решено сделать его ежегодным. Более того, удалось получить обратный запрос от жителей города, которые с интересом осваивали обновлённое пространство и находили в этом массу положительного.

Второй и третий форумы по ландшафтной архитектуре и средовому дизайну «Зелёная столица» проводились в историческом центре города, в парке Победы, удивляя горожан новым форматом известного пространства и способностью не только трансформировать зону досуга, но и развивать её. Программа стала ещё более насыщенной. С 2018 года под эгидой форума стали проводиться костюмированный велопарад и ночное световое шоу на воде, а с 2019 года к этим мероприятиям добавились ярмарка цветов, фестиваль творчества «Белгородская сирень» и фе-

стиваль технологий и робототехники «Консервер». Это хороший пример того, как запущенный проект год за годом развивался, становился основательнее и объединял всё большее число горожан.

К участию традиционно привлекались различные организации, структуры городской власти, добровольцы из числа учащихся вузов и ссузов, творческие объединения, а также представители сферы торговли. Кроме краткосрочных методов тактического урбанизма, удалось применить и долгосрочные (в плане устройства газонов и цветников, установки малых архитектурных форм и организации отдельных элементов благоустройства парка). Так, после проведения форума, в парке, на постоянной основе остались новая сцена, парадные цветники на главной аллее и уютный уголок с мини-садом «Аметистовые переливы» Каспиана Робертсона, который британский ландшафтный дизайнер соорудил рядом со зданием Белгородского городского художественного музея. На реке Везёлке остались «сады на воде», а рядом с фонтаном – сенсорный сад с сортовой сиренью.

Форум «Зелёная столица» продемонстрировал возможности реформирования городской территории в многофункциональное общественное пространство, обеспечивающее возможность различных активностей для жителей города. Кратковременная трансформация среды выявила потребности пользователей и способствовала выработке новых привычек взаимодействия со знакомым уличным пространством. Выбранная на время проведения форума площадка превратилась в точку притяжения, став генератором активного социального взаимодействия. Горожане не просто приходили для обмена опытом и получения знаний, здесь можно было организовать свой досуг: послушать живую музыку, посмотреть яркие ландшафтные работы, провести фотосессию с необычными инсталляциями, назначить встречи, перекусить или прогуляться с ребёнком. Форум создал условия для заинтересованного общения людей, получения ими услуг и качественной информации, а также возможности для реализации творческого начала.

Следует отметить, что в ноябре 2018 года белгородская «Зелёная столица» получила высшую награду – золотой диплом национальной архитектурной премии и памятный знак «Зелёный куб» в номинации «Событие года».

Отталкиваясь от форума «Зелёная столица», как от примера удачного репрограммирования территории и применяя на практике методы тактического урбанизма, наряду с использованием технологий соучаствующего проектирования, мы достигаем новых результатов, о которых ещё лет 10 назад не смели бы даже думать. Тактический урбанизм позволяет осмысленно адаптировать городскую среду под меняющиеся нужды людей. Вкупе с приёмами соучаствующего проектирования он также создаёт своеобразную коммуникационную платформу, в рамках которой получается максимально продуктивный контакт между властью, профессиональными сообществами архитекторов, урбанистов, экологов, социологов и горожанами. Преимущества такого контакта очевидны для всех сторон: создаются и обустраиваются новые общественные пространства, которые становятся точками притяжения, где городские жители проводят свободное время активно, с комфортом и пользой. Мы, по сути, стимулируем гражданскую активность, искореняем равнодушие социума к проблемам городской среды и общественно-значимых территорий. Люди охотно идут на контакт и участвуют в процессе формирования качественной и комфортной среды обитания. Проект создания нового общественного пространства удалось обсудить с жителями села Ближняя Игуменка Белгородского района и перевести его в стадию реализации. А весной 2019 года в ходе подготовки к третьему форуму «Зелёная столица» была реконструирована территория бывшего городского сада, который расположен в самом центре Белгорода.

Долговечные и экологичные материалы, удобное расположение малых архитектурных форм, освещение и детская игровая площадка – каждый элемент нового общественного пространства (вплоть до указателей и информационных стендов) должен был способствовать тому, чтобы всё функционировало как единый организм.

Кроме того, запуская проект ревитализации пространства горсада, важно было учесть символы и сложившиеся традиции старого, иными словами, сохранить смысловое и культурное содержание общественного пространства. Именно такой акцент был сделан на старом фонтане, который было решено сохранить в процессе реконструкции. Занимаясь вопросами обновления этой зоны, наша команда в соавторстве с местными жителями пыталась раскрыть заложенную в этом месте идентичность и исторический подтекст. Так, по соседству с фонтаном, в зарослях девичьего пятилисткового винограда был установлен домик для насекомых, назначение которого – увеличить биологическое разнообразие в сквере и привлечь в него полезных насекомых. Кроме него, здесь появились брендированные велопарковки, установку которых инициировали сами жители, и уникальная детская игровая зона с акцентом на использование природных материалов. Изменились малые архитектурные формы, сделав сквер более уютным и комфортным. Появились информационные стенды и таблички с указанием наименований растений.

Продумывая дизайн пространства, много внимания уделялось подбору видов деревьев, кустарников, многолетних цветов и трав. Всё должно было сочетаться, радовать глаз и выполнять множество функций. Используя приствольные скамейки при создании мест отдыха, нам удалось использовать деревья, как временное укрытие от палящего солнца, непогоды или случившегося дождя. Так, фрагменты растительного материала, уже имеющегося на данной территории, органично вписались в структуру обновлённого пространства.

Обустройство общественного пространства – это вдумчивая и кропотливая работа многих сторон: архитекторов, власти, проектировщиков, ландшафтных дизайнеров и самих жителей, в чью зону ответственности переходит созданное совместными усилиями досуговое пространство, в котором хочется находиться, возвращаться и быть здесь вне зависимости от сезона. А с процессом появления продуманных общественных пространств происходит и поведенческое репрограммирование.

вание городских жителей: люди привыкают к новым качествам конкретных участков родного города, меняется логика пользования уличным пространством, на основе

этого формируется новый запрос на качественную, комфортную и безопасную среду обитания.

Библиографический список

Аравена А. Главным инструментом изменения будущего городов остаются люди. Интернет-издание об архитектуре, градостроительстве и дизайне Arch:speech [Электронный ресурс]. URL: <https://archspeech.com/article/alexandro-aravena-glavnym-instrumentom-izmeneniya-budushhego-gorodov-ostayutsya-lyudi> (дата обращения: 07.08.2019).

Глазычев В.Л., Егоров М.М., Ильина Т.В. Городская среда. Технология развития: Настольная книга. М.: Издательство «Ладья», 1995. 240 с.

Ефимов А.В. Дизайн архитектурной среды: Учебник для вузов / Г.Б. Минервин. А.П. Ермолаев, В.Т. Шимко,

А.В. Ефимов, Н.И. Щепетков, А.А. Гаврилина, Н.К. Кудряшев. М.: Архитектура-С, 2006. 504 с.

Лоу С.М. Пласа: политика общественного пространства и культуры. М.: Strelka Press, 2016. 352 с.

Снигирева Н.В. Соучастующее проектирование обновляет город // Государственная служба. 2014. № 4 (90).

Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 456 с.

Тетиор А.Н. Экология городской среды: учебник. М.: Издательский центр «Академия», 2013. 352 с.

References

Aravena A. People remain the main tool for changing the future of cities. Internet publication on architecture, urban planning and design Arch: speech. Available at: <https://archspeech.com/article/alexandro-aravena-glavnym-instrumentom-izmeneniya-budushhego-gorodov-ostayutsya-lyudi> (accessed: 07 August 2019). (In Russ.)

Glazychev V.L., Egorov M.M., Il'ina T.V. (1995) Urban environment. Development Technology: Handbook. Moscow: Izdatel'stvo "Lad'ya". 240 p. (In Russ.)

Efimov A.V. (2006) Design of the architectural environment: Textbook for higher institutions. G.B. Minervin. A.P. Ermolaev, V.T. Shimko, A.V. Efimov, N.I. Shchepetkov, A.A. Gavrilina, N.K. Kudryashev. Moscow: Arkhitektura-S-

504 p. (In Russ.)

Lou S.M. (2016) On the Plaza: The Politics of Public Space and Culture. Moscow: Strelka Press. 352 p. (In Russ)

Snigireva N.V. (2014) Design collaboration as social innovation. *Public Administration*. 2014. No. 4 (90). (In Russ.)

Ol'denburg R. (2018) The third realm: cafés, coffee shops, bookstores, bars, hair salons and other hangouts at the heart of a community. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 456 p. (In Russ.)

Tetiior A.N. (2013) Ecology of the urban environment: a textbook. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya". 352 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Гамурак Анна Владимировна, начальник управления специальных проектов и развития инфраструктуры АНО «ЦСС Белгородской области», член Международного общества сирени, куратор проекта «Белгородская сирень», Россия, 308001, г. Белгород, ул. Мичурина, 62/317,

✉ e-mail: annagamurak@mail.ru

Критерии авторства

Гамурак А.В. провела исследование, оформила научные результаты и несёт ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Anna V. Gamurak, Head of Special Projects and Infrastructure Development Department of ANO "CAC of the Belgorod region", a member of the International Lilac Society, the curator of the Belgorod Lilac project, 62/317 Michurin St., Belgorod, 308001, Russian Federation,

✉ e-mail: annagamurak@mail.ru

Criteria for Authorship

Gamurak A.V. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Политический символ в формировании национальной идентичности школьников (на примере символа «Родина»)

© Ю.М. Карушева

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), г. Москва, Россия

Аннотация: В настоящей статье проводится анализ использования политических символов, на примере символа «Родина», в формировании национальной идентичности школьников. Эмпирическими материалами выступили 68 школьных учебника, рекомендованных Министерством просвещения РФ для средней и старшей школы, по таким гуманитарным дисциплинам как обществознание, история России, русский язык, литература. В результате проведенного исследования автор пришел к следующим выводам. Символ «Родина», как политический символ, концентрирующий в себе информацию о стране в целом, ее географических, национальных и культурных особенностях, используется в конструировании национальной идентичности школьников. Анализ показал, что в исследуемом символе можно выделить три компонента. Во-первых, когнитивный, который состоит из таких элементов как территория страны и люди, ее населяющие. Первая описывается как огромное, разнообразное в географическом и культурном плане пространство. В свою очередь люди, населяющие территорию страны, – через образ матери, сплоченный многонациональный народ, а также через известные личности. Во-вторых, аффективный компонент, а именно эмоции и чувства, которые создатели учебников стремятся сформировать в школьниках. Главными, по мнению авторов, являются любовь к родине и чувство долга. Кроме перечисленных, также можно выделить ностальгию во время разлуки с Родиной, гордость за нее, уважение, ответственность и др. В-третьих, поведенческий компонент, раскрывающийся через действия в мирное и военное время. Авторы учебников указывают, что в мирное время человек обязан трудиться на благо Родины, заботиться о ней. В военное – от человека требуется самоотверженно защищать ее от врагов, бороться за освобождение.

Ключевые слова: политический символ, национальная идентичность, символ «Родина»

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

Информация о статье: Дата поступления 23 июля 2019 г.; дата принятия к печати 15 августа 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Карушева Ю.М. Политический символ в формировании национальной идентичности школьников (на примере символа «Родина») // *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 3. С. 272–278.

Political symbol in formation of schoolchildren's national identity (through the example of the symbol "Motherland")

© Yulia M. Karusheva

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
Russian public opinion research center (WCIOM), Moscow, Russian Federation

Abstract: The article analyzes the inclusion of political symbols in the formation of schoolchildren's national identity through the example of the symbol "Motherland". The empirical materials were 68 school textbooks recommended by the Ministry of Education of the Russian Federation for secondary and high schools on such subjects as social studies, Russian history, Russian language, literature. The author has come to the following conclusion: the symbol "Motherland" as a political symbol comprising information on the country, its geographical, national and cultural characteristics is used in constructing the national identity of schoolchildren. The analysis has shown that there are three components that can be distinguished in the symbol. The first one is the cognitive component that consists of such elements as the territory of the country and the people inhabiting it. The country is described as huge, geographically and culturally diverse. The people inhabiting the country are described through the image of mother, famous personalities and as a united multinational people. The second component is the affective one, namely the emotions and feelings that textbooks authors seek to form in schoolchildren. The main feelings, according to the authors of the textbooks, are love of the motherland and a sense of duty. Besides the mentioned, we can also highlight the feeling of nostalgia when being away from motherland, pride in it, respect, responsibility, etc. The third component is a behavioral one revealed in actions in peace- and wartime. The authors of the textbooks indicate that in peacetime, a person must work for the good of the motherland and take care of it. In wartime, a person must defend his/her homeland from enemies selflessly, fight for its liberation.

Keywords: political symbol, national identity, symbol "motherland"

Acknowledgements: The publication has been prepared with a support of the Grant RNF № 18-18-00233 "Cinema images of the Soviet and American enemies in the symbolic politics of Cold War: comparative analysis".

Article info: Received July 23, 2019; accepted for publication August 15, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Karusheva Yu.M. (2019) Political symbol in formation of schoolchildren's national identity (through the example of the symbol "Motherland"). *Social Competence*. Vol. 4. No. 3. P. 272–278. (In Russ.)

Символ Родины, являясь одним из древнейших образов в российской культуре, продолжает сохранять свою важность для современных людей, о чем свидетельствуют результаты социологических опросов. Например, опрос ВЦИОМ, проведенный в 2018 году, показал, что наряду с любовью к Родине, патриотизм также является символом России¹. Популярность позволяет активно использовать его в российском политическом дискурсе в разных сферах жизни общества, в том числе в образовании.

Целью настоящей статьи является анализ, на примере символа «Родина», включения его в формирование национальной идентичности школьников.

Вначале мы остановимся на роли политических символов. Затем рассмотрим значение символа «Родина» в образовании. И, наконец, проанализируем его использование в конструировании национальной идентичности учащихся через школьные учебники.

Политические символы в формировании национальной идентичности

В современных обществах утверждение национальных ценностей и идентичности происходит через политические символы (Elgenius, 2005. P. 17). Они используются для направления общественного внимания, интеграции граждан и мотивации публичного действия (Cerulo, 1993. P. 77). Символы помогают разделять социальные группы на «своих» и «чужих», устанавливать разделительные линии, тем самым определяя рамки идентификации с одной группой и отделения от другой (Левада, 2001. С. 9).

¹ ВЦИОМ. Единство нации: что нас объединяет? [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9404> (дата обращения: 26.06.2019). VCIOM. Unity of the Nation: What Unites Us? [Website]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9404> (accessed: 26 June 2019).

Символы устанавливают границы, в которых заключена идентичность сообщества. Эти границы принимают различные формы в зависимости от сообществ. Но более важными, хотя и не всегда объективно очевидными, являются границы, существующие в сознании их наблюдателей. Идея заключается в том, что члены сообщества создают или считают, что они имеют схожий смысл вещей либо в целом, либо в отношении конкретных и значимых интересов. Реальность общности в опыте людей неотделима от их привязанности или приверженности к общему полю символов. Большая часть процесса поддержания границ связана с поддержанием и дальнейшим развитием этой общности символов (Cohen, 1985. P. 12–16).

Как и другие группы символов, политические, представляют собой концептуальные репрезентации группового членства. И не просто представляют общий концепт «нации», а также концентрируют в себе знания, ценности, историю и воспоминания, ассоциируемые с нацией. Более того, политические символы обладают потенциалом вызывать сильную эмоциональную привязанность, испытываемую к нации (Billig, 2010; Firth, 1973). Такое общее понимание национальных символов в большей степени сфокусировано на абстрактном значении и эмоции, ассоциированных с нацией, и предполагаемой идее, что первичной функцией национальных символов является привнесение в умы концептов и эмоций, связанных с нацией (Butz, 2009. P. 801).

Большую роль в конструировании национальной идентичности играет политическая социализация, одним из результатов которой является развитие в обществе чувства национальной идентичности (Конода, 2007. С. 34). В качестве средств национальной идентификации государство использует политические символы, в которых отражается полнота национальной мысли и

культуры. Посредством их использования «государство создает, устанавливает политическую связь между членами общества, объединяя их в политическом пространстве» (Асеева, 2015. С. 216).

Символ «Родина» в образовании

Образ Родины выступает одной из форм образа государства, тем самым используется как ведущий инструмент легитимации власти, так и эффективный механизм социализации и пропаганды (Гребенюк, 2007). Как отмечает И. Сандомирская, Родина начинается с «картинки в букваре», а именно с общественной идеологии, которая стоит за этой картинкой, а не с личного эмоционального переживания «родного». Образ Родины складывается из казалось бы отрывочных фраз, цитат и воспоминаний из школьного детства, которые входят в совокупность коллективных представлений и объединяют носителей современного русского языка в единое сообщество (Сандомирская, 2001. С. 16).

Как указывает М.В. Лескинен, такие понятия как «отечество», «родина» и их конкретное наименование – «Россия» являются важными концептами, задающими нормативную интерпретацию государства и родины. В них выражается как система представлений о родине, находящая воплощение в национальном языке и литературе, так и базовые установки кодифицированного знания, встроенные в учебные программы. По мнению исследовательницы, они являются действенными, поскольку позволяют распространять набор определенных фактов, направленных на популяризацию наиболее значимой информации о стране, путем наглядного их выражения в ярких визуальных и словесных формах (Лескинен, 2012. С. 93–95).

По мнению А.И. Щербинина, образ Родины имел большое значение в советский период. С его помощью через образовательные программы, учебники, игры, песни и стихи детям передавались знания о стране, её географическом, политическом и культурном устройстве. Конструкт «Родина» в данном процессе играл важную роль, поскольку его образная составляющая помогала переводить знания в смысл, он объ-

яснял уникальность и величие их страны (Щербинин, 2009. С. 25).

На сегодняшний день в Федеральных государственных образовательных стандартах для средней и старшей школы закреплено, что патриотичная личность, любящая свой край и Родину, испытывающая чувство гордости и ответственности за них, является одним из личностных результатов освоения образовательной программы.

Результаты анализа включения символа «Родина» в формирование национальной идентичности школьников

Включение символа «Родина» в формирование чувства национальной идентичности мы будем рассматривать на примере школьной ступени образования, поскольку среди главных институтов политической социализации школа имеет наибольшее влияние по ряду причин. Во-первых, государство владеет монополией на установление требований к тому, какие знания должны быть усвоены, тем самым оно осуществляет контроль за содержанием образовательных программ. Во-вторых, школьное образование охватывает практически все население страны, что позволяет проводить целенаправленную политику по формированию необходимых политических ценностей (Шестопа, 2008. С. 158). В-третьих, школа обладает возможностью наиболее эффективно проводить политическую социализацию, используя систему различных специальных средств (Самаркина, 2002).

Материалами нашего исследования были выбраны 68 школьных учебников, рекомендованных Министерством просвещения РФ для средней и старшей школы по таким гуманитарным дисциплинам как обществознание, история России, русский язык, литература. Такой выбор в качестве материалов исследования обусловлен тем, что учебники являются основным инструментом школьного образования (Самаркина, 2002)².

² Кроме того, как указывает И. Сандомирская, освоение таких национальных предметных дисциплин способствует усилению национальной идентификации: «Идентификация с национальной литературой, национальной историей, и национальным языком -

Перейдем к анализу конструирования символа «Родина» в национальной идентичности школьников.

Когнитивный компонент символа «Родина» составляют по результатам исследования два элемента: территория страны и люди, ее населяющие.

Во всех учебниках символ Родины раскрывается через образ территории страны, что можно объяснить большой значимостью в национальной идентичности.

В случае с книгами по истории России и обществознанию чаще всего речь идет о территории страны как административной единице. Поэтическое воплощение понимания родной земли обнаруживается в учебниках русского языка и литературы – в них приводятся произведения русских поэтов и писателей, восхвалявших природу своей страны. Авторы часто приводят отрывки из произведений, указывающие на большую протяженность Родины, а также на многообразие природных ландшафтов, которые можно встретить на ней. Также часто в учебниках русского языка и литературы можно найти описания малой родины того или иного писателя, поскольку они обращались в своем творчестве или воспоминаниях к теме Родины, ее запомнившимся особенностям.

В учебниках обнаруживается разделение на большую родину и малую, но оно имеет некоторые ограничения. Представление о малой родине создается путем приведения примеров из жизни каких-либо выдающихся личностей, например, писателей, часто обращавшихся в своем творчестве к данной теме. Но мы должны принимать во внимание то, что речь идет об учебниках, по которым учатся дети по всей России, т. е. содержание книг не меняется от региона к региону, чтобы сфокусироваться на малой родине, поэтому примеры из

т. е. принятие их именно в качестве родной литературы, родной истории и родного языка – это качественно новое состояние идентификации: в область прирожденно – „Своего“ „записывается“ идеологическая продукция, одобренная политической цензурой версия символической вселенной // Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 50, Wien, 2001. С. 34. Sandomirskaya I. The Book about Homeland: Experience of analysis of discursive practices. Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 50, Wien, 2001. P. 34.

жизни известных личностей являются универсальными для всей страны. Таким образом, можно сказать, что даже при обращении к примерам малой родины через учебники формируется образ большой родины, объединяющей все население страны. Конструируется общее понимание большой родины через ознакомление с разнообразными культурными и природными характеристиками России.

Следующим элементом когнитивного компонента образа Родины являются люди, ее населяющие, а именно многонациональный народ и известные люди.

Авторы рассматриваемых учебников обращают внимание, что в России проживает большое количество различных народностей. При этом указывается на то, что многообразие не предполагает разобщенности. Напротив, они постоянно акцентируют, что, несмотря на существующие различия, российский народ является единым и сплоченным. Такое единство рассматривается в аналогии с семьей, где все жители страны рассматриваются как дети одной Родины-матери.

В учебниках мы находим, что авторы, сравнивая Родину с матерью, указывают, что она у человека может быть только одна, как и родная мать. Наиболее часто среди ее характеристик упоминается красота. Родину также описывают как прекрасную светлую, указывают на ее духовность и священность. Родина, как мать, дала жизнь своим «детям», учит их и заботится о них.

Наконец, символ «Родина» также представлен выдающимися личностями страны – правителями, исследователями, композиторами, писателями, художниками, первопроходцами и др., т. е. людьми, которые олицетворяют значимые события в истории и культуре страны.

Аффективный компонент символа «Родина» представлен в учебниках набором положительных чувств и эмоций, которые авторы стремятся сформировать по отношению к Родине.

Главным чувством является чувство любви. Оно представляется как показатель нравственности человека. В учебниках особенно отмечается то, что любовь к Родине не должна быть просто словами – она обязательно должна выражаться в действиях,

иначе ее нельзя воспринимать как настоящее чувство.

Следующим чувством, которое стремятся воспитать авторы учебников, является чувство долга. Несмотря на то, что оно носит преимущественно военный характер, может выражаться в служении на благо Родины и в мирное время. Исполнение может принимать разные формы: от вооруженной защиты до работы на предприятии.

Кроме того, авторы учебников стремятся сформировать у школьников чувство Родины, не раскрывая, что под ним следует понимать, поскольку его часто описывают, как невыразимое, необъяснимое. Однако контекст использования словосочетания «чувство Родины» дает возможность предположить, что под ним понимается чувство единства, привязанности каждого человека и всего народа в целом.

Наконец, как указывают авторы учебников, люди должны испытывать ностальгию во времена разлуки с Родиной, гордость за нее, уважение, быть ответственными, радоваться успехам и переживать вместе трудности, быть преданными.

Поведенческий компонент символа «Родина» представлен двумя блоками возможных действий, которые можно охарактеризовать как действия в мирное и военное время.

Действия в мирное время заключаются в необходимости труда на благо Родины, однако, существуют различия в тональности этой идеи. В учебниках обществознания в соответствии с их тематикой проводится идея государственно-правовых отношений между гражданином и страной, где от ученика требуется соблюдение закона, ответственного отношения к выполнению своих трудовых обязанностей. Можно сказать, что в учебниках обществознания проводится именно идея гражданской любви к Родине. В школьниках в рамках этой дисциплины воспитывается уважение к

общественному и политическому устройству, ответственность за нормальное развитие социальных и общественных институтов Родины, добровольное признание и соблюдение законов. Примерно в таком же ключе пишут и в учебниках по истории России, указывая на необходимость материального результата труда.

Более поэтический оттенок данная тема приобретает в учебниках русского языка и литературы. Приводятся примеры сохранения и приумножения богатств Родины путем заботы о природе, украшения земли, на которой живут люди, или же просто декларируется необходимость сделать все возможное, чтобы страна процветала.

Действиям в военное время уделено несколько больше внимания, особенно в учебниках по истории, что можно объяснить спецификой дисциплины, в которой значительный объем материала посвящен войнам. Авторы приводят примеры поведения людей в такие тяжелые периоды. Они указывают, что люди должны защищать свою Родину, бороться с врагами за ее освобождение. На примерах призвания народа к делу защиты Родины, а также на конкретных примерах участия людей, в учебниках показывается всеобщий охват и искреннее стремление людей. Кроме того, обращается внимание на благородство в борьбе за Родину. Такая защита должна быть самоотверженной. Приводятся примеры героизма и подвигов солдат во имя спасения Родины, примеры жертвенности.

Таким образом, анализ учебников показывает, что посредством конструирования символа «Родина» в представлениях школьников происходит работа по формированию их национальной идентичности. Через этот политический символ ученики усваивают знания о том, что нужно понимать под страной, что нужно испытывать положительные эмоции и чувства по отношению к ней, а также выражать эти эмоции в действиях.

Библиографический список

Асеева Т.А. Роль государства в политической социализации граждан современной России // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2/1. С. 215–220.

Гребенюк Т.Н. Образ Родины: общечеловеческая ценность versus Политическая ценность // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 301. С. 14–16.

Конода И.В. Политическая социализация в современном российском обществе // *Власть*. 2007. № 4. С. 32–34.

Левада Ю.А. Люди и символы: Символические структуры в общественном мышлении. Заметки для размышления // *Мониторинг общественного мнения*. 2001. № 6 (56). С. 7–13.

Лескинен М.В. Образы страны и народов Российской империи в учебниках для начальной школы второй половины XIX века: формы репрезентации этничности // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2012. № 4. С. 92–117.

Самаркина И.В. Школьный учебник в процессе политической социализации в постсоветской России: автореферат дис. канд. полит. наук. Моск. гум.-соц. Академия. Москва. 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disserscat.com/content/shkolnyi-uchebnik-v-professe-politicheskoi-sotsializatsii-v-postsovetskoj-rossii> (дата обращения: 26.06.2019).

Сандомирская И. (2001) Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. *Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 50*. Wien. 282 с.

Шестопап Е.Б. Политическая социализация российских граждан в период трансформации М.: Неком-

мерческое партнерство «Новый Хронограф», 2008. 552 с.

Щербинин А.И. Конструирование образа (на примере выстраивания концепта Родины) // *АртМаркетинг*. 2009. № 4 (28). С. 19–27.

Billig M. Banal nationalism. London: SAGE. 1995. 209 p.

Butz D. National Symbols as Agents of Psychological and Social Change // *Political Psychology*, 2009. Vol. 30 (5). Pp. 779–804.

Cerulo K. Sociopolitical Control and the Structure of National Symbols: An Empirical Analysis of National Anthems // *Social Forces*, 1989. Vol. 68 (1). Pp. 76–99.

Cohen A. Symbolic construction of the community. Chichester: E. Horwood; London; New York: Tavistock Publications. 1985. 128 p.

Elgenius G. Expressions of nationhood: national symbols and ceremonies in contemporary Europe: dissertation of Doctor of Philosophy. The London School of Economics and Political Science, University of London, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/16390523.pdf> (дата обращения: 26.06.2019).

Firth R. Symbols: Public and Private. Ithaca, NY: Cornell University Press. 1973. 469 p.

References

Aseeva T.A. (2015) The role of the state in political socialization of citizens in modern Russia. *Izvestiya of Altai State University*. No. 2/1. P.215–220. (In Russ.)

Grebnyuk T.N. (2007) The image of a native land: a human value versus a political value. *Vestnik of Tomsk State University*. No. 301. P. 14–16. (In Russ.)

Konoda I. (2007) Political socialization in modern Russian society. *The Power*. No. 4. P. 32–34.

Levada Yu.A. (2001) People and symbols: symbolic structures in public thinking. Notes to Think About. *Monitoring of Public Opinion*. No. 6 (56). P. 7–13. (In Russ.)

Leskinen M.V. (2012) Images of the country and the peoples of the Russian empire in textbooks for elementary schools of the second half of the XIX century: forms of representation of ethnicity. *Domestic and Foreign Pedagogy*. No. 4. P. 92–117. (In Russ.)

Samarkina I.V. Textbook in the Process of Political Socialization in Post-Soviet Russia: extended abstract of cand. dissertation (Political sciences): Moscow Academy for the Humanities, Moscow, 2002. [Website]. Available at: <http://www.disserscat.com/content/shkolnyi-uchebnik-v-professe-politicheskoi-sotsializatsii-v-postsovetskoj-rossii> (accessed: 26 June 2019). (In Russ.)

Sandomirskaya I. The book about the motherland: analyzing discursive practices. *Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 50*, Wien, 2001. 282 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Карушева Юлия Михайловна, исполнитель по гранту. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9, Россия. Проектный менеджер. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, 38, Россия,
✉ e-mail: karusheva_j@wciom.com

Author's Credentials

Yulia M. Karusheva, a grant contractor, Saint Petersburg State University. 7/9 Universitetskaya naberezhnaya St., Petersburg, 199034, Russian Federation; a project manager, Russian public opinion research center (WCIOM), 38 Prechistenka St., Moscow, 119034, Russian Federation,
✉ e-mail: karusheva_j@wciom.com

Критерии авторства

Карушева Ю.М. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

Yulia M. Karusheva has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Criteria for Authorship

The author declares no conflict of interest.

Эвальвация содействия трудоустройству безработных женщин в современных условиях (на примере города Иркутска)

© Е.Г. Копалкина

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В данной статье анализируется проблема содействия трудоустройству безработных женщин в городе Иркутске в условиях роста прекаризации труда трудоспособного населения. Подчеркивается, что государственной политике занятости в нашей стране не хватает индивидуального и дифференцированного подхода, учитывающего различные категории безработных женщин. Перечисляются наиболее перспективные виды деятельности службы занятости для женщин в современных условиях. На основе публичных статистических данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области и ОГКУ «Центр занятости населения города Иркутска» показана динамика численности женщин в трудоспособном возрасте с 2015 по 2019 годы, уровень регистрируемой женской безработицы, а также уровень трудоустройства среди женщин с 2016 по 2018 годы в городе Иркутске, раскрыта эффективность профессионального обучения и дополнительного профессионального образования в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет как дополнительной меры социальной поддержки безработных женщин. Анализ различных социологических и психологических исследований показал то, что эффективность трудоустройства женщин зависит прежде всего от их социально-демографических и личностно-биографических показателей, индивидуально-психологических особенностей, трудовой мотивации, уровня социально-психологической адаптации, структуры и содержания ценностно-смысловой сферы, социального самочувствия, уровня их информированности о реальном состоянии национального и местного рынка труда. Подчеркивается, что профилирование, применяемое в деятельности ОГКУ «Центр занятости населения города Иркутска» при работе с безработными женщинами, формирует более конкретные представления о них, что позволяет придать деятельности более дифференцированный характер, способствует сокращению уровня и продолжительности их безработицы, влечет за собой экономию бюджетных средств. Были сделаны выводы о том, что обширная практика применения профилирования, индивидуальное сопровождение, учет семейных обстоятельств женщин, реализация специальных программ для них, отвечающих современным тенденциям и реальным потребностям рынка труда в постиндустриальной эпохе, позволит преодолеть формальный характер и подход к безработным женщинам как безликой единице в служебных документах.

Ключевые слова: безработные женщины, Иркутск, рынок труда, трудоустройство, социальная поддержка, служба занятости

Информация о статье: Дата поступления 5 июля 2019 г.; дата принятия к печати 15 сентября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Копалкина Е.Г. Эвальвация содействия трудоустройству безработных женщин в современных условиях (на примере города Иркутска) // *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 3. С. 279–285.

Evaluation of employment promotion for unemployed women in the current context (the case of Irkutsk)

© Evgenia G. Kopalkina

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article analyzes the problem of promoting the employment of unemployed women in the city of Irkutsk in the context of an increase of precarious work of the able-bodied population. It emphasizes that the state employment policy in our country lacks an individual and differentiated approach taking into account the various categories of unemployed women. The author specifies the most promising job placements for women in modern conditions. Based on public statistics of the territorial body of the Federal Service of State Statistics in Irkutsk region and OGKU «Employment Center of the city of Irkutsk», the dynamics of the number of women of working age from 2015 to 2019, the level of registered female unemployment, as well as the level of employment among women from 2016 to 2018 years in the city of Irkutsk are shown. Moreover, the effectiveness of vocational training and further vocational education during the period of parental leave until the child attains the age of three is revealed as an additional measure of social support for unemployed women. An analysis of various sociological and psychological studies has shown that the effectiveness of women's employment depends primarily on their socio-demographic and personal-biographical indicators, individual psychological characteristics, labor motivation, the level of socio-psychological adaptation, the structure and content of the value-semantic sphere, social well-being, their level of awareness of the real state of the national and local labor market. It is emphasized that the profiling used in the activities of the OGKU «Employment Center of the city of Irkutsk» creates more specific view of them

and makes activities more differentiated when working with unemployed women. It also reduces the level and duration of their unemployment, and causes budget savings. It was concluded that the extensive practice of applying profiling, individual support, taking into account the family circumstances of women, the implementation of special programs for them meeting current trends and the real needs of the labor market in the post-industrial era will overcome the formal nature and approach to unemployed women as a faceless unit in service documents.

Keywords: unemployed women, Irkutsk, labor market, employment, social support, employment center

Article info: Received July 5, 2019; accepted for publication September 15, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Kopalkina E.G. (2019) Evaluation of employment promotion for unemployed women in the current context (the case of Irkutsk). *Social Competence*. Vol. 4. No. 3. P. 279–285. (In Russ.)

Положение женщин на рынке труда в силу меньшей конкурентоспособности резко обостряется в условиях роста прекаризации труда трудоспособного населения. Как справедливо отмечает исследователь А. Вагнер, «прекаризация занятости в форме нетипичной занятости с низкой заработной платой и правовой защитой начинается там, где есть предложение работы на таких условиях со стороны предприятий и одновременно предлагающие свою рабочую силу (находящиеся в поиске работы) лица, которые по разным причинам – прежде всего из-за трудностей с совмещением работы и семьи и напряженного положения на рынке труда – не видят иной возможности, как согласиться на работу на условиях худших, чем нормальные» (Вагнер, 2014. С. 20). В России рынок труда приобрел ярко выраженную гендерную направленность – все большее количество женщин заняты в отраслях с нестабильной и незащищенной занятостью и все меньше в сферах, требующих высокого профессионализма и специальных знаний (Ермилова, 2018. С. 37). При этом, как пишет исследователь Л.В. Логинова, особенностью российского прекарита в отличие от западных стран считается то, что он «не является низшим слоем, поскольку по уровню дохода и образования часто приравнивается к средним слоям общества» (Логинова, 2016. С. 39).

Особенно в группу социально уязвимых попадают такие категории безработных женщин как многодетные, одинокие, имеющие несовершеннолетних детей, детей-инвалидов, бывшие осужденные, осуществляющие уход за больным родственником. Содействие трудоустройству женщин сопровождается как материальной поддержкой (выплатой пособий по

безработице, оплатой на общественных работах, материальной помощью), так и такими перспективными и эффективными, по мнению экспертов, направлениями деятельности службы занятости, как профориентационные услуги, психологическая поддержка и консультирование, организация профессионального обучения и переобучения, содействие предпринимательству и ориентация женщин на самозанятость (Тарханова, 2016. С. 445). Оценивая в целом государственную политику в отношении безработных в нашей стране, многие исследователи отмечают, что она носит недифференцированный характер, отношение к безработному, как безликой единице в служебных документах, без обращенности к конкретному субъекту, его индивидуальной и семейной ситуации (Сизова, 2013. С. 44).

Положительная динамика сокращения женской безработицы в России имеет серьезные региональные различия. В Иркутске численность женщин в трудоспособном возрасте составляла на начало 2015 года – 57,84 %, 2016 года – 51,71 %, 2017 года – 51,73 %, 2018 года – 51,76 %, 2019 года – 51,83 % от общего числа трудоспособного населения города Иркутска (рис. 1).

Численность женщин, состоявших на учете в ОГКУ «Центр занятости населения города Иркутска», в 2016 году – 51,71 %, в 2017 году – 51,26 %, в 2018 году – 50,48 % от общего числа граждан, состоявших на учете (рис. 2). Исходя из данных получается, что уровень регистрируемой женской безработицы в областном центре в 2016 году составил 3,57 %, в 2017 году – 3,21 %, в 2018 году – 2,86 %. Уровень трудоустройства среди женщин в 2016 году – 55,97 %, в 2017 году – 70,16 %, в 2018 году – 55,68 %.

Рис.1. Динамика численности женщин в трудоспособном возрасте города Иркутска с 2015 по 2019 годы¹

Fig. 1: Dynamics of the number of working-aged women in Irkutsk in 2015–2019

Наряду с ведомственными целевыми программами содействия трудоустройству незанятых инвалидов, многодетных родителей, а также воспитывающих детей-инвалидов, выпускников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет, осужденных условно (с 2018 года) в рамках подпрограммы «Содействие занятости населения и социальная поддержка безработных граждан» государственной программы Иркутской области «Труд и занятость» на 2014–2020 годы дополнительным мероприятием социальной поддержки женщин является профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, которое организуется за счет средств бюджета Иркутской области однократно для состоявших в трудовых отношениях с работодателем. В 2016 году доля женщин, приступивших к профобучению в период отпуска по уходу за ребенком, составила 0,95 %, в 2017 году – 1,09 %, в 2018 году – 1,27 % от общего

числа женщин, поставленных на учет в ОГКУ «Центр занятости населения города Иркутска» (рис. 2). Доля женщин города Иркутска, прошедших профессиональное обучение в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, в 2016 году составила 20,36 %, в 2017 году – 24,45 % от общей численности женщин Иркутской области, получивших данную государственную услугу (в 2016 году – 329 чел., в 2017 году – 317 чел.).

Согласно статистическим данным за 2018 год, представленным в табл. 1, лишь 34,14 % женщин, из числа состоявших на учете в ОГКУ «Центр занятости населения города Иркутска», были признаны безработными. На начало 2019 года доля безработных женщин составила 57,94 % от общей численности безработных граждан, что ниже на 2,64 % по сравнению с предыдущим периодом. На начало 2019 года численность безработных женщин в возрасте 16–17 лет составила – 0,57 %, 18–19 лет – 0,71 %, 20–24 лет – 6,42 %, 25–29 лет – 9,14 %, 30–49 лет – 66,0 %, 50 лет и старше – 17,14 %. Доля безработных женщин, снятых с регистрационного учета в связи с трудоустройством, составила 52,85 % (в возрасте 16–17 лет – 0,09 %, 18–19 лет – 0,79 %, 20–24 лет – 10,08 %, 25–29 лет – 14,78 %, 30–49 лет – 62,73 %, 50 лет и старше – 11,48 %), из них по направлению органов службы занятости – 45,85 % от общей численности безработных женщин, снятых с учета в связи с трудоустройством.

¹ Сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. [Электронный ресурс]. URL.: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/45697> (дата обращения: 30.07.2019). Website of the territorial body of the Federal Service of State Statistics in the Irkutsk Region. Available at: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/45697> (access date 30.07.2019).

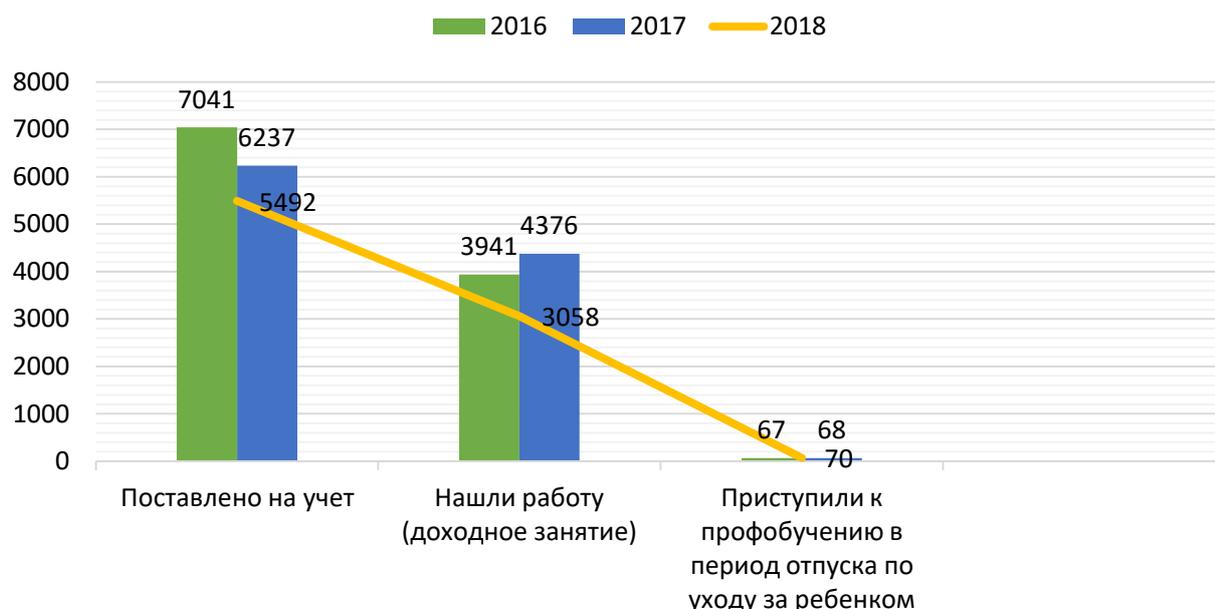

Рис. 2. Распределение численности женщин по основным показателям деятельности ОГКУ «Центр занятости населения города Иркутска» с 2016 по 2018 годы²
 Fig. 2. Distribution of the number of women according to the main indicators of activity of OGKU "Employment Center of the City of Irkutsk" from 2016 to 2018

Таблица 1

Динамика численности безработных женщин за 2018 год

Table 1

Dynamics of the number of unemployed women in 2018

Показатели	Численность безработных граждан на начало года	Признаны безработными в течение года	Снято с учета	Из них в связи с трудоустройством	Из них по направлению органов службы занятости	Численность безработных граждан на конец года
Всего	1253	3246	3292	1646	729	1208
Женщин	719	1875	1894	1001	459	700
16-17 лет	0	10	6	1	1	4
18-19 лет	8	36	37	8	5	5
20-24 лет	47	203	204	101	47	45
25-29 лет	82	240	253	148	58	64
30-49	459	1152	1147	628	286	462
50 лет и старше	123	234	247	115	62	120

² Официальный портал города Иркутска. [Электронный ресурс]. URL.: <https://admirk.ru/Pages/Centr-zanyatosti-naseleniya-goroda-Irkutsk.aspx> (дата обращения: 30.07.2019). The official portal of the city of Irkutsk. [Electronic resource]. Available at: <https://admirk.ru/Pages/Centr-zanyatosti-naseleniya-goroda-Irkutsk.aspx> (access date 30.07.2019).

Эффективность трудоустройства безработных женщин зависит не только от качества и количества предоставляемых услуг органами содействия занятости, но и от них самих. Различные социально-психологические исследования безработных женщин, как особой социальной группы, позволяют сделать выводы о том, что на скорость и качество трудоустройства напрямую влияют:

– их социально-демографические и личностно-биографические показатели (возраст, образование, семейное положение, наличие детей) (Владимирова, 2010. С. 133);

– индивидуально-психологические особенности, как показывает исследование Т.М. Харламовой, женщины с меньшим сроком (до трех месяцев) безработицы легче адаптируются, открыты для общения, активны, инициативны, отличаются более гибким поведением, чем женщины с большим сроком безработицы (Харламова, 2011. С. 55);

– собственная трудовая мотивация, поскольку те женщины, которые имели высокую профессиональную мотивацию, находили работу в два раза быстрее, чем те, у которых она снижена и характеризуется внешней направленностью (Горшкова, 2015. С. 32);

– уровень социально-психологической адаптации, в зависимости от которого различаются личностные свойства и состояния безработных женщин. С высоким уровнем адаптации женщинам свойственны – самопринятие, уверенность в себе, саморуководство, низкий уровень личностной тревожности, в то время как напряженность, тревожность, самообвинение, замкнутость – характерны для низкоадаптированных безработных женщин (Миринова, 2011. С. 41).

– структура и содержание ценностно-смысловой сферы (Завалишина, 2007. С. 287), ее существенные разрывы и расхождения (Евдокимова, 2011. С. 33);

– социальное самочувствие как интегральная характеристика социального положения, в котором отражается удовлетворенность женщиной своей жизнью, оценка материального и духовного благополучия, состояние здоровья, личной и се-

мейной безопасности, и чем старше женщины, тем более критично они оценивают свое социальное самочувствие, отмечая его ухудшение в связи с изменением социального статуса, материальных и духовных благ (Котоманова, 2017. С. 77).

– низкий уровень информированности, отсутствие информации о реальном состоянии рынка труда (Ермилова, 2018. С. 42).

В связи с этим, важное значение в содействии трудоустройству безработных женщин приобретает профилирование, представляющее собой деление женщин на несколько основных профилей по признакам различий в уровне их мотивации к трудоустройству и уровень их востребованности на рынке труда (Терещенко, 2014. С. 185). В Иркутской области профилирование безработных граждан применяется на основе Технологии (порядка) специалистов по организации и проведению специальных мероприятий по профилированию безработных граждан³. Благодаря профилированию, которое обеспечивается социологическими и психологическими методами сбора информации, социальная поддержка с стороны органов службы занятости безработным женщинам носит более дифференцированный характер, способствует сокращению уровня и продолжительности их безработицы, влечет за собой экономию бюджетных средств. Как справедливо отмечает социолог П.А. Чукреев, государственная политика занятости в отношении женщин может быть эффективной, если учитываются более конкретные представления о ней, а не абстрактная женщина вообще (Чукреев, 2014. С. 47).

Дальнейшее совершенствование и применение технологии профилирования,

³Приказ Службы занятости населения Иркутской области от 29 июня 2012 г. N 22-СПР «Об утверждении Технологии (порядка) работы специалистов по организации и проведению специальных мероприятий по профилированию безработных граждан». [Электронный ресурс]. URL.: <https://base.garant.ru/21628760/> (дата обращения: 30.07.2019). Order of the Employment Service of Irkutsk Region dated June 29, 2012 N 22-SPR "On approval of the Technology (procedure) of the work of specialists in organizing and conducting special events for profiling unemployed citizens". Available at: <https://base.garant.ru/21628760/> (access date 30.07.2019).

разработка комплексных программ индивидуального сопровождения (Сизова, 2013) безработных женщин, учитывающие изменения, происходящие в постиндустриальном мире, позволяют приобрести социаль-

ной поддержке безработных женщин в нашей стране (Иркутске) не формальный характер, а отвечающей современным тенденциям и реальным потребностям рынка труда.

Библиографический список

- Вагнер А.Н. Прекаризация и атипичная занятость женщин и мужчин в Германии и Европе // Friedrich Ebert Stiftung, 2014. 25 с.
- Владимирова К.О. Особенности механизмов психологической защиты у безработных женщин в период экономического кризиса // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 129–133.
- Горшкова О.Н. Исследование факторов трудовой мотивации безработных женщин // Материалы XVII международной научно-практической конференции «Современная психология: теория и практика». Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований», 2015. С. 28–32.
- Евдокимова С.Ш., Красниковский В.Я. Индивидуально-типологические особенности безработных женщин // Экономика и социум: современные модели развития. 2011. № 1. С. 21–33.
- Ермилова А.В., Покусаева Е.С., Глушкова Е.В. Эвальвация деятельности центров занятости населения городов Нижнего Новгорода и Иваново: восприятие дисфункциональных элементов безработными женщинами // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2018. № 1. С. 37–45.
- Завалишина О.Б. Психологические особенности профессионального самоопределения женщин-безработных // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 1 (45). С. 283–287.
- Котоманова О.В. Социальное самочувствие женщин в современном обществе (по материалам исследования) // Материалы международной научно-практической конференции «Социальное самочу-
- вствие населения в социокультурном пространстве». 2017. С. 75–78.
- Логинова Л.В. Прекаризация в системе социально-трудовых отношений: проблемы и перспективы институционализации // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. № 3.
- Миронова Т.Л., Санжижапова Н.Д. Социально-психологические особенности адаптации безработных женщин // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1. С. 36–41.
- Сизова И.Л. Ищущие работу женщины на российском рынке труда // Женщина в российском обществе. 2013. № 2 (67). С. 41–48.
- Тарханова Е.С. Формы и методы социальной поддержки безработных женщин на региональном рынке труда // Материалы научно-практической конференции «Дильновские чтения. Социологическая диагностика современного общества». 2016. С. 443–448.
- Терещенко Т.А., Спасский Е.Н. Профилирование как основа социальной работы с безработными женщинами (опыт Хабаровского края) // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2014. Т. 2. С. 183–186.
- Харламова Т.М. Специфика мотивации к труду безработных женщин (результаты Т-критерия студента) // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 4. С. 54–55.
- Чукреев П.А. Безработные женщины как наиболее уязвимая маргинальная группа населения: положение и меры социальной поддержки // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 14–1. С. 45–50.

Reference

- Vagner A.N. (2014) Precarization and atypical employment of women and men in Germany and Europe. *Friedrich Ebert Stiftung*. 25 p. (In Russ.)
- Vladimirova K.O. (2010) Features of unemployed women's psychological protection during the economic crisis]. *Applied Legal Psychology*. No. 4. P. 129–133. (In Russ.)
- Gorshkova O.N. (2015) The study of factors of labor motivation of unemployed women. *Proceedings of the XVII international scientific-practical conference "Modern psychology: theory and practice"*. Scientific and Informational Publishing Center "Institute for Strategic Studies". P. 28–32. (In Russ.)
- Evdokimova S.Sh., Krasnikovskii V.Ya. (2011) Individual-typological features of unemployed women. *Economics and society: modern development models*. No. 1. P. 21–33. (In Russ.)
- Ernilova A.V., Pokusaeva E.S., Glushkova E.V. (2018) Evaluation of the activity of employment centers of the cities of Nizhny Novgorod and Ivanov: the perception of dysfunctional elements by unemployed women. *Bulletin of Ivanovo State University*. Series: Natural, social sciences. No. 1. P. 37–45. (In Russ.)
- Zavalishina O.B. (2007) Psychological features of professional self-determination of unemployed women. *Bulletin of the Tambov University*. Series: Humanities. No. 1 (45). P. 283–287. (In Russ.)
- Kotomanova O.V. (2017) The social well-being of women in modern society (based on research). *Proceedings of the international scientific and practical conference "Social well-being of the population in the socio-cultural space"*. P. 75–78. (In Russ.)
- Loginova L.V. (2016) Precarization in the system of social and labor relations: problems and prospects of institutionalization. *Bulletin of St. Petersburg State University*. Series 12. Sociology. No. 3. (In Russ.)
- Mironova T.L., Sanzhizhapova N.D. (2011) Socio-psychological characteristics of the adaptation of unemployed women. *Psychology in Economics and Management*. No. 1. P. 36–41. (In Russ.)

Sizova I.L. (2013) Women seeking job in the Russian labor market. *Woman in Russian Society*. No. 2 (67). P. 41–48. (In Russ.)

Tarkhanova E.S. Formy i metody sotsial'noi podderzhki bezrabotnykh zhenshchin na regional'nom rynke truda. *Forms and methods of social support for unemployed women in the regional labor market. Proceedings of the scientific and practical conference "Dylnov Readings. Sociological diagnosis of modern society."*. 2016. P. 443–448. (In Russ.)

Tereshchenko T.A., Spasskii E.N. (2014) Profiling as the basis of social work with unemployed women (from the

experience of the Khabarovsk Territory). *Scientific, Technical and Economic Cooperation of the Asia-Pacific Countries in the 21st Century*. Vol. 2. P. 183–186. (In Russ.)

Kharlamova T.M. (2011) The specifics of motivation to work of unemployed women (results of the students' T-test). *International Journal of Experimental Education*. No. 4. P. 54–55. (In Russ.)

Chukreev P.A. (2014) Unemployed women as the most vulnerable marginalized population: status and measures of social support. *Bulletin of the Buryat State University*. No. 14–1. P. 45–50. (In Russ.)

Сведения об авторе

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ, Россия, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83,

✉ e-mail: kopalkina2017@list.ru

Критерии авторства

Копалкина Е.Г. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Evgenia G. Kopalkina, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU, 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation.

✉ e-mail: kopalkina2017@list.ru

Criteria for Authorship

Kopalkina E.G. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Современный этап развития постиндустриального общества: социокультурный аспект

© А.В. Маякова

Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия

Аннотация: В статье рассматривается современный этап развития науки и общества в аспекте социокультурных особенностей и характеристик социума. Рассмотрение науки в социокультурном контексте является одной из актуальных философских задач: необходимость разработки принципов и положений, которые позволяют управлять развитием науки посредством анализа научной социальной обусловленности и условиями взаимодействия материальной и духовной культуры. Основная цель статьи заключается в изучении ключевых социокультурных особенностей постиндустриального социума и связанных с ними изменениях, происходящих на современном этапе развития постнеклассической науки. Достижение поставленной цели возможно посредством решения сопутствующих задач: идентификации, характеристики социокультурных особенностей постиндустриального общества и установлении взаимосвязей между ними; выявлении особенностей, характерных для постнеклассического этапа развития науки; изучении влияния изменений социокультурных элементов постиндустриального общества на вектор развития постнеклассической науки в целом.

В работе отражаются следующие социокультурные особенности постиндустриального общества: смена типа общества, цифровизация, экономизация, ценностный цинизм, преобладание массовой культуры, театрализация. По мнению авторов, именно данные социокультурные особенности преобладают в постиндустриальном обществе и имеют большое влияние на развитие постнеклассической науки в целом. Всеобщее приращение научных изысканий в общественной жизни, полинаправленность научных исследований, которая связана с информационной революцией, изменяют природу научной деятельности. Таким образом достигается положительный эффект во взаимодействии картин действительности, которые есть в дифференцированных науках. Так создается единая общенаучная картина мира.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, постнеклассическая наука, социокультурные особенности, цифровизация, экономизация, цинизм, массовая культура, театрализация

Благодарности: Публикация подготовлена при поддержке Гранта Президента РФ «Трансдисциплинарная модель управления социокультурными рисками» (МК-240.2019.6).

Информация о статье: Дата поступления 24 июля 2019 г.; дата принятия к печати 12 августа 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Маякова А.В. Современный этап развития постиндустриального общества: социокультурный аспект // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 3. С. 286–291.

The current stage of development of postindustrial society: sociocultural aspect

© Anna V. Mayakova

The Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Abstract: The article deals with the current stage of development of science and society in terms of socio-cultural characteristics and characteristics of society. Consideration of science in the socio-cultural context is one of the urgent philosophical tasks: the need to develop principles and provisions that allow to control the development of science through the analysis of scientific social conditionality and the conditions of interaction of material and spiritual culture. The main purpose of the article is to study the key socio-cultural features of post-industrial society and related changes occurring at the present stage of development of post-non-classical science. Achieving this goal is possible through the solution of related tasks: identification, characterization of socio-cultural features of post-industrial society and the establishment of relationships between them; identification of features characteristic of the post-non-classical stage of development of science; study of the impact of changes in socio-cultural elements of post-industrial society on the vector of development of post-non-classical science as a whole.

The paper reflects the following socio-cultural features of post-industrial society: changing the type of society, digitalization, economization, value cynicism, the prevalence of mass culture, theatricalization. According to the authors, these socio-cultural features prevail in post-industrial society and have a great influence on the development of post-non-classical science as a whole.

The universal application of scientific research in public life, the multidirection of scientific research, which is associated

with the information revolution, changes the nature of scientific activity. Thus, a positive effect is achieved in the interaction of pictures of the reality that are in the differentiated sciences. This creates a unified scientific picture of the world.

Keywords: postindustrial society, postnonclassical science, sociocultural features, digitalization, economization, cynicism, mass culture, theatricalization

Acknowledgements: The publication has been prepared with a support of the Grant of the President of the Russian Federation "Transdisciplinary sociocultural risk management model" (МК-240.2019.6).

Article info: Received July 24, 2019; accepted for publication August 12, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Mayakova A.V. (2019) The current stage of development of postindustrial society: sociocultural aspect. *Social Competence*. Vol. 4. No. 3. P. 286–291. (In Russ.)

В настоящее время развитие современной науки можно охарактеризовать ориентацией на преобразования, которые обусловлены социокультурными трансформациями. Наука претерпевает как структурные изменения, так и внешние: изменяется ее роль и место в постиндустриальном обществе (Швырев, 2003. С. 128). Тотальная цифровизация требует от науки таких инструментов по приобретению профессиональных компетенций, которые будут обеспечивать эффективную деятельность основных цифровых систем и технологий. Также уровень развития науки и технологий определяет экономическую, политическую, образовательную обеспеченность, полезность и стабильность в социуме, в частности, в постиндустриальном. Например, рассматривая экологическую безопасность, наука играет неоднозначную роль: с одной стороны, выполняет функцию социального регулятора, социальной силы, с другой – достижения науки и техники приводят к экологическому коллапсу. Рассмотрение науки в социокультурном контексте представляет собой актуальную сложную философскую задачу, которая заключается в необходимости разработки инструментария, который позволит управлять развитием науки с помощью анализа всех сфер жизнедеятельности человека и общества, формирования новых релевантных принципов ведения научной деятельности, утверждения социальных гарантий, генерирования аксиологических установок и их этическая обусловленность. На этом основании рассмотрим социокультурные особенности постнеклассического периода развития науки.

Социальные риски включают в себя все типы рисков классификации, поскольку человек и социальные отношения присутствуют в любом процессе, связанном с

рисками. Человеческий фактор является неотъемлемой частью как возникновения, так и ликвидации риска. Такой обобщенной классификации придерживаются и ученые и специалисты в области менеджмента рисков: В.А. Акимов, В.В. Лесных, Н.Н. Радаев, Л.Г. Паштова, О.А. Фирсова, С.В. Ходыревская, А.Ю. Голубин, М.И. Королев, А.В. Мельников, И.И. Рыжкин, И.Э. Шинкаренко, Р.Т. Юдашев. Также данная позиция наблюдается в основных регламентирующих управление рисками документах: ГОСТ 27.310–95. Надежность в технике. Анализ видов, последствий и критичности отказов. Основные положения. ISO/IEC GUIDE 73:2002. Risk management – Vocabulary – Guidelines for use in standards; ГОСТ Р 51897 – 2002 «Менеджмент риска. Термины и определения»; AS/NZS 4360:2004 – Risk Management, issued by Standards Australia; CSA (1997) Risk Management: Guideline for Decision-Makers – A National Standard of Canada / Canadian Standards Association (1997 reaffirmed 2002) CAN/CSA-Q850-97 и другие.

Границы современных исследований риска выходят за область философии и науки в производственно-экономическую сферу. В социологии и философии XIX–XXI веков сложилось несколько трактовок понятия «риск», эксплицировано соотношение категорий риск и опасность, риск и неопределенность, риск и безопасность. Н. Луман, например, связывает риск с принятием решения, действием или безответственным бездействием. Различным аспектам проявления социального риска в общественной реальности посвящены работы А.П. Альгина, И.А. Афанасьева, М. Вебера, В.И. Добренкова, Э. Дюркгейма, В.С. Ибрагимов, Ч. Ламброзо, В.В. Радаева, К. Роджерса, М.Н. Руткевича, Г.Н. Соколовой, Ж.Т. Тощенко, Ф.Р. Филиппова, М. Фуко, О.И. Шкаратана, О.Н. Яницкого и ряда других ученых.

В целях выполнения комплексного анализа социокультурных особенностей постиндустриального общества целесообразно применять как качественные, так и количественные методы исследования, а также общенаучные, такие как логический и исторический, анализ и синтез, междисциплинарная методология и язык теории сложности. Все инструменты и методы, используемые на различных уровнях исследовательской деятельности, подразумевают общие этапы: наблюдение, сбор, обработка данных, анализ полученной информации, формулировка выводов и предложений.

Наиболее релевантным подходом в рамках данного научного исследования является комплексный подход, который представляет собой исследования в более широком контексте других научных исследований, что позволит сдерживать тенденцию делать преждевременные выводы на основе неполного понимания вопроса. Что немало важно, завершающим инструментом комплексного подхода является методология принятия решений. Данное исследование – первый шаг к завершающей стадии. Методология принятия решений состоит из трех этапов: формального анализа решений, характеризующего насколько хорошо информированы субъекты; описательные исследования, изучение того, как человек и общество на самом деле ведут себя в новых обстоятельствах; и метод вмешательства, основанный на формальном анализе и описательных исследованиях, разработанный, чтобы создать конструктивные варианты возможных решений и помочь лицам, принимающим решения, выбрать среди них.

Трансформация является одной из базисных социокультурных особенностей постиндустриального общества. Общество потребления, массовой коммуникации и цифровых технологий – объект исследования. Неотчетливый характер во многом определен социально-классовой стратификацией. Основным принцип взаимоотношений членов постиндустриального социума – «потребитель – поставщик», отсюда и главным критерием структурирования нового общества выступает уровень материального потребления. Этические ориентиры

размыты и практически незаметны в ракурсе потребительских отношений (Белл, 1999. С. 116). Данный факт является определяющим в экономизации (Семерник, 2004), которая является одной из ключевых социокультурных особенностей постиндустриального общества. Активное распространение экономических постулатов и тенденций на внеэкономические виды деятельности человека и общества влечет за собой тотальное преобразование социума, определяемое высокой степенью неопределенности как антропологических, так и культурно-цивилизационных ожиданий. Подобные трансформации наблюдаются на современном этапе развития постнеклассической науки.

Постиндустриальное общество характеризуется тотальной цифровизацией. Она представляет собой современный тотальный тренд развития экономики и общества, основанный на трансформации информации в цифровой вид и ориентированный на повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни. Рассмотрение цифровизации в таком смысловом инварианте возможно только в том случае, если цифровые преобразования информации отвечают следующим задачам: область распространения – производство, бизнес, наука, социальная сфера и повседневная жизнь членов социума; наличие эффективного применения результатов, а также их полезность и общедоступность, то есть ими могут воспользоваться граждане вне зависимости от статуса и социальной стратификации; пользователи информации должны быть подготовленными и знать риски и последствия работы с подобной информацией.

В свое время общество пыталось принять и адаптировать в социальной жизни компьютеризацию и информатизацию. Некоторые до сих пор ошибочно полагают, что цифровизация, компьютеризация и информатизация являются синонимами. Однако это далеко не так. Поскольку в предыдущий период развития акцент был в области применения и распространения вычислительной техники и информационных технологий, то цифровизация направлена на формирование целостных технологических сред «обитания» (экосистем, платформ), в

которых пользователь может создавать для себя нужное ему дружественное окружение (технологическое, инструментальное, методическое, документальное, партнерское) с тем, чтобы решать уже целые классы задач (Халин, Чернова, 2018).

Стремительное развитие цифровизации всех сфер жизни аргументируется, главным образом, ее потенциальными положительными результатами и последствиями во всех областях. Если провести оценку социальной сферы, то к таким положительным проявлениям можно отнести:

- экономический и социальный эффект от внедрения и применения цифровых технологий для бизнеса и социума;
- повышение качества жизни, в основном, за счет улучшенной реализации главного принципа менеджмента качества – удовлетворения конкретных уже известных и новых потребностей потребителей (Маякова, 2016);
- улучшение производительности общественного труда за счет его локального повышения на уровнях единичных (отдельных) производств и организаций;
- принципиально новые бизнес-модели и новые формы деловой среды, позволяющие увеличить доход и конкурентоспособность бизнеса;
- прозрачность экономических действий и возможности их валидации и верификации;
- доступность и продвижение товаров, работ и услуг на всех уровнях: от коммерческого до государственного и мирового;
- появление человекозамещающих управляющих систем в опасных для жизни и здоровья человека производствах.

Представленный масштаб положительных последствий является укрупненным – мировым и государственным. Что касается конкретных организаций и предприятий, то общие преимущества цифровизации могут проявиться в:

- исключении посредников за счет отлаженной системной работы сайтов и их доступности для широкого потребителя;
- оптимизации представительских издержек: уменьшении затрат на поиск информации, идентификации и измерении издержек; расходов по продвижению

товаров и услуг; затрат по заключению и ведению переговоров;

- ускорении всех внутренних управленческих и иных процессов организации, в том числе за счет логичного и целесообразного коммуникационного пространства;
- уменьшении времени реакции на изменения рынка, сокращении сроков разработки продукции и услуг и представлении их на рынке;
- более четком понимании потребностей и повышении качества продукции и услуг;
- создании инновационного поля не только в сфере производства продукции и услуг, но и во всем жизненном цикле.

Постиндустриальное общество становится более циничным в аксиологическом аспекте. П. Рикёр говорил, что современность отличается «гипертрофией средств и атрофией целей» (История философии, 2000. С. 243). Поводом такого обстоятельства является аксиологически-целевая разочарованность и сомнения в будущем. Цинизм постиндустриального общества усиливает свое всеобъемлющее воздействие на жизнь каждого члена социума, главным образом с помощью сглаживания традиционных этических установок и ценностей. Эстетика гедонизма в постиндустриальном обществе преобладает над этикой.

В 1781 году И. Кант издал «Критику чистого разума» – трактат о границах и возможностях человеческого разума в познании вещей. В 1983 году П. Слотердайн выпускает труд со схожим названием «Критика циничного разума», но с противоположными суждениями, аргументируя, что истинный цинизм порожден отрезвлением в идеалах Просвещения. Цинизм же постиндустриального общества выражается в отказе от множества прежних этических ценностей и норм.

В современном периоде развития постиндустриального общества культурная сфера имеет свои индивидуальные особенности. Одна из них – превалирование массовой культуры как продукта массового потребления, где ведущие роли отданы рекламе и моде. Современные социологи рассматривают моду как лейтмотив куль-

туры постиндустриального общества (История философии, 2000. С. 121). Мода будто бы «порабощает» все сферы человеческого бытия. Она самодостаточна и цинична, диктует условия жизни, к ней приобщены все. Мода выступает новым аксиологическим ориентиром. Более того, ее течение невозможно предсказать. Это в некотором роде определяет суть всей постиндустриальной жизни – иллюзорность, непостоянство и спонтанность. Ж. Липовецкому, французскому социологу, этот факт позволил назвать постиндустриальное общество в целом «эрой пустоты» и «империей эфемерного» (Липовецкий, 2012. С. 54).

Еще одна важная отличительная социокультурная черта постиндустриального общества – театрализация. Она отличается глобальностью. Многие события жизни человека и общества сопровождаются эффективным представлением. Причем проявление театрализации наблюдается даже в тех сферах, в которых решаются вопросы прав и свобод человека. Наряду с социальной и правовой сферой, она приносит свой вклад в мир политики. Политическая арена все чаще превращается в театральные подмостки, аккумулируя эмоции для эффективных и эффективных политических баталий (Лиотар, 1998. С. 46).

Представленные социокультурные особенности постиндустриального общества находят свое отражение и в духовной сфере – философии, искусстве, науке и религии.

На основании социокультурных особенностей постиндустриального общества можно сказать, что модификации в науке не могли не произойти, учитывая пре-

образования во всех сферах жизни человека и общества. Немного ранее произошел революционный переворот в общенаучном и философском миропонимании, который сформировал новую науку – постнеклассическую. Это связано с открытием теории систем и организацией системного подхода, последующим развитием синергетики и теории сложности. Таким образом, одной из особенностей научного знания можно назвать системность восприятия действительности (Маякова, 2015. С. 87).

Современный период ознаменовал коренные изменения научных оснований в результате всеобщей цифровизации: цифровых технологий, цифровой экономики, открытой науки, интернет вещей, цифровой реальности (Асеева, Маякова, 2015. С. 1122). В контексте цифровизации постнеклассическая наука демонстрирует сильное влияние на развитие человеческого капитала и материальных активов (инфраструктуры и средств обработки информации и т. д.) путем расширения источников новых знаний. Возникают проблемы с полезным и надлежащим использованием многочисленных возможностей, которые появились и еще появятся в результате цифровизации. В связи с этим, целесообразно более подробно рассматривать влияние цифровых технологий и цифровизации в целом на постнеклассическую науку; определить новые профессиональные компетенции исследователей, которые являются приоритетными в условиях развития цифровой среды, что является немаловажным в развитии постиндустриального общества.

Библиографический список

Асеева И.А., Маякова А.В. Философские основания и методологические ресурсы новой парадигмы сложности // Философия и культура. 2015. № 8. С. 1117–1125.
Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 205 с.
История философии: Запад-Россия-Восток (книга четвертая. Философия XX в.). М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2000. 448 с.
Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе [пер. с франц. Ю. Розенберга]. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 336 с.
Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна [пер. с

франц. Н.А. Шматко]. М.: Институт экспериментальной социологии, 1998. 160 с.
Маякова А. В. Социокультурные предпосылки формирования философской категории «качество» // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 7–8. С. 85–89.
Семерник С.З. Экономоцентризм как доминирующая мировоззренческая установка современного социума // Сервис plus. 2014. Т. 8. № 3. С. 81–88.
Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.
Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры.

М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
Mayakova A. Quality of management in the context of

modern economic and managerial paradigm // Economic Annals-XXI. 2016. Issue 157(3-4(1)). P. 82-84.

References

Aseeva I.A., Mayakova A.V. (2015) Philosophical foundations and methodological resource of the new paradigm of complexity. *Philosophy and Culture*. No. 8. P. 1117-1125. (In Russ.)
Bell D. (1999) The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting. Moscow: Academia. 205 p. (In Russ.)
History of philosophy: West-Russia-East (the fourth book. Philosophy of the XX century) (2000). Moscow: Grekolatinskii kabinet Yu.A. Shichalina. 448 p. (In Russ.)
Lipovetskii Zh. (2012) Empire ephemeral. Fashion and its fate in modern society. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 336 p. (In Russ.)
Liotar Zh. F. (1998) The postmodern state [per. s frants. N.A. Shmatko]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii. 160 p.
Mayakova A.V. (2015) Sotsiokul'turnye predposylki formi-

rovaniya filosofskoi kategorii Sociocultural prerequisites for the formation of the philosophical category "quality". *Postgraduate Bulletin of the Volga Region*. No.7-8. P. 85-89. (In Russ.)
Semernik S.Z. (2014) Economocentrism as the dominant world outlook pattern of modern society. *Service-plus*. Vol. 8. No. 3. P. 81-88. (In Russ.)
Khalin V.G., Chernova G.V. (2018) Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks. *Administrative Consultation*. No. 10. P. 46-63.
Shvyrev V.S. (2003) Rationality as a cultural value. Moscow: Progress-Traditsiya. 176 p. (In Russ.)
Mayakova A. Quality of management in the context of modern economic and managerial paradigm // Economic Annals-XXI. 2016. Issue 157(3-4(1)). P. 82-84.

Сведения об авторе

Маякова Анна Васильевна, кандидат философских наук, научный сотрудник, кафедра философии и социологии. Юго-Западный государственный университет. Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94,
✉ e-mail: BerryAnnett@yandex.ru

Author's Credentials

Anna V. Mayakova, Candidate of Philosophical Sciences, a research officer, Department of Philosophy and Sociology, the Southwest State University, 94 Fifty years of October St., Kursk, 305040, Russian Federation,
✉ e-mail: BerryAnnett@yandex.ru

Критерии авторства

Автор провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

The author has conducted research, formalized scientific results and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Мигранты в Бурятии: оценки принимающего сообщества

© Е.В. Петрова, В.Г. Жалсанова, А.В. Бильтрикова

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия*

Аннотация: Миграционные перемещения в современном мире ведут к увеличению этнического многообразия принимающих обществ, а нередко и к межэтнической напряженности. В России проблемы миграции являются значимым направлением государственной национальной политики и объектом пристального внимания российских дискурсов последних десятилетий. В статье анализируются результаты социологического исследования, проведенного в 2018 году, по выявлению степени готовности населения Республики Бурятия к притоку мигрантов из других регионов РФ и зарубежных стран. Исследование было направлено на оценку миграционной ситуации в республике, выявление социальной дистанции между местным населением и мигрантами, выяснение последствий присутствия мигрантов в республике.

Отмечается, что в Бурятии доминирует внутренняя сельско-городская миграция, являющаяся наиболее массовой, менее масштабна – межрегиональная, для которой характерен отток населения в другие российские регионы и самая незначительная по численности – международная. Последняя во многом повторяет контуры, характерные для нее в общероссийском масштабе. Показано, что даже в условиях региона со спокойными межэтническими отношениями, которыми традиционно характеризуется Бурятия, возможны не всегда позитивные проявления по отношению к приезжим – в общественном мнении присутствуют настороженные оценки по отношению к мигрантам. В заключении формулируются выводы об актуализации работы по адаптации и инкорпорации мигрантов, а также по формированию их позитивного образа в глазах местного населения.

Ключевые слова: миграционные процессы, мигранты, принимающее сообщество, социальная дистанция, Республика Бурятия

Информация о статье: Дата поступления 8 июля 2019 г.; дата принятия к печати 13 сентября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Петрова Е.В., Жалсанова В.Г., Бильтрикова А.В. Мигранты в Бурятии: оценки принимающего сообщества // *Социальная компетентность*. 2019. Том 4. № 3. С. 292–298.

Migrants in Buryatia: the host community assessments

© Elena V. Petrova, Valentina G. Zhalsanova, Ayuna V. Biltrikova

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation*

Abstract: Migration movements in the modern world cause increasing ethnic diversity of host societies that often results in an increase of interethnic tension. In Russia, migration issues are a significant direction of state and national policy and the subject of focus in the Russian discourse of recent decades. The article analyzes the results of a sociological study conducted in 2018 to identify the degree of readiness of the Republic of Buryatia population for the influx of migrants from other regions of the Russian Federation and foreign countries. The main tasks were to assess the migration situation in the republic, identifying the social distance between the local population and migrants, and the effects of the presence of migrants in the republic.

The internal rural-urban migration prevails in the republic; it is the most massive one, less widespread migration is interregional that is characterized by out migration to other Russian regions, and the smallest in number is international migration. The latter follows the features common on a nationwide scale. Even in the region with peaceful interethnic relations that traditionally characterizes Buryatia positive attitude towards visitors is not always possible. In public opinion, there is a cautious attitude to migrants. In conclusion, it is stated that it is necessary to make efforts to adapt and incorporate migrants and to promote their positive image among the local population.

Keywords: migration processes, migrants, host community, social distance, Republic of Buryatia

Article info: Received July 8, 2019; accepted for publication September 13, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Petrova E.V., Zhalsanova V.G., Biltrikova A.V. (2019) Migrants in Buryatia: the host community assessments. *Social competency*. Vol. 4. No. 3. P. 292–298. (In Russ.)

Миграционные процессы стали неотъемлемой частью современного мира, определяя сущностные характеристики многих социальных систем и подсистем общества. Одной из основных особенностей миграционных перемещений является увеличение этнического многообразия принимающих обществ, зачастую ведущее к росту межэтнической напряженности. Особенно это характерно для тех стран и регионов, где происходит встреча местного населения с представителями разных этнокультурных и конфессиональных групп, контакты с которыми ранее отсутствовали или были эпизодическими.

В российском обществе рост миграционных потоков как извне, так и внутри страны во многом определяет динамику социально-экономических, этносоциальных, демографических процессов. Поэтому проблемы миграции являются значимым направлением государственной национальной политики, обсуждаются в российских дискурсах последних десятилетий. Особое внимание в научных исследованиях уделяется миграционным процессам в целом, их специфике и факторам развития (Осадчая, 2016, Леонтьев, 2011, Синдяшкина, 2011) региональной миграции как социальному явлению в зависимости от исторических, экономических, социально-политических, этнических, этнокультурных и этноконфессиональных особенностей (Юсупов, 2013, Максимова, 2013, Назарова, 2005). Одним из центров изучения миграционных процессов в стране стал Институт социологии ФНИСЦ РАН, где в рамках исследований межнациональных отношений и межнационального согласия рассматриваются проблемы мигрантов, их адаптация и интеграция в принимающем сообществе (Ромодановский, 2015, Мукомель, 2016). Актуальность и значимость изучения мигрантов также продиктована все возрастающим потоком инокультурных мигрантов, который, в свою очередь, требует разработки модели их инкорпорации в локальные сообщества для решения проблем регионального управления межэтническими отношениями (Барышная, 2013).

Бурятия является полиэтничским регионом, в котором по итогам переписи населения 2010 года проживают представи-

тели более 160 народов. Большинство составляют русские (66 %) и буряты (30 %), взаимодействия между которыми определяют основной фон межэтнических отношений. Республика характеризуется спокойными и доброжелательными межэтническими отношениями, что подтверждают мониторинговые исследования 2016–2018 гг., проведенные авторами (Петрова, 2018, Петрова, 2017, Жалсанова, 2019). Это обусловлено отсутствием значительных отличий в социально-экономическом положении этнических групп, долгим историческим опытом взаимодействия, дружелюбным менталитетом народов и работой органов государственной власти по сохранению межэтнического согласия. В регионе работают национально-культурные центры, представляющие различные диаспоры, которые осуществляют свою деятельность в Доме Дружбы народов Республики Бурятия, являющемся ресурсной базой (организационной и материально-технической) для консолидации усилий общественных организаций этнокультурной направленности.¹

Социально-экономическое положение Бурятии отличается ограниченностью рынка труда, низкими заработными платами, которые, наряду с суровыми климатическими условиями, обеспечивают невысокую привлекательность региона для мигрантов. Поэтому в республике доминирует внутренняя село-городская миграция, являющаяся наиболее массовой, менее масштабна – межрегиональная. Для нее характерен отток населения в другие российские регионы и самая незначительная по численности – международная миграция. Последняя во многом повторяет контуры, характерные в общероссийском масштабе. В первую очередь, это преобладание мигрантов из стран СНГ над мигрантами из других зарубежных стран. Во-вторых, большая их часть является трудовыми и не нацелены на постоянное проживание. Ми-

¹ Дом Дружбы народов Республики Бурятия был создан в 2011 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--03-bddnbo9brx7a6g.xn--p1ai/dom-druzhby-narodov-respubliki-buryatiya> (дата обращения: 05.04.2019). The house of Friendship of the Republic of Buryatia peoples was established in 2011. Available at: <http://xn--03-bddnbo9brx7a6g.xn--p1ai/dom-druzhby-narodov-respubliki-buryatiya> (access date: 5 April 2019).

гранты из стран СНГ, в основном, представлены выходцами из Таджикистана, Киргизии, Узбекистана, Азербайджана, Армении, Украины. Лидерами по количеству прибывших являются Узбекистан и Украина. Мигранты из других зарубежных стран, в основном, представлены выходцами из Китая и расположенной по соседству Монголии.

Динамика данных официальной статистики показывает, что происходит снижение количества мигрантов, прибывающих из других стран. Так, если в 2014 г. в республику приехало 1019 иностранцев, то уже в 2017 г. – 432 человека². Тем не менее, миграционный фактор играет большую роль в межэтнических отношениях в регионе, определяя оценки и отношения местных жителей. Поэтому, несмотря на позитивные взаимодействия между представителями разных народов и низкий уровень миграционного притока в республику, необходимы постоянные мониторинговые исследования по изучению межэтнических взаимодействий, отношения местного населения к иностранным мигрантам, а также проблем их адаптации и интеграции в принимающем сообществе.

Методология исследования. Комитет по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, будучи основным государственным органом власти, курирующим сферу национальной политики, инициировал проведение массового опроса с целью изучения степени готовности местного населения к притоку мигрантов как из других регионов Российской Федерации, так и из зарубежных стран. Исследование было проведено сотрудниками сектора социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в 2018 г. в столице региона г. Улан-Удэ и пяти муниципальных районах республики – Иволгинском, Кабанском, Еравнинском,

Кяхтинском и Северобайкальском. Генеральную совокупность составило взрослое население в возрасте 18 лет и старше. Опрос проводился на основе многоступенчатой выборки, на последней ступени рассчитанной с применением четырех квот по взаимосвязанным параметрам – пол, возраст, образование, национальность. Выборочная совокупность и параметры отбора были определены исходя из Итогов Всероссийской переписи населения 2010 году. Всего в анкетном опросе приняли участие 710 респондентов, представляющих разные сферы занятости, а также пенсионеры, студенты и домохозяйки.

Оценка миграционной ситуации в Республике Бурятия. В ходе опроса респондентам был задан вопрос, направленный на оценку миграционной ситуации в местах их проживания. Большинство отмечало наличие серьезного оттока населения, несколько меньшее число опрошенных оценило миграционную ситуацию в своем городе или районе как спокойную. В целом по выборке население (и городское и сельское) выразило обеспокоенность отъездом людей из республики (37,2 %) и число этих респондентов немного превысило тех, кто считает что миграционная ситуация спокойная (33,9 %). В ответах респондентов из г. Улан-Удэ и районов республики имеются различия. Так, жители столицы в большей степени считают, что наблюдается миграционный отток (43,9 %), причем их число почти на 15 % превышает количество выбравших вариант «спокойная миграционная обстановка» (28,9 %). Большинство жителей сельских районов чаще оценивали миграционную обстановку как спокойную (39,1 %), что превышает количество отмечающих большой миграционный отток населения (30,3 %) и объясняется это скорее тем, что уезжают в другие регионы и страны, как правило, жители столицы, а не из сельских районов республики.

Социальная дистанция между местным населением и мигрантами. Мигранты представляют собой неоднородное сообщество и, будучи выходцами из разных стран и регионов, могут резко отличаться от местного населения. Причем эти отличия носят как культурный, языковой, так и религиозный характер. Поэтому в ходе опроса

² Официальная статистика Бурятстата. [Электронный ресурс]. URL.: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 27.02.2019). Official statistics of Buryatstat]. Available at: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/ (accessed: 27 February 2019).

ставилась задача – выяснить насколько местное население готово принять мигрантов из Закавказья (Армения, Азербайджан, Грузия), Средней Азии (Киргизия, Узбекистан, Таджикистан), Монголии, Китая, русскоязычных краев, областей и национальных республик Российской Федерации.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что респонденты преимущественно ориентированы на субъективное восприятие человека, независимо от страны или региона выхода. Поэтому вариант ответов «зависит от конкретного человека» преобладает среди всех других (от минимального 40,1 % для выходцев из Китая до 53,5 % для представителей республик России). Для опрошенных мигранты из других стран менее привлекательны по сравнению с выходцами из русскоязычных регионов и республик России. По отношению к мигрантам из других стран вариант ответа «абсолютно не готов» выбирают чаще (от 24,0 % для жителей стран Закавказья до 35,4 % для мигрантов из Китая), чем вариант «да, готов». Лидером по абсолютной неготовности быть принятыми в качестве друзей или соседей стали выходцы из Китая (10,4 %), хотя по их численности в Бурятии они уступают мигрантам из стран СНГ.

Анализ ответов на этот вопрос, в зависимости от территориальной принадлежности, позволил выявить некоторые различия в ответах респондентов из г. Улан-Удэ и районов республики: обе группы опрошенных показали достаточно похожие результаты по всем группам мигрантов на полярные варианты ответов – «да, готов» и «абсолютно не готов», но жители столицы чаще выбирали вариант «зависит от конкретного человека», в то время как проживающие в районах республики – «затрудняюсь ответить». На наш взгляд, разница в ответах горожан и сельских жителей обусловлена тем, что мигранты, прибывающие в Бурятию, в качестве места проживания чаще выбирают столицу, соответственно, жители районов менее знакомы с ними и поэтому не смогли определиться с ответом.

В ходе опроса было выявлено, что 36,3 % опрошенных «считают необходимым ограничить/сократить въезд мигрантов в Бурятию», и их число почти в два раза больше тех, кто готов принять выходцев из других

стран (17,9 %), хотя следует отметить, что достаточно большое число респондентов (44,2 %) затруднилось с ответом. Столь высокий процент скорее следует объяснить тем, что в своей повседневной практике жители республики мало контактируют с мигрантами.

Положительные и отрицательные последствия присутствия мигрантов в республике. В исследовании ставилась задача выяснить, что позитивного и негативного видят респонденты в присутствии мигрантов в Бурятии (вопрос предлагал семь вариантов ответов). Как оказалось, главное преимущество от проживания мигрантов в республике опрошенные видят в «завозе **дешевых продуктов и товаров, дешевый ремонт квартир**» (54,1 %) и «**улучшении уровня и качества жизни населения и развитии сферы услуг и сельского хозяйства**» (24,2 %). Это свидетельствует о том, что **приезжие в республике, в основном, занимают нишу торговли и сферы услуг.** Если рассмотреть зависимость этого вопроса от пола и места проживания, то особых различий не обнаруживается, наблюдается почти равное число ответов и у мужчин, и у женщин, у жителей столицы, и районов республики. Анализ ответов разных возрастных категорий свидетельствует о более сдержанных и взвешенных ответах респондентов в возрасте 30–39, 40–49 и старше 60 лет и более позитивных высказываниях молодежи 18–29 лет. Представители других национальностей в большей степени поддерживают присутствие мигрантов в республике, чем буряты и русские, так как нередко сами являются выходцами из этой группы и поэтому при опросе меньше всего делали выбор в пользу негативных последствий их присутствия в Бурятии.

По мнению опрошенных, основная проблема, связанная с присутствием мигрантов в республике состоит в том, что своим приездом они создают дополнительную конкуренцию на рынке труда. Также каждый третий опрошенный (31,0 %), «сталкиваясь с мигрантами из других стран, испытывает **настороженность и опасения**».

Мужчины более склонны видеть негатив из-за присутствия мигрантов в регионе – 31,5 % из них считают, что это приведет к «**межэтническим столкновениям и кон-**

фликтам», среди женщин таких 26,8 %. В то же время 32,1 % женщин, которые в большей мере занимаются воспитанием детей и чаще посещают образовательные и медицинские учреждения, считают, что увеличение мигрантов ведет к «дополнительной нагрузке на социальную сферу (пособия, медицинское обслуживание, дошкольное и школьное образование)» (среди мужчин таких 21,2 %) и к «возможности развития эпидемий» –19,2 % (у мужчин – 14,9 %). Жители г. Улан-Удэ видят больше негативных последствий из-за присутствия мигрантов в республике, чем жители районов. Очевидно, что связано это с большей представленностью в столице Бурятии, чем в районах. Более активные контакты в городе формируют у горожан менее позитивные оценки последствия присутствия мигрантов в республике и определенные опасения с возможностью увеличения их численности.

В целом, исходя из наблюдений за респондентами в ходе проведения исследования и их отдельных высказываний, можно сделать вывод, что обобщенный образ мигранта представляется опрошенными как вероятный нарушитель спокойствия с другой культурой и религией, не знакомой простым жителям Бурятии. В то же время, малочисленность мигрантского сообщества в республике и, соответственно, отсутствие постоянных контактов в разных сферах общественной жизни не позволили респондентам четко выразить свое отношение к ним. Таким образом, результаты социологического исследования демонстрируют неоднозначность восприятия мигрантов населением республики.

Длительный исторический опыт вза-

имодействия народов Байкальского региона, высокий образовательный уровень населения республики способствуют наличию толерантных установок по отношению к мигрантам. Но в общественном мнении присутствуют и настороженные оценки, вызванные тревогой и опасениями в связи с незаконным освоением недр, неприятием ценностей и элементов культуры региона, менталитетом временного жителя у мигрантов, скупкой земель на берегу Байкала^{3,4}. Поэтому даже в спокойной Бурятии, где отсутствуют явные межэтнические конфликты и напряженность, необходима постоянная работа с мигрантским и принимающим сообществом. При продолжающемся оттоке местного населения из республики (как правило, молодежи) и возможном замещении лиц трудоспособного возраста, неквалифицированные мигранты начинают занимать не востребуемые рабочие места, что вряд ли будет способствовать подъему экономики в регионе. Ухудшение социально-экономической ситуации и продолжающаяся бедность населения республики создают предпосылки для стереотипно окрашенных высказываний о мигрантах, и в то же время влияют на малую привлекательность региона для их большого притока. Поскольку суждения по отношению к мигрантам разделились, и часть населения относится к ним одобрительно, важно формировать в СМИ объективный образ мигрантов, выделяя положительные примеры их включения в местное сообщество, например, культурные акции и мероприятия, деятельность известных персоналий и т. д.

Библиографический список

Барышная Н.А. Формирование консенсусного потенциала нациестроительства на региональном уровне (на примере Саратовской области) // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2013. №1 (1). С. 18–25.

Жалсанова В.Г., Бадараев Д.Д., Бреславский А.С. Межнациональные отношения в Республике Бурятия в оценках городского населения (по материалам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2. С. 22–28.

³ Зачем китайцы скупают земли в Сибири и чем они раздражают россиян. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/02/13/baikal/> (дата обращения: 05.04.2010). Why Chinese buy land in Siberia and why they irritate Russians. Available at: <https://lenta.ru/articles/2019/02/13/baikal/> (accessed: 5 April 2010). (In. Russ)

⁴ Сибиряки считают, что теряют Байкал. [Электронный ресурс]. URL.: <https://regnum.ru/news/2384752.html> (дата обращения: 05.04.2010). Siberians believe that they are losing Baikal. Available at: <https://regnum.ru/news/2384752.html> (accessed: 05 April 2010).

Дробижева Л.М. Межнациональное согласие в региональном контексте: сборник научных статей. М.: Институт социологии РАН, 2015. 125 с.

Леонтьев М.Э. Развитие миграционных процессов на постсоветском пространстве: иммиграция в Россию // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 218–224.

Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Максимов М.Б. Миграционные процессы и социально-экономическая безопасность приграничных регионов России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 11 (109). С. 123–127.

Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей]. Институт социологии РАН. Москва: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 411–467.

Мукомель В.И. Интеграция внутрироссийских мигрантов в контексте межнациональных отношений в Ставропольском крае // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь: Издательство Северо-Кавказского федерального университета, 2016. С. 203–209.

Назарова Е.А. Региональные особенности регулирования миграционных процессов (на примере субъектов Федерации юга России) // Социология власти.

2005. № 1. С. 126–139.

Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Постсоветская Россия: особенности миграционных процессов и политики // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 3 (56). С. 55–80.

Петрова Е.В. Социологический мониторинг межнациональных отношений в Республике Бурятия (2016–2017 гг.) // Вестник Университета. 2018. № 10. С. 155–160.

Петрова Е.В. Межнациональное согласие в Республике Бурятия: оценки и мнения участников экспертной панели // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 118–125.

Ромодановский К.О., Мукомель В.И. Регулирование миграционных процессов: проблемы перехода от реактивной к системной политике // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 5–18.

Синдяшкина Е.Н. Влияние миграционных процессов на социально-экономическую ситуацию в России // Труд и социальные отношения. 2012. № 12. С. 105–114.

Черныш М.Ф. Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации. М.: Институт социологии РАН, 2015. 107 с.

Юсупов М.Х. Региональный потенциал миграционных процессов в России: на примере Республики Башкортостан // Вопросы политологии. 2013. № 1 (9). С. 138–145.

References

Baryshnaya N.A. (2013) Formation of the Consensus Potential of the State Building at the Regional Level (on the Example of Saratov Region). *Urgent demands of our time: science and society*. No.1 (1). P. 18–25. (In Russ.)

Zhalsanova V.G., Badaraev D.D., Breslavskiy A.S. (2019) Interethnic relations in the Republic of Buryatia as assessed by urban population (based on sociological study). *Theory and practice of social development*. No. 2. P. 22–28. (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2015) Interethnic concord in a regional context: a collection of scientific articles. Moscow: Institut sotsiologii RAN. 125 p. (In Russ.)

Chernysh M.F. (2015) Socio-economic factors of interethnic tension in the regions of the Russian Federation. Moscow: Institut sotsiologii RAN. 107 p. (In Russ.)

Leontiev M.E. (2011) The development of migration processes in the post-Soviet space: immigration to Russia. *Scientific issues of humanitarian research*. No 6. P. 218–224.

Maksimova S.G., Avdeeva G.S., Maksimov M.B. (2013) Migration processes and social-economic security in the border regions of Russia. *Bulletin of Altai state agricultural university*. No. 11 (109). P. 123–127.

Mukomel V.I. (2016) Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to assessing performance and the role of the host society. [ReformatoryRussia. Annual report. Collection of scientific writings]. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow: New Chronograph. Vol. 14. P. 411–467. (In Russ.)

Mukomel V.I. (2016) Integration of internal Russian migrants in the context of interethnic relations in Stavropol

Krai. Migration processes: problems of adaptation and integration of migrants. Proceedings of the 3rd International scientific-practical conference. Stavropol: Izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo federal'nyi universiteta. P. 203–209. (In Russ.)

Nazarova E.A. (2005) Regional features of the regulation of migration processes (the case of the subjects of the Federation of the South of Russia). *Sociology of Power*. No. 1. P. 126–139. (In Russ.)

Osadchaya G.I., Yudina T.N. (2016) Post-Soviet Russia: features of migration processes and politics. "P.O.I.S.K." (*Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture*). No. 3 (56). P. 55–80. (In Russ.)

Petrova E.V. (2018) Sociological monitoring of interethnic relations in the Republic of Buryatia (2016–2017). *Vestnik Universiteta*. No.10. P. 155–160. (In Russ.)

Petrova E.V. (2017) Interethnic Consent in the Republic of Buryatia: Expert Panel's Assessment and Opinion. *The bulletin of Irkutsk state university. Series "Political science and religion studies"*. Vol. 21. P. 118–125. (In Russ.)

Romodanovskii K.O., Mukomel V.I. (2015) Regulation of migration processes: problems of transition from reactive to systemic politics. *Social sciences and contemporary world*. No. 5. P. 5–18. (In Russ.)

Sindyashkina E.N. (2012) Influence of migration processes on the social and economic situation in Russia. *Labour and social relations*. No. 12. P.105–114. (In Russ.)

Yusupov M.Kh. (2013) Regional potential of migration processes in today Russia: the case of the Republic of Bashkortostan. *Issues of Politology*. No. 1 (9). P. 138–145. (In Russ.)

Сведения об авторах

Петрова Елена Викторовна, доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, 670047, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6,
✉ e-mail: elenapet_05@mail.ru

Жалсанова Валентина Гурожалповна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, (г. Улан-Удэ), Россия, 670047, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6,
e-mail: valyazhal@list.ru.

Бильтрикова Аюна Владимировна, кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ), Россия, 670047, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6,
e-mail: biltr@mail.ru.

Критерии авторства

Петрова Е.В., Жалсанова В.Г., Бильтрикова А.В. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author`s Credentials

Elena V. Petrova, doctor of sociological Sciences, associate Professor, leading researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation),
✉ e-mail: elehapet_05@mail.ru

Valentina G. Zhalsanova, candidate of sociological Sciences, associate Professor, senior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). 6 Sakhyanova str., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670047,
e-mail: valyazhal@list.ru

Ayuna V. Biltrikova, candidate of sociological Sciences, researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation),
e-mail: biltr@mail.ru

Criteria for Authorship

Petrova E.V., Zhalsanova V.G., Biltrikova A.V. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Государственная поддержка как форма улучшения качества жизни представителей коренных народов Севера – Югры: социологический аспект

© С.Х. Хакназаров

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО – Югры). Актуальность темы связана с уровнем занятости и стареющим населением, изменяющимися семейными отношениями и социальным отчуждением. Все это вместе взятое выдвинуло проблемы качества жизни на первый план. Основная цель исследования заключалась в изучении и обобщении вопроса об отношении представителей коренных народов Севера (КМНС) к мерам государственной поддержки малообеспеченных граждан. Материалом исследования послужили данные социологического опроса «Состояние уровня удовлетворенности предоставлением дополнительных гарантий и мер государственной поддержки малообеспеченным гражданам из числа коренных малочисленных народов Севера ХМАО – Югры» (2018 г.), реализованные методом анкетирования. Обработка результатов была выполнена в программе для обработки социологической информации «Votex». В частности, обобщаются и анализируются результаты социологических исследований, проведенные впервые по данной тематике на территории муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2018 г. Исследования проводились анкетным методом. Анкета содержала 19 вопросов с вариантами ответов. Респондентам нужно было выбрать только те из них, которые они считали приемлемыми. В результате большинство (61,2 %) отметили, что их удовлетворяет перечень и объем государственной поддержки малообеспеченным гражданам из числа КМНС. А 32,9 % дали отрицательный ответ.

Ключевые слова: респонденты, коренные малочисленные народы Севера, малообеспеченные граждане, государственная поддержка

Информация о статье: Дата поступления 23 июля 2019 г.; дата принятия к печати 15 августа 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Хакназаров С.Х. Государственная поддержка как форма улучшения качества жизни представителей коренных народов Севера – Югры: социологический аспект // *Социальная компетентность*. 2019. Т. 4. № 3. С. 299–304.

State support as a form of quality of life improvement of representatives of indigenous peoples of the North of Ugra: sociological aspect

© Said Kh. Khaknazarov

Ob-Ugric institute of applied research and development, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

Abstract: The article discusses the quality of life of the indigenous peoples of the North of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra (Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra). The relevance of the topic is related to the level of employment and an aging population, changing family relationships and social exclusion. Taken together, all this highlighted the problems of quality of life. The main objective was to study and generalize the attitude of representatives of the indigenous peoples of the North to measures of state support for low-income citizens. The material of the study was the data of the sociological survey “The level of satisfaction with the provision of additional guarantees and measures of state support to low-income indigenous citizens of the North of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra” (2018), achieved through the questionnaire method. Processing of its results was carried out in the program for processing sociological information “Votex”. For instance, the results of sociological studies conducted for the first time on this topic on the territory of the municipalities of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra in 2018 are summarized and analyzed. The studies were conducted using the questionnaire method. The questionnaire contained 19 questions with answer options. The respondents could simply select only those responses that they considered acceptable. According to the research results, the majority of respondents (61.2 %) noted that they are satisfied with the list and the amount of state support to low-income indigenous people. And 32.9 % of respondents said that they are not satisfied.

Keywords: respondents, indigenous peoples of the North, low-income, state support

Article info: Received July 26, 2019; accepted for publication August 8, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Khaknazarov S. Kh. (2019) State support as a form of quality of life improvement of representatives of indigenous peoples of the North of Ugra: sociological aspect. *Social Competence*. Vol. 4. No. 3. P. 299–304. (In Russ.)

Качество жизни является наиболее важной социальной категорией, которая характеризует структуру потребностей человека и возможности их удовлетворения. Некоторые исследователи при определении понятия «качество жизни» акцентируют внимание на экономическую сторону, материальную обеспеченность жизни населения. Имеет место и противоположная точка зрения, в соответствии с которой «качество жизни» является максимально интегрированным социальным показателем¹. Качество жизни населения – это степень удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей человека.

Известно, что качество жизни является многоаспектным, более широким в сравнении с уровнем жизни, охватывающим все сферы жизнедеятельности общества понятием, которое, в свою очередь, принято рассматривать как совокупность показателей, характеризующих степень реализации личностных социальных стратегий и удовлетворения потребностей людей. Качество жизни характеризует уровень материального и потребления ограниченных природно-ресурсных благ, является категорией не стандартизированной, а вырабатываемой каждой страной самостоятельно, нередко на уровне национальной идеи.

В социально-экономическую категорию качества жизни входят трудно поддающиеся количественному измерению составляющие: финансовая безопасность общества, социально-экономические права и свободы, состояние окружающей среды, ответственность за свои действия и поступки перед будущими поколениями и пр.

С другой стороны, О.А. Кислицына, анализируя работы ряда зарубежных авторов, отмечает, что однозначного определения благополучия не существует. Термин «счастье» чаще используется для описания кратковременных приятных эмоций, в то время как «удовлетворенность жизнью»

применяется для оценки жизни в целом с точки зрения долгосрочной перспективы (Кислицына, 2016). По мнению Ж. Алиевой, качество жизни является широкой концепцией, касающейся уровня благосостояния в обществе. Эта концепция выходит за пределы подхода, связанного с условиями жизни, который обращен на материальные ресурсы (деньги, доступ к товарам и услугам), находящимся в распоряжении людей, и принимает во внимание такие критерии как самочувствие, степень свободы, стиль жизни. Таким образом, эта концепция многогранна и измеряется как объективными, так и субъективными показателями. Качество жизни определяется как индивидуальное восприятие людьми их жизненных условий в контексте культуры, систем ценностей, в которых они живут, по отношению к их целям, ожиданиям, стандартам и заботам. Это широкая концепция, отражающая комплексное взаимодействие физического здоровья, психологического состояния, личных верований и социальных взаимоотношений (Алиева, 2007).

Жоховым А.Н. установлено, что «качество жизни» является оценочной категорией, характеризующей степень удовлетворения комплекса потребностей, соответствующих определенному уровню социально-экономического развития общества. Если «образ жизни» характеризует совокупность основных форм жизнедеятельности людей, «стиль жизни» определяет их тип поведения, «уровень жизни» – основные количественные условия, то «качество жизни», вбирая в себя элементы образа, стиля и уровня, добавляет новые, сугубо качественные показатели, тем самым являясь наиболее приемлемой оценочной характеристикой жизни людей. Качество жизни определяется как системное понятие, служащее интегратором факторов, определяющих уровень развития человека, реализации его потребностей и планов, а также удовлетворенности жизнью и окружающей средой (Жохов, 2006).

Такие понятия как «удовлетворенность жизнью», «благополучие», «счастье», «процветание», «качество жизни» часто используются как взаимозаменяемые (Easterlin, 2003). При этом, если понятие «процветание», как правило, используется для оцен-

¹ Качество жизни населения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grandars.ru/student/mirovaya-ekonomika/uroven-zhizni-naseleniya.html> (дата обращения: 13.03.2019). The quality of life of the population. URL: <http://www.grandars.ru/student/mirovaya-ekonomika/uroven-zhizni-naseleniya.html> (accessed 03/13/2019).

ки реальных экономических условий (Eger, Maridal, 2003), «благополучие» – исключительно по отношению к объективным показателям условий жизни населения, то «качество жизни применимо по отношению к субъективной оценке людей их жизни» (Naas, 1999).

В тоже время для социального государства забота о качестве жизни населения составляет едва ли не первейшую задачу. Независимо от развитости страны, ее экономического веса в мире, принадлежности к странам западной демократии или постсоциалистическим, вопросы справедливости, забота о слабых группах признаются важнейшей функцией государства (Belyaeva, 2018).

Касаясь качества жизни коренного населения, исследователи Н.И. Новикова и В.В. Степанов (Новиков, Степанов, 2010) отмечают, что это понятие используется структурами ООН очень часто. По сути оно является во многих обсуждениях проблем коренных народов ключевым.

Также отметим, что различные аспекты вопроса качества жизни населения исследовали в своих работах Д.Ж. Маркович (1998), В.Н. Бобков и П.С. Масловский-Мстиславский (1998), Д.М. Аронов и Д.М. Зайцев (2002), П.С. Мстиславский (2002), Т.В. Гаврилова (2004) и др.

В данной работе основное внимание будет уделено социально-экономической составляющей части качества жизни на примере коренных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Согласно ст. 1 Закона ХМАО – Югры «О качестве жизни населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» качество жизни населения автономного округа определяется как:

– совокупность социально-экономических и иных критериев (показателей), отражающих уровень и степень достигнутого благосостояния человека в различных сферах его жизнедеятельности, как основного условия устойчивого социального развития гражданского общества и личности;

– социальный прожиточный минимум – стоимостная оценка жизненно необходимых потребностей материального, со-

циального, культурного характера, обеспечивающих общественно приемлемый уровень жизни человека (Закон Ханты-Мансийского...).

В подпрограмме II государственной Программы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера на 2018–2025 годы и на период до 2030 года» для решения задачи «Повышение уровня и качества жизни коренных малочисленных народов» предусматривается реализация следующих основных мероприятий:

1. Обеспечение доступности получения образования коренными малочисленными народами предполагает государственную поддержку в виде компенсации оплаты обучения или оплату обучения; выплаты следующих пособий: дополнительное ежемесячное пособие, пособие на питание, единовременное пособие на приобретение одежды и обуви обучающимся первого и выпускного курсов, ежегодное пособие на приобретение учебной литературы и письменных принадлежностей; компенсации расходов: за проживание в общежитии, за проезд на каникулы от места учебы до места жительства и обратно. Данные пособия выплачиваются в течение всего года.

2. Оказание материальной (финансовой) помощи малообеспеченным гражданам (семьям) направлено на социальную поддержку нуждающихся из числа коренных малочисленных народов в части компенсации:

– стоимости проезда к месту прохождения стационарного лечения в автономном округе и обратно до места жительства (далее – компенсация стоимости проезда к месту прохождения стационарного лечения и обратно);

– расходов по приобретению одежды для ребенка (детей);

– расходов, связанных с перевозкой тела умершего к населенному пункту автономного округа, на территории которого находится место захоронения;

– родителям – стоимости проезда ребенка (детей) от места жительства до места отправления организованных групп детей и обратно по путевкам, предоставля-

емым исполнительными органами государственной власти автономного округа (далее – компенсация родителям стоимости проезда ребенка (детей) от места жительства до места отправления организованных групп детей и обратно) (Постановление Правительства...).

Отметим, что в целом Подпрограмма II государственной Программы (Постановление Правительства...) направлена на поддержку малообеспеченных граждан из числа коренных малочисленных народов, проживающих в автономном округе, оказание помощи в получении образования, укрепления здоровья, сохранении и развитии культуры, родного языка, национальных ремесел, искусства и спорта коренных малочисленных народов. Так или иначе, данная государственная Программа способствует улучшению качества жизни коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского округа – Югры в целом.

В 2018 году сотрудники Обско-угорского института прикладных исследований и разработок провели социологическое исследование на тему «Состояние уровня удовлетворенности предоставлением дополнительных гарантий и мер государственной поддержки малообеспеченным гражданам из числа коренных малочисленных народов Севера ХМАО – Югры» среди молодежи из числа КМНС.

Основной метод исследования – анкетирование. Анкета разработана сотрудниками научно-исследовательского отдела социально-экономического развития и мониторинга Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск). В составлении вопросов принимали участие представители коренных малочисленных народов Севера. При компьютерной обработке результатов была использована программа для обработки социологической информации «Vortex».

Параметры исследования соответствуют подпрограмме II государственной Программы ХМАО-Югры (Постановление Правительства...) для решения задачи «Повышение уровня и качества жизни коренных малочисленных народов Севера» (пункты 1 «Обеспечение доступности получения образования коренными малочисленными народами» и 2 «Оказание материальной

(финансовой) помощи малообеспеченным гражданам (семьям)»).

В опросе приняли участие 487 респондентов из числа КМНС (ханты, манси, ненцы) различных вузов и ссузов ХМАО – Югры. По гендерному признаку среди опрошенных преобладали респонденты женского пола (53,4 %).

Основная часть респондентов (78,6 %) для получения образования приехала из районов Югры.

По уровню получаемого образования все опрошенные распределены неравномерно, преобладают респонденты, получающие среднее профессиональное образование, в том числе в вузах автономного округа – 90,8 %.

Опрос показал, что к категории малообеспеченных относят себя больше половины опрошенных респондентов (54,2 %), затруднились ответить – 10,5 %.

Подавляющее большинство респондентов (87,0 %) знают о мерах государственной поддержки малообеспеченным гражданам из числа КМНС, обучающимся в образовательных организациях.

Абсолютное большинство респондентов (91 %) обучаются на бюджетной основе, всего 3 % получают образование за счет родителей.

Отвечая на вопрос: «Получаете ли Вы пособие для обучающихся?», практически половина респондентов (46,2 %) ответила утвердительно, указав пособия на питание и приобретение учебной литературы, одежды и обуви.

Из числа респондентов, получающих пособия, чаще всего студенты называли единовременное пособие на приобретение одежды и обуви (31,4 %), реже всего получают компенсацию расходов за проживание в общежитии на договорной основе и за проезд на период каникул.

Больше половины опрошенных студентов (61,2 %) удовлетворены объемом государственной поддержки.

Респондентам, неудовлетворенным объемом господдержки, было предложено внести предложения по совершенствованию государственной помощи малообеспеченным обучающимся из числа КМНС: откликнулось 90 человек из 160. Наиболее часто встречаются следующие предложе-

ния: «поддержка всех студентов КМНС, независимо от дохода» – 41 чел. (8,4 %), «выплачивать ежемесячно» – 11 чел. (2,3 %), «выплачивать пособие на одежду обучающимся по рабочим профессиям» – 10 чел. (2,1 %), «увеличить компенсацию оплаты за обучение» – 7 чел. (1,4 %).

Опрос показал, что всех респондентов одинаково волнует проблема будущего трудоустройства. Всего 30 % участников опроса считают достаточным внимание со стороны государства к проблеме трудоустройства молодых специалистов, а 15 % опрошенных считают, что ни на кого полагаться не следует и искать работу нужно самостоятельно. Следует отметить, что более оптимистичны в данном вопросе респонденты, получающие среднее профессиональное образование. Можно предположить, что такое отношение к будущему трудоустройству определяется знанием респондентов ситуации на рынке труда, где более востребованы рабочие профессии и специальности, требующие профессионального образования.

Результаты опроса показали, что чуть больше половины респондентов (54,2 %) относят себя к категории малообеспеченных. Подавляющее большинство (87 %) знают о мерах государственной поддержки малообеспеченных граждан из числа КМНС. Большинство (77,2 %) знакомы с по-

рядком и перечнем документов, необходимых для получения материальной поддержки.

Практически половина опрошенных (46,2 %) получает пособия на питание и приобретение учебной литературы, одежды и обуви. Высока доля студентов, получающих дополнительное ежемесячное пособие и пособие на питание – по 40 %.

Больше половины опрошенных (61,2 %) удовлетворены объемом государственной поддержки.

В формы поддержки обучающихся из числа КМНС респонденты предлагают внести изменения, в частности: «обеспечить всех обучающихся социальным пособием» – 256 чел. (53,2 %), «увеличить пособие на приобретение одежды и обуви в 2-3 раза» (43 %).

В заключение отметим, что опрос показал, что государство оказывает государственную поддержку (материальную и финансовую) малообеспеченным гражданам из числа коренных малочисленных народов Севера ХМАО – Югры, содействуя улучшению качества их жизни. С другой стороны, результаты исследования указывают на необходимость доведения информации о мерах государственной поддержки до каждого представителя из числа КМНС.

Библиографический список

Алиева Ж.Н. Повышение качества жизни в государствах – членах Черноморского экономического сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pabsec.org/depo/documents/reports-and-recommendations/ru-rep-z608rvwuot.pdf> (дата обращения: 12.03.2019).

Аронов Д.М., Зайцев В.П. Методика оценки качества жизни больных сердечно-сосудистыми заболеваниями // Кардиология. 2002. № 5. С. 92–95.

Бобков В.Н., Масловский-Мстиславский П.С. Качество жизни: концепция и измерение. М.: Всероссийский центр уровня жизни, 1998.

Гаврилова Т.В. Принципы и методы исследования качества жизни населения // Технологии качества жизни. 2004. № 2. С. 1–11.

Жохов А.Н. Региональный аспект управления качеством жизни населения: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Великий Новгород, 2006. 27 с.

Кислицына О.А. Измерение качества жизни/благополучия: международный опыт. М.: Институт экономики РАН, 2016. 62 с.

Маркович Д.Ж. Глобальные проблемы и качество

жизни // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 129–132.

Мстиславский П.С. Вопросы теории и методологии анализа качества жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2002. № 2. 517 с.

Новикова Н.И., Степанов В.В. Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области: исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2010. Вып. 217. 46 с.

О качестве жизни населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (принят Думой ХМАО–Югры 10 февраля 2006 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://deppolitiki.admhmao.ru/dokumenty/hmao/223969/> (дата обращения: 14.03.2019).

Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2018–2025 годы и на период до 2030 года: постановление правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (от 3 октября 2013 г. N 398-п) о государственной програм-

ме Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. [Электронный ресурс]. URL: <https://depobrmolod.admhmao.ru/obrazovanie-v-yugre/korennyemalochislennye-narody-severa/gosudarstvennaya-podderzhka-studentov-iz-chislakmns/1710697/postanovlenie-pravitelstva-khmao-yugry-ot-03-10-2013-398-p-o-gosudarstvennoy-programmekhanty-mansiy> (дата обращения: 06.03.2019).
Belyaeva L.A. Quality of life in the subjective estimates of the population: Russia in the European context // *RUDN*

Journal of Sociology, 2018, 18 (4), P. 680–694.
Easterlin R.A. Building a Better Theory of Well-Being. March 2003. IZA Discussion Paper No. 742. 60 p.
Eger R.J., Maridal J.H. A statistical meta-analysis of the wellbeing literature // *International Journal of Wellbeing*. 2003. 5(2). P. 45–74.
Haas B.K. Clarification and Integration of Similar Quality of Life Concepts, IMAGE // *Journal of Nursing Scholarship*. 1999. Vol. 31. No. 3. P. 215–220.

References

Alieva Z.H. Improving the quality of life in the member states of the Black Sea Economic Cooperation. Available at: <http://www.pabsec.org/depo/documents/reports-and-recommendations/ru-rep-z6o8rvwuot.pdf> (accessed: 12 March 2019). (In Russ.)
Aronov D.M., Zaytsev V. P. (2002) Technique of assessment of quality of life of patients with cardiovascular diseases. *Cardiology*. No. 5. P. 92–95. (In Russ.)
Bobkov V.N., Maslovsky-Mstislavsky P.S. (1998) Quality of life: concept and measurement. Moscow: All-Russian center for the standard of living. (In Russ.)
Gavrilova T.V. (2004) Principles and methods of a research of quality of life of the population. *Technologies of quality of life*. No. 2. P. 1–11. (In Russ.)
Zhokhov A.N. (2006) The regional aspect of managing the quality of life of the population: extended abstract of cand. dissertation (Economics): Velikij Novgorod. 27 p. (In Russ.)
Kislicyna O.A. (2016) Izmerenie kachestva zhizni / blagopoluchiya: mezhdunarodnyj opyt [Measuring quality of life / welfare: international experience]. Moscow: Institut ekonomiki RAN. 62 p. (In Russ.)
Markovic D.Zh. (1998) Global problems and quality of life. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 129–132. (In Russ.)
Mstislavsky P.S. (2002) Issues of theory and methodology of the analysis of quality of life. *Standard of living of the population of regions of Russia*. No. 2. P. 517. (In Russ.)
Novikova N.I., Stepanov V.V. (2010) Indicators of the quality of life of indigenous peoples of the Sakhalin Oblast of the North: research on applied and urgent eth-

nology. Moscow: IEHA RAN. Vyp. 217. 46 p. (In Russ.)
On the quality of life of the population of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra: resolution of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra (adopted by the Duma of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra on February 10, 2006). Available at: <https://deppolitiki.admhmao.ru/dokumenty/hmao/223969/> (accessed: 14 March 2019). (In Russ.)
Socio-economic development of the indigenous peoples of the North of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra for 2018–2025 and for the period until 2030: Decree of the Government of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra (October 3, 2013 N 398-p) on the government program of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra. Available at: <https://depobrmolod.admhmao.ru/obrazovanie-v-yugre/korennyemalochislennye-narody-severa/gosudarstvennaya-podderzhka-studentov-iz-chislakmns/1710697/postanovlenie-khmama-ot-03-10-2013-398-po-gosudarstvennoy-programmekhanty-mansiy> (accessed: 06 March 2019). (In Russ.)
Belyaeva L.A. Quality of life in the subjective estimates of the population: Russia in the European context // *RUDN Journal of Sociology*, 2018, 18 (4), P. 680–694.
Easterlin R.A. Building a Better Theory of Well-Being. March 2003. IZA Discussion Paper No. 742. 60 p.
Eger R.J., Maridal J.H. A statistical meta-analysis of the wellbeing literature // *International Journal of Wellbeing*. 2003. 5(2). P. 45–74.
Haas B.K. Clarification and Integration of Similar Quality of Life Concepts, IMAGE // *Journal of Nursing Scholarship*. 1999. Vol. 31. No. 3. P. 215–220.

Сведения об авторе

Хакназаров Саид Хамдамович, кандидат геолого-минералогических наук, заведующий отдела социально-экономического развития и мониторинга. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок.
Россия, 628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14А (ОУИПИИР),
✉ e-mail: S_haknaz@mail.ru

Критерии авторства

Автор провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Said Kh. Khaknazarov, Cand. Sci. (Geology and Mineralogy), Head of Socio-Economic Development and Monitoring Department in Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development.
14A Mir St., Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation,
✉ e-mail: S_haknaz@mail.ru

Criteria for Authorship

The author has conducted research, formalized scientific results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Том 4 № 3
2019

SOCI@COM

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

сетевое издание № 3 2019

Электронный научный журнал зарегистрирован 26.12.2017
(Свидетельство Роскомнадзора о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-72033).

Главный редактор Е.Н. Струк

Редактор Н.Н. Куклина
Ответственный за выпуск Е.Г. Копалкина
Перевод на английский М.И. Поповой
Верстка Н.П. Дзюндзя

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции:

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

E-mail: sociacom@mail.ru

Тел./факс 8(3952) 405-442

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»